

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ю.В. Кобенко, Т.И. Меремкулова

**ГАЛЛЬСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ:
СТРУКТУРНО-СИСТЕМНЫЕ
И ФУНКЦИОНАЛЬНО-ДИНАМИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ**

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2018

УДК 811.112.2'373.2=811.133

ББК 81.432.4

К55

Кобенко Ю.В., Меремкулова Т.И.

К55 Галльские заимствования в современном немецком языке: структурно-системные и функционально-динамические особенности. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. – 192 с.

ISBN 978-5-94621-759-0

В работе исследуются структурно-системные и функционально-динамические особенности лексических единиц заимствованного галльского пласта в составе современного немецкого литературного языка.

Для специалистов в области германского и романского языкознания, аспирантов, преподавателей, переводчиков и всех интересующихся вопросами исторического языкознания.

УДК 811.112.2'373.2=811.133

ББК 81.432.4

Рецензенты:

А.В. Иванов, доктор филологических наук, профессор;

М. Дебрени, доктор филологических наук, профессор

ISBN 978-5-94621-759-0

© Кобенко Ю.В., Меремкулова Т.И., 2018

© Томский государственный университет, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
Глава 1. СИСТЕМНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ГАЛЛЬСКОГО ПЛАСТА В СОСТАВЕ НЕМЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА.....	15
1.1. Периодизация галльских волн заимствования в истории немецкого литературного языка.....	15
1.1.1. Заимствования эпохи рыцарства (XI–XIII вв.).....	22
1.1.2. Заимствования эпохи феодальной раздробленности (XIV–XVI вв.).....	26
1.1.3. Заимствования эпохи абсолютизма (XVII–XVIII вв.).....	28
1.1.4. Заимствования Нового времени (XIX–XX вв.).....	33
1.2. Тематические группы заимствованных галлицизмов.....	35
1.3. Этимологический анализ единиц галльского пласта.....	40
Выводы по первой главе.....	45
Глава 2. СТРУКТУРНО-СИСТЕМНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГАЛЛИЦИЗМОВ В СИСТЕМЕ НЕМЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА.....	47
2.1. Критерии отбора и систематизации лексических единиц корпуса заимствованной галльской лексики.....	47
2.2. Специфика ассимиляции галлицизмов.....	54
2.2.1. Особенности фонетической ассимиляции галльских заимствований.....	60
2.2.2. Особенности морфологической ассимиляции галлицизмов.....	62
2.2.3. Особенности орфографической ассимиляции галлицизмов.....	70
2.3. Гибридность лексических единиц галльского пласта.....	73
2.4. Типология заимствованных галлицизмов.....	76
2.5. Ономотологический анализ единиц галльского пласта.....	83
2.6. Парадигматические ряды с единицами галльского пласта.....	88
Выводы по второй главе.....	97
Глава 3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-ДИНАМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГАЛЛЬСКОЙ ЛЕКСИКИ В НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕЧИ.....	101
3.1. Синхронная вариантность галлицизмов.....	101
3.1.1. Фонетическая вариантность галлицизмов.....	103
3.1.2. Морфологическая вариантность галлицизмов.....	109
3.1.3. Орфографическая вариантность галлицизмов.....	114
3.2. Функционально-стилистические особенности дистрибуции галльских заимствований в современной немецкой литературной речи.....	117
3.3. Ортологические особенности функционирования галлицизмов в современной немецкой литературной речи.....	121
3.4. Лингвоэкологические предпочтения дистрибуции галльских единиц в текстах с высоким содержанием англо-американской лексики.....	123
Выводы по третьей главе.....	129

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	131
ЛИТЕРАТУРА.....	134
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	163
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	164

ВВЕДЕНИЕ

Работа посвящена структурно-системному и функционально-динамическому описанию особенностей лексики галльского (лат. *gallicus* – французский) происхождения в системе современного немецкого литературного языка (СНЛЯ). Омонимия с *галльским*, мёртвым языком кельтской ветви, распространённым в Галлии (главным образом в её трансальпийской части, в целом совпадающей с территорией современной Франции) до VI в., является допустимой погрешностью в работах в области романо-германского языкознания.

Структурно-системное описание заимствованного галльского пласта (ГП) направлено на выявление его этимологических, генетических, ономотологических, грамматических (деривационных), фонетических, семантических, таксономических и парадигматических свойств. Функциональный аспект описания предполагает рассмотрение дистрибутивных, акцентологических, стилистических, ортологических и лингвозокологических особенностей функционирования галлицизмов в современной немецкой литературной речи. «Современность» понимается в классическом бодуэновском смысле как наиболее удобный для выявления синхронных особенностей заимствованной лексики отрезок языкового развития продолжительностью в 20 лет, соответствующий в данной работе временному диапазону 1997–2017 гг. Под термином «динамический» подразумевается, вслед за К.С. Горбачевичем, анализ материала не в строго синхронной плоскости, а с учётом ретроспективы и перспективы развития исследуемого пласта заимствованной лексики в системе СНЛЯ (Горбачевич 2009, 5).

Совмещение структурно-системной и функциональной составляющих природы галльского наследия в СНЛЯ, могущих выступать предметами отдельных исследований, в одном исследовании объясняется, с одной стороны, неправомерностью исключения любого из этих взаимообусловленных и взаимозависимых аспектов из поля внимания, а с другой – невозможностью интерпретации функциональной стороны заимствованного языкового материала вне его структурно-системных особенностей. Структурно-системное описание ксенолексики присуще главным образом контактологической (системно-исторической) традиции языкознания, в то время как в функционально-исторической традиции упор делается, соответственно, на анализ динамических свойств заимствованных элементов и тенденций их функционирования в языке-реципиенте (ЯР).

Объединение данных традиций в настоящей работе для описания особенностей лексических единиц (ЛЕ) ГП в составе СНЛЯ образует укрупнённый системно-динамический подход, позволяющий изучать систему языка и её подсистемы на определённых языковых уровнях в контексте непрерывного изменения. Динамическая концепция системы языка, получившая начальное развитие в трудах теоретиков, в первую очередь, Пражского лингвистического кружка Й. Вахека и Ф. Данеша, исходит из тезиса об *открытом характере языковой системы и конституирующих её элементов и принципиальной незавершённости процессов развития как центральных (автохтонных немецких единиц), так и периферийных (заимствованных) элементов* (Булыгина 1990, 391).

Актуальность исследования определяется преимущественно *экстралингвистическими* факторами, отражающими, согласно В.М. Жирмунскому «изменения общественной идеологии, которые, в конечном счете, обусловлены развитием общественно-экономических отношений» (Жирмунский 1948, 296).

1. *Географическая близость* ареалов распространения немецкого и французского литературных идиомов, а также их исторической взаимосвязью и взаимообусловленностью вследствие регулярных языковых контактов.

2. Проистекающая отсюда *продолжительность* галльского влияния на немецкий язык, составляющая отрезок истории почти в тысячелетие (XI–XX вв.), главным образом благодаря сохраняющейся престижности Франции в глазах немецкоговорящих соседей.

3. *Возобновляющийся интерес* пользователей СНЛЯ к значительно ассимилированному галльскому пласту (см. об этом подробнее п. 2.2) на фоне инвазивного и зачастую неконтролируемого заимствования ксенолексики англо-американского происхождения с 1945 г. В этой связи обращает на себя внимание становящееся всё более отчётливым предпочтение широко известных и понятных рядовому пользователю галлицизмов модным, но малопонятным англо-американским заимствованиям в практике редактирования, к примеру, немецкоязычной периодики в сфере спорта (см. об этом п. 3.4).

4. *Новый виток исторического развития интернациональной лексики* греко-латинского происхождения, которая проходит очередной этап реартикуляции и ресемантизации в немецком языке, связанный с переосмыслением её преимущественно галльского облика и содержания во многом благодаря роли французского языка в развитии интернационализмов.

5. *Значительная укоренённость* галльского пласта в системе немецкого литературного языка в сравнении с другими, более молодыми гетерогенными пластами (например, английским, тюркским). Во-первых, галльские заимствования первой волны XI–XIII вв. (ср.: *Abenteuer, Sold, Turnier*) намного старше многих автохтонных единиц в словарном фонде СНЛЯ, а во-вторых, синхронно воспринимаются немцами как исконные ЛЕ. Это свидетельствует в пользу традиционного характера галлизации немецкого языка с её исторической неравномерностью и многоаспектностью.

Степень разработанности темы исследования. Обширность галльского наследия в немецком литературном языке находит отражение в значительном вкладе в разработку данной проблематики, в первую очередь, зарубежных лингвистов. Заслугой отечественной лингвистики, прежде всего, советского прошлого видится глубокое изучение историографической фактологии (письменных памятников, жанровой палитры, переводных источников и пр.) и тех историко-культурных сред, в анизотропии которых происходили те или иные события, значимые для истории немецкого языка.

Галло-германским языковым контактам и периодизации галльских влияний в истории немецкого языка посвящены труды В.М. Жирмунского (1948); А. Баха (1956); Р. Бранта (1982); М.М. Гухман, Н.Н. Семенов (1983); Б. Воланд (1986); Й. Крамера (1992); Т. Хёпеля (2001); О.И. Москальской (2003); И. Цольна (2004); Х.-В. Эромса (2006); В. Шмидта (2007); П. фон Поленца (2009); С.Н. Халевиной (2009); Х.У. Шмида (2010); С.Е. Груенко (2011); М.М. Каплиной, С.А. Жезловой (2016); Ю.В. Кобенко (2017) и др.

Особенности ассимиляции заимствованных галлицизмов, их классификации и ономазиологической специализации получили освещение в работах Б. Шефер-Прис (2010); Т.С. Графковой (2011); Л.Н. Мирошниченко (2013); Ю.А. Готлан (2013); О.В. Фельде (2014); Н.Н. Синициной (2014); Ю.В. Плоцкой, Г.Г. Бабаловой (2014); Т.Н. Талецкой, М.А. Костюкевич (2015); И.Г. Юргенс (2016); Н.В. Разумовой (2016); Н.И. Дзенс, Т.М. Пристинской, Е.В. Шерстюковой, Е.В. Толстолуцкой (2016); А. Дебруннера (2017) и др.

Функционированию галлицизмов в немецкой литературной речи и аспектам их кодификации посвящены труды М.С. Колесниковой (1987); Р. Теллинга (1990); Н. Морген (2005); Е.А. Титовой (2009); У. Заятц (2009); И.В. Лобановой (2010); А.В. Фадеевой (2011); Э.Б. Яковлевой (2012); А.Н. Руссу (2014); Т.В. Клюевой (2015); И.М. Евтиховой, А.В. Лебедевой (2015) и др.

Некоторые аспекты данной проблемы затронуты в работах Е.И. Шендельс (1982); Е.В. Розен (1991); Н.И. Филичевой (1992); М.Д. Степановой, И.И. Чернышёвой (2003); И.Г. Ольшанского, А.Е. Гусевой (2005); А.А. Романова, О.Н. Морозовой, С.Э. Носковой (2007) и др.

Тем не менее на данный момент не существует работ, в задачи которых входило бы описание таких явлений, как переозвучивание ЛЕ ГП под влиянием новых престижных языков-доноров (ЯД), анализ преференциальной дистрибуции галлицизмов в лингвоэкологическом аспекте и гетеролингвальной функционально-стилистической синонимии (диглоссии) образца «галльский vs. немецкий». Фрагментарно упоминается и такой значимый для эволюции литературных языков аспект, как гибридизация заимствованной и автохтонной лексики и такой её симптом, как псевдозаимствование (апостериорная деривация). Помимо этого, в отечественном и в зарубежном языкознании не проводились исследования, направленные на систематизацию особенностей галльского наследия в СНЛЯ.

Приведённые соображения позволяют признать изучение структурно-системных и функционально-динамических свойств ЛЕ ГП в системе СНЛЯ актуальным и своевременным.

Материалом исследования послужил корпус заимствованных ЛЕ галльского происхождения в количестве 3 813, составленный из первичных и вторичных источников материала. *Первичными источниками* выступают: 1) образцы звучащей немецкой речи, записанные авторами во время их пребывания в ФРГ в период 2007–2009 гг.; 2) подборка немецких литературных текстов широкой тематики с примерами дистрибуции галлицизмов за период 1997–2017 гг. общим объёмом 5 768 условных страниц (более 1 150 текстов на каждую функционально-стилистическую разновидность (1/5) СНЛЯ). *Вторичные источники* представлены сплошными выборками из лемматических корпусов одно- и двуязычных словарных изданий семасиологического типа и специальных регистров галльской лексики на основании следующих этимологических помет: «*фр.*» (*французский*), «*fr(z).*» (*französisch* – французский) и «*afr(z).*» (*altfranzösisch* – старофранцузский как совокупное обозначение романских идиомов языковой группы ойл (*Langues d'oil*), распространённых на территории Среднего Севера современной Франции в период X–XIV вв. (Kibler 1984, XVIII)). Материальной базой вторичных источников являются: 1) 28 периодических изданий толковых, ортологических (немецко-немецких) и переводных (немецко-французских, франко-немецких и немецко-русских) электронных и печатных словарей; 2) электронная картотека DWDS (*Das*

Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart) Берлинско-Бранденбургской академии наук (*Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften*); 3) четыре списка галлицизмов, находящихся в открытом доступе на немецкоязычных электронных порталах и образовательно-новостных таблоидах в немецком сегменте электронной сети Интернет (с тэгом «de»). Всего для отбора галльской лексики в немецком литературном языке было привлечено 46 единиц специальных (вторичных) источников. Полнота охвата галльского пласта в современном немецком языке достигается широтой привлечённых источников материала и многоаспектностью проведённого анализа. Принципы отбора галлицизмов изложены в параграфе 2.1.

Таким образом, галлицизмами в настоящей монографии обозначаются единицы галльского происхождения в составе СНЛЯ, заимствованные напрямую из французского языка или из других языков через посредничество французского или образованные по модели французских слов и выражений (кальки, псевдогаллицизмы) в составе немецкого литературного языка (Фельде 2014, 89). Под немецким литературным языком понимается стандартный национальный литературный язык ФРГ, действующий в том числе для так называемых новых федеральных земель с 1991 г. В задачи исследования не входит рассмотрение структурно-системных и функционально-динамических особенностей заимствованной галльской лексики в прочих территориальных разновидностях немецкого литературного языка, включая другие немецкоговорящие страны. *Заимствование* трактуется в настоящей работе вслед за Д.С. Лотте двояко: «...во-первых, как элемент ЯД, перенесённый в систему ЯР (в структурно-системном аспекте – *Прим. наше*), и, во-вторых, как процесс такого перехода (в функционально-динамическом аспекте. – *Прим. наше*)» (Лотте 1982, 10).

Объектом наблюдения выступают галлицизмы, вошедшие в состав немецкого литературного языка в период XI–XX вв; предметом – структурно-системные и функционально-динамические особенности галлицизмов в системе СНЛЯ.

Цель работы – описание структурно-системных и функционально-динамических особенностей ЛЕ пласта заимствованной лексики галльского происхождения в системе СНЛЯ.

Указанная цель позволяет сформулировать следующие задачи исследования:

1) дать количественный анализ корпуса заимствованной галльской лексики в СНЛЯ, предполагающий его сегментацию по частеречному,

ономасиологическому, этимологическому и темпоральному (датировке заимствования) признакам;

2) определить индекс и особенности ассимиляции ЛЕ ГП;

3) выделить устойчивые типы ЛЕ и субклассы онимного сегмента ГП;

4) выявить наиболее частотные парадигматические отношения ЛЕ галльского корпуса и с другими ЛЕ словарного фонда СНЛЯ;

5) определить особенности синхронного функционирования галльских заимствований в современной немецкой литературной речи;

6) установить лингвоэкологические предпочтения дистрибуции галлицизмов в текстах современной немецкой публицистики с высоким содержанием заимствованной лексики англо-американского происхождения.

Таким образом, задачи 1, 3–6 направлены на выявление структурно-системных, а задачи 2, 7–9 – функционально-динамических особенностей заимствований галльского происхождения в системе СНЛЯ.

Для реализации поставленных задач привлекался корпус обще- и частнонаучных (лингвистических) методов.

К общенаучным относятся:

– методы логики: *анализ* (выделение родового / видового признаков в структуре галлицизма; расслоение ГП по частеречному, ономасиологическому, этимологическому, темпоральному признакам); *синтез* (объединение галльских заимствований в тематические и темпоральные группы); *индукция* (установление связи между фактом заимствования и конкретным социальным явлением или процессом; соотнесение дистрибутивных свойств галльских единиц с грамматическими категориями и тенденциями развития немецкого литературного языка); *дедукция* (конкретизация тематических, этимологических, темпоральных и функционально-стилистических сегментов ГП в отдельных заимствованиях); *сравнение* (установление сходства или различий ЛЕ внутри ГП, а также собственно галлицизмов с автохтонными словарными единицами); *обобщение* (нахождение общих свойств и признаков галлицизмов, а также особенностей их генеза в системе СНЛЯ); *аналогия* (перенесение свойств одной ЛЕ на другую в аспектах синонимии и галло-немецкой диглоссии); *моделирование* (построение идеальных моделей исторических периодов заимствования галлицизмов).

– методы статистики: *квантитативные методы* (использование числовых данных и стандартизированных методов обработки корпуса галлицизмов; оперирование усреднёнными показателями для определения количества использованных источников материала); *диалектический метод* (рассмотрение процессов галлизации системы немецко-

го литературного языка в развитии, взаимосвязи и причинной обусловленности); *метод группировки* (структурное, типологическое и аналитическое (факторное) разделение материала исследования по существенным признакам; сложная сводка статистических данных анализа галльского корпуса в виде таблиц и диаграмм).

К частнонаучным (лингвистическим) принадлежат:

– сравнительно-исторический метод с приёмами *внешней реконструкции* (обнаружение генетически родственного морфемного материала галльского происхождения в СНЛЯ и выявление в нём общих структурных (фономорфологических) закономерностей ЯД), *внутренней реконструкции* (обнаружение темпорально и генетически неоднородных единиц и явлений как в системе СНЛЯ в целом, так и в исследуемом ГП в частности), *извлечения информации из анализа галлицизмов* (вычленение заимствований из других языков в галльском корпусе) и *из данных топонимики* (выявление степени ассимиляции галлицизмов в системе СНЛЯ);

– методы структурной лингвистики: *метод компонентного анализа* (исследование грамматических и лексических значений галлицизмов); *оппозитивный метод* (выделение парадигматических рядов омонимов, гетеронимов и пр.); *формально-грамматический метод* (описание соединений сложных слов и словосочетаний); *традиционно-комплексный метод* (частеречная классификация и типология галлицизмов); *метод дистрибутивного анализа* (изучение окружения галлицизмов в синхронной немецкой литературной речи и их способности фонетически, лексически или грамматически сочетаться с другими единицами).

Датировка заимствования определялась с использованием *поискового метода* на материале вторичных источников первой и второй групп.

Теоретико-методологическую базу исследования образуют труды отечественных и зарубежных учёных в области:

– *истории немецкого литературного языка и галло-германских языковых контактов*: В.М. Жирмунского (1948); А. Баха (1956); Л. Рейно (1971); Э. Ойман (1974); Р. Бранта (1982); М.М. Гухман, Н.Н. Семенюк (1983); Э. Оксаара (1984); Х. Вундерлиха, Ж. Мондо (1985); Й. Крамера (1992); Н.И. Филичевой (1992); Р. Келлера (1995); Г. Швейкле (2002); О.И. Москальской (2003); И. Цольна (2004); В. Шмидта (2007); П. фон Поленца (2009);

– *лексикологии, стилистики и грамматики немецкого языка*: Э.Г. Ризель (1959); Е.И. Шендельс (1982); Е.В. Розен (1991); Т. Шиппан (1992); М.Д. Степановой, И.И. Чернышёвой (2003); О.И. Москаль-

ской (2004); Ф. Дорнзайфа (2004); И.Г. Ольшанского, А.Е. Гусевой (2005); А.А. Романова, О.Н. Морозовой, С.Э. Носковой (2007); М.А. Кульковой (2013);

– *контактологии и теории заимствования*: Д.С. Лотте (1982); Б. Воланд (1986); В. Фирека (1988); Р. Теллинга (1990); Л.А. Нефёдовой (1999); Д. Герберга (2002); С.Е. Груенко (2011); О.В. Фельде (2014); Ю.В. Кобенко (2014); Т.Н. Талецкой, М.А. Костюкевич (2015);

– *теории гибридности литературных языков*: Х.Х. Мунске (1988); Д. Ньюблинг (2010); П. Коха (2010); В. Кляйна (2013); П.Н. Донца (2013); К.А. Шишигина (2014); Я.В. Торова (2015); Ю.В. Кобенко (2017);

– *функционирования заимствованных галлицизмов в немецкой литературной речи*: У. Хельфриха (1990); К. Бринкера (2005); С.Н. Халевиной (2009); Е.А. Титовой (2009); Х.У. Шмида (2010); Т.С. Графковой (2011); С.Е. Груенко (2011); П. Эйзенберга (2012); А.В. Иванова (2013); А.Н. Руссу (2014); И.Г. Юргенс (2016); Н.В. Разумовой (2016); Н.И. Дзенс, Т.М. Пристинской, Е.В. Шерстюковой, Е.В. Толстолуцкой (2016);

– *языковой политики и кодификации немецкого литературного идиома*: Н.Н. Семенюк (1996); М.С. Колесниковой (1987); В.В. Наумова (1987); Л. Гётце (2002); В. Шефер (2002); Х.-В. Эромса (2006); Х.-Г. Шмитца (2009); Р.З. Мурясова, Н.Х. Нургалиевой (2012); А. Дебруннера (2017).

Достоверность полученных выводов и результатов исследования обеспечивается широтой привлечённых источников, объёмом корпуса материала исследования, непротиворечивостью и воспроизводимостью выводов и использованием комплекса обще- и частнонаучных методов.

Теоретическая значимость полученных результатов определяется систематизацией подходов к описанию этапности ассимиляции галльской лексики в составе СНЛЯ, дальнейшей разработкой теории гибридности литературных идиомов и углублением положений теории заимствования в аспектах типологии и апостериорной деривации.

Практическая значимость работы обусловлена возможностью использования полученных результатов в учебных и лексикографических целях. Положения и выводы могут быть применены при чтении вузовских курсов по истории, лексикологии, грамматике, фонетике, стилистике немецкого языка, межкультурной коммуникации, при преподавании таких теоретических дисциплин, как теоретическая грамматика, теоретическая фонетика, введение в германское языкознание, социолингвистика, а также при разработке спецкурсов по языковой

политике и теории перевода, при написании курсовых и дипломных работ.

Монография осостоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы, списка использованных сокращений и пяти приложений. В первой главе даётся системно-историческое описание ГП в составе СНЛЯ: выделяются периоды заимствования галльской лексики, определяется их исторический масштаб в эволюционной канве указанного языка, даётся квантитативный, ономаσιологический и этимологический анализ заимствований галльского происхождения. Вторая глава содержит данные структурно-системного анализа лексического наполнения ГП: приводятся принципы и особенности построения исследовательского корпуса заимствованной галльской лексики в СНЛЯ, определяется индекс и специфика ассимиляции галлицизмов в словарном составе указанного языка, раскрываются особенности гибридизации немецкого литературного идиома в условиях галлизации, строится типология заимствованных единиц галльской лексики в составе СНЛЯ, проводится ономаσιологический анализ (от)онимного сегмента ГП, исследуются парадигматические отношения галлицизмов между собой и с другими ЛЕ СНЛЯ. Третья глава посвящена функционально-нормативному анализу дистрибуции заимствованных галлицизмов: изучается синхронная вариативность заимствованных галльских единиц, описываются функционально-стилистические особенности дистрибуции галлицизмов в немецкой литературной речи, строится типология устойчивых отклонений от литературных письменных норм СНЛЯ при дистрибуции указанных единиц, обосновываются лингво-экологические предпочтения функционирования галльских заимствований в текстах с высоким содержанием лексики англо-американского происхождения.

В приложении 1 приведён список псевдогаллицизмов (апостериорных дериватов), входящих в пласт галльской лексики в системе СНЛЯ; приложение 2 содержит перечень калькированных единиц галльского происхождения в составе ГП; приложение 3 включает фразеопаремиологические (в том числе полученные методом калькирования) единицы галльского происхождения в ГП; в приложении 4 содержатся данные ономаσιологического анализа ономастического сегмента ГП; приложение 5 включает парадигматические ряды заимствованных ЛЕ галльского происхождения в составе СНЛЯ.

Монография адресована в первую очередь германистам, лексикографам, этимологам, социолингвистам, переводчикам, специалистам в

области исторического языкознания, а также всем интересующимся проблемами синхронной лингвистики.

Авторы с благодарностью примут замечания, предложения, пожелания, которые просят присылать по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. E-mail: serpentis@list.ru

Глава 1. СИСТЕМНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ГАЛЛЬСКОГО ПЛАСТА В СОСТАВЕ НЕМЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

1.1. Периодизация галльских волн заимствования в истории немецкого литературного языка

Историческое языкознание не выработало единых критериев выделения вех исторического развития литературных языков, что, однако, представляется едва ли возможным, учитывая неодинаковость истории их развития. Общая исследовательская практика исходит из грубого деления языкового развития на дописьменную и литературную части. Традиционные периодизации опираются – главным образом имплицитно – на различия историко-культурных сред, внутри которых зарождаются коллективные тенденции, ведущие к образованию устойчивых исторических формаций.

В теории литературных языков укоренилась традиция выделения *дифференциальных признаков* литературных языков, но не текущих формаций; для немецкого литературного языка Н.И. Филичева предлагает пять таких признаков: 1) обработанность (селективность), 2) полифункциональность (поливалентность), 3) тенденция к регламентации, 4) гомогенность, 5) наддиалектность (Филичева 1992, 18–22). При этом большинством теоретиков литературных языков признаётся крайняя историческая неустойчивость дифференциальных признаков, ср.: «В разные периоды истории немецкого литературного языка соотношение между дифференциальными признаками не является стабильным, а степень и формы обработанности, наддиалектности, полифункциональности – неодинаковы» (Гухман, Семенюк 1983, 6); «литературный язык прежде всего историческая категория, признаки которой не могут быть одинаковы на всём протяжении развития» (Ярцева 2004, 5); «язык, его структура изменяются путём постепенного отмирания элементов старого качества и путём накопления элементов нового качества; совершенно очевидно, что язык в каждый период своего развития обладает особыми качественными признаками, особой структурой, что даёт право говорить об определённом периоде его развития» (Аракин 2003, 24).

Ю.В. Кобенко предлагает считать «отправной точкой для выделения периодов в истории того или иного литературного языка отдельную языковую ситуацию как отражение текущей конфигурации составляющих компонентов определённой социальной и культурно-исторической среды» (Кобенко 2017, 173). Языковая ситуация, действительно, берётся за основу периодизации литературных языков в работах целого ряда исследователей (ср.: Жирмунский 1948; Москальская 1959; Гухман, Семенюк 1983; Филичева 1992; и др.). Формации литературных языков, обозначаемые также периодами, являются стадиями языкового развития, «завершёнными в своей незавершённости» (Кобенко 2017, 174).

Традиционная периодизация истории немецкого литературного языка предполагает выделение трёхсотлетних отрезков его исторического развития:

- 750–1050 гг. – древневерхненемецкий;
- 1050–1350 гг. – средневерхненемецкий;
- 1350–1650 гг. – ранненоверхненемецкий;
- с 1650 г. – новеверхненемецкий (Москальская 1959, 13).

В 2000 г. Й.А. Бэр небезосновательно предложил считать отрезок истории немецкого литературного языка с 1950 г. «поздненововерхненемецким» (*Spätneuhochdeutsch, Postneuhochdeutsch*) периодом в силу существенных изменений в структуре немецкого словарного состава, произошедших под влиянием англо-американских заимствований с 1945 г. (Bär 2000, 30). Несмотря на то, что данной идее не придали должного веса, по-видимому, в силу неготовности научного сообщества принять этот неотвратимый факт, посыл Й.А. Бэра напомнил о принципиальной нерешённости проблемы периодизации исторического развития немецкого литературного языка и оторванности конвенциональной практики сегрегации его истории от фактических парадигм существующих в ней языковых ситуаций. Безусловно, немецкий язык 1650 г. и сегодняшней датировки обнаруживают разительные отличия как структурного, так и содержательного характера (Зимакова 2016, 137), а отсутствие официально принятого периода с 1950 г. побуждает сомневаться в валидности трёхсотлетней периодизации истории немецкого литературного языка.

По этой же причине американские германисты К. Янг и Т. Глоунинг предлагают пятиэтапную модель периодизации его истории:

I	750–1050	Old High German
II	1050–1350	Middle High German
III	1350–1700	Early New High German

IV 1700–1945 New High German

V 1945–2000 Contemporary German (Young, Gloning 2004, 8).

Лексикологическая традиция описания структуры словарного состава литературных языков исходит, на наш взгляд, из наиболее перспективного принципа деления их истории, ставя во главу угла не изменчивые дифференциальные признаки самого языка, а факт заимствования как свидетельство изменения и развития словарного фонда. Языки развиваются путём наращивания (укрупнения) словарных структур благодаря кумулятивному потенциалу лексики, обеспечивающему, по мнению Е.В. Розен, «связь времён» (Розен 1991, 5). Так, историю немецкого литературного языка можно представить как последовательную смену периодов *латинизации* с эпохами Золотого и Серебряного латинизма (*Goldene / Silberne Latinität*), *галлизации* (с тремя волнами заимствования галлицизмов), *англизации* (американизации) со всеми её инвазиями, *славянизации / русификации* и т.п. (Кобенко 2017, 172–173).

Данный принцип можно охарактеризовать как *выделение генетически гомогенных пластов* заимствованной лексики, представляющих «отпечатками» определённых волн заимствования в конкретные периоды истории. Безусловно, действенность данного способа анализа истории литературных языков предстоит доказать, однако следует отметить, что он не противоречит ни рассмотрению языковой ситуации в качестве отправной точки периодизации, ни ставшей традиционной практике фиксации тенденций развития системы литературного языка в определённые периоды, стигматизирующей отдельную историческую формацию (ср.: Braun 1993, 93). Заимствование понимается в этой связи не просто как материальное доказательство языкового контакта, но, прежде всего, как способ развития и изменения литературного языка (ср.: Анненкова, Наумова 2016, 51).

Рассмотрение истории немецкого литературного языка в диахроническом ракурсе, преодолевающим формат отдельной формации, позволяет констатировать его негомогенную природу, что противоречит одному из вышеприведённых дифференциальных признаков. При этом относительно гомогенные участки словарного состава свидетельствуют не о границах его исторических формаций, а скорее о тех языковых ситуациях и, соответственно, влияниях, в контексте которых происходило его историческое развитие. Интралингвистические изменения, якобы выступающие поводом для выделения таких формаций, на наш взгляд, – не более чем следствия изменения системы в условиях определённых влияний, для которых в социолингвистике предусмотрен термин «экзогlossный».

Применительно к описанию истории немецкого литературного языка Ю.В. Кобенко предлагает трихотомию «экзогlossия → диглоссия → полиглоссия», где «экзогlossия» – языковая ситуация с импортированным языком-донором (латынью, французским, английским и др.), «диглоссия» – функционально-стилистическая стратификация автохтонных и импортированных единиц в системе языка-реципиента, «полиглоссия» – ресурсная гетерогенность (гибридность) немецкого литературного языка (Кобенко 2014, 259). Гибридность последнего, несмотря на её более чем выпуклый характер, лишь с недавних пор является объектом внимания лингвистов (см. об этом подробнее в п. 2.3). Феномен заимствования, выступающий отправной точкой гибридизации, имеет решающее значение для языкового развития, «присходящего в направлении, обратном гомогенности ресурсов языка» (Nübling 2010, 264).

Таким образом, относительно самостоятельными отрезками истории немецкого литературного языка следует признать *экзогlossные языковые ситуации* с устойчивыми языками-донорами, наделёнными атрибутом престижности. Под экзогlossной языковой ситуацией в социолингвистике понимается «взаимодействие функционально и генетически разнородных компонентов, распределённых по сферам и социальным группам, внутри отдельной административно-территориальной формации» (Никольский 1976, 80–81). Отличительным признаком экзогlossной языковой ситуации является наличие *металекта* – импортированного языка-донора, оказывающего влияние различной степени продолжительности на местный язык-реципиент (Виноградов 1990, 616–617). Внутри таких периодов влияния можно выделять и более частные исторические отрезки – *волны*, характерные практически для всех периодов иноязычных (экзогlossных) влияний – латинизации, галлизации, англизации и др. Волна заимствования есть определённый этап развития литературного языка, в который предпочиталось или было выгодным заимствовать слова и выражения неизменно из одного престижного языка. Тем самым, волна представляется более частным случаем иноязычного влияния.

По мнению В.И. Беликова и Л.П. Крысина, «влияние возможно при единственном условии: язык-донор должен быть престижным в глазах членов всего языкового коллектива» (Беликов, Крысин 2001, 103). Таким престижным языком-донором (металектом) для немецкого литературного языка более семи столетий (XI–XVIII вв.) оставался французский язык, сменивший в своей функции металекта периоды Золотого и Серебряного латинизма (с начала этногенеза германских диалектов

вплоть до XI в.). И даже сегодня его влияние как престижного языка-донора не исчерпано полностью, о чём свидетельствует заимствование галлицизмов и в XX в. (Кузьмич 2014, 124).

В современных работах по контактной лингвистике «влияние» зачастую используется синонимично термину «инвазия», характеризующему такой тип заимствования, при котором область языкового прироста (неологизации) образуют преимущественно заимствованные единицы из одного языка-донора (Кобенко 2014, 23). Источником языковых новшеств в немецком литературном языке, как отмечалось выше, долгое время выступал французский язык, во многом заменявший немцам того времени литературный стандарт выражения (Schirra 1992, 262). Престиж галльской лексики, и в первую очередь её фонетического облика, а также длительное отсутствие единых литературных норм, в частности, ввиду территориальной раздробленности германских земель, обусловили продолжительное и в значительной степени инвазивное влияние французского на систему немецкого литературного языка.

Согласно теории языкового развития Й. Шмидта языковые инновации обнаруживают волновой характер, «распространяясь от эпицентра подобно концентрическим кругам и постепенно затихая» (Schmidt 1872, 27). Применительно к франкоязычному влиянию в истории немецкого литературного языка традиционно выделяются три волны, определившие характер его исторического развития:

- 1) *период рыцарства и крестовых походов* (XI–XIII вв.);
- 2) *период феодальной раздробленности* (XIV–XVI вв.);
- 3) *период абсолютизма* (с начала Великой французской революции до эпохи Первой империи (*Premier Empire*)) (XVII–XVIII вв.) (ср.: Volland 1986, 10–13; Kramer 1992, 49; Polenz 2000, 85–115; Zollna 2004, 3196–3197; Ольшанский, Гусева 2005, 129–130; Талецкая, Костюкевич 2015, 135; Каплина 2016, 193). Наиболее интенсивной традиционно считается третья волна галлизации немецкого литературного языка (ср.: Jones 1976, 118; Brunt 1983, 72; Höpel 2001, 213). Анализ ГП в немецком литературном языке (см. табл. 1) подтверждает это положение, однако также позволяет выделить четвёртый период галлизации, объединяющий эпохи французского колониализма и промышленной революции;
- 4) *период нового времени* (XIX–XX вв.).

По интенсивности влияния на систему немецкого литературного языка заимствование четвёртого периода уступает лишь третьей волне, как показано на табл. 1. Последняя представляет динамику галлизации

немецкого литературного языка с разбиением заимствованного материала по частеречной принадлежности. Сгущение оттенка серого эксплицирует повышение интенсивности галльского влияния.

Т а б л и ц а 1

**Интенсивность галльских волн
в истории немецкого литературного языка**

Пе-ри-од	Век	Количество заимствованных ЛЕ	Частеречная принадлежность						
			N.	Adj.	V.	Adv.	Int.	Part.	др.
1	XI	16	14	2	–	–	–	–	–
	XII	28	23	3	2	–	–	–	–
	XIII	27	25	–	2	–	–	–	–
2	XIV	26	21	2	3	–	–	–	–
	XV	97	78	7	10	–	–	–	2
	XVI	286	208	27	49	–	1	–	1
3	XVII	680	489	73	98	2	1	–	17
	XVIII	1 349	911	221	153	7	4	1	52
4	XIX	911	658	111	130	1	3	–	8
	XX	299	228	23	43	–	–	–	5
Итого:		3 719(+94)	2 655	469	490	10	9	1	85

Под «др.» (другими) имеются в виду сложные единицы (предложные группы, фразеологизмы, паремии (см. об этом также в п. 2.4)) без частеречной принадлежности, а также ксенизмы (ср.: *manque*) первой ступени ассимиляции (см. об этом в пп. 2.2.1). Субстантивированные причастия относятся к классу прилагательных, как того требует немецкая лексикографическая традиция (см. также пп. 2.2.2). Итоговое количество заимствованной галльской лексики дано без учёта псевдогаллицизмов (+94), которые образованы в системе немецкого литературного языка на основе уже заимствованного языкового материала галльского происхождения (см. об этом подробнее в п. 2.1, 2.4). Общее количество галлицизмов, включая псевдозаимствования, составляет 3 813 ЛЕ. Итоговая строка даёт сводную информацию о частеречной специфике галлизации немецкого литературного языка.

На рис. 1 показано соотношение заимствованных галлицизмов по частеречному признаку. Значительный перевес имён существительных свидетельствует о потребности говорящих в номинации новых денотатов в изменённых условиях реальности (Кобенко 2014, 23). С тем же можно наблюдать, как по мере увеличения интенсивности влияния диверсифицируется палитра частей речи, особенно явно это прослеживается в классе глагола, вспомогательных частей речи и сложных ЛЕ.

Три ведущих класса заимствований представлены знаменательными частями речи: именами существительными, прилагательными и глаголами.

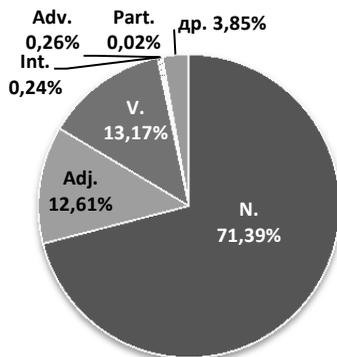

Рис. 1. Соотношение ЛЕ, заимствованных в процессе галлизации немецкого литературного языка, по частеречной принадлежности

Как явствует из табл. 1, к XX в. французское влияние заметно ослабло в сравнении с динамикой третьей волны (XVII–XVIII вв.), однако интенсивность заимствования четвёртого периода позволяет заключить, что галлизация немецкого литературного идиома продолжается.

Э. Ойман рассматривает галлизацию немецкого языка в общем контексте романизации как продолжение латинского влияния (Öhmann 1974, 323–396). Такая точка зрения оправдывает себя во многом тенденцией к интернационализации галльского наследия в европейских языках, а также его статусом своего рода надстройки более раннего латинского наследия. Согласно данным анализа корпуса французский язык выступил посредником (ЯП) для 2 256 латинизмов (60,66%) и 393 романизмов (заимствований из итальянского (299), испанского (86) и португальского (8) языков) (10,55%) (см. о данных этимологического анализа в п. 1.3). Хотя многие латинизмы были частично видоизменены при заимствовании (Малинина 2011, 49), их схожесть в немецком и французском языках выступает платформой для языкового контакта. Несмотря на то, что латынь как ЯД уступила в XX в. пальму первенства английскому языку (Копырина 2013), латинское наследие продолжает оставаться актуальным и, наряду с греческим словарным ресурсом, по-прежнему является базой международного лексического,

в том числе терминологического, фонда (Маринова 2015, 146). Как отмечает А. Бах, немецкий язык со времён латинизации никогда не оставался полностью свободным от латинского влияния, а французский играл при этом роль регулярного ЯП (Бах 1956, 215).

Несмотря на то что доля заимствованных корней оценивается в современном немецком языке всего в 12–14% (Ольшанский, Гусева 2005, 127), влияние галлизации – как надстройки латинизации или самостоятельной тенденции – на систему немецкого языка многими немецкими германистами признаётся крупнейшим после латинского (ср.: Бах 1956, 120–121; Telling 1990, 47; Thiele 1993, 4; Polenz 2009, 100). И хотя некоторые контактологи оспаривают данный вывод и считают англизацию (американизацию) наиболее значительным влиянием в истории немецкого литературного языка (Viereck 1984, 938; Munske 2001, 16; Schmitz 2002, 135), в конечном итоге, рассмотрение особенностей ГП вне латинского наследия в СНЛЯ было бы невозможным (Евтихова, Лебедева 2015, 13).

1.1.1. Заимствования эпохи рыцарства (XI–XIII вв.)

В сущности, всякий период заимствования является «обликом» определённой эпохи, её культурологическим отражением, которое В.Г. Сухенко обозначает «языком времени» (Сухенко 2015, 244). Как отмечает Э. Оксаар, «со времён Г. Шухардта контактология привлекает данные различных гуманитарных и естественных наук, чтобы максимально полно отразить специфику языковых контактов» (Оксаар 1984, 846).

Языковые контакты между Германией – в первую очередь, её областями Баварией и Франконией (Воробьёва 2016, 108) – и Францией зародились задолго до первой волны заимствования. По мнению А. Бах, франкская церковь в эпоху Меровингов в VII–VIII вв. влияла на Германию главным образом через Лотарингию, распространяя не только церковную, но и светскую лексику (Бах 1956, 79). Область между Парижем и Кёльном образовывала, словами немецкого историка К. Лампрехта, «замкнутый культурный ареал», внутри которого языковые границы не совпадали с политическими (Lamprecht 2013, 64). В эпоху Каролингов немецкие и французские области были подвластны одному и тому же скипетру и даже впоследствии оставались двуязычными. Так, в германских провинциях Фландрии, Нижней и Верхней Лотарингии, подчинявшихся французской короне, франко-германское двуязычие сохранялось благодаря объединяющей роли

церкви и деятельности франкских миссионеров (Öhmann 1974, 323). Церковные миссии, основанные в Санкт-Галлене, Мурбахе, Фульде и других городах и созвучные политическим веяниям единого франкского государства Меровингов, где французское и немецкое население жило вместе (Бах 1956, 79), способствовали укреплению галло-немецких языковых контактов.

Первое официальное упоминание последних приходится на время так называемых Страсбургских клятв (*Straßburger Eide*), союзническим договором между правителем Западно-Франкского королевства Карлом Вторым и его братом восточнофранкским королём Людовиком Вторым: составленные на старофранцузском языке и датированные 14 февраля 842 г., клятвы ознаменовали начало использования французского и немецкого в качестве полуофициальных языков на едином латиноязычном пространстве (Brockhaus 2003).

Средневековый французский героический эпос *Chanson de geste*, первое упоминание которого приходится на X в., воспевал на староокситанском и провансальском наречиях военные походы франкских королей против арабов (мавров) и включал элементы бытия святых, бытовавшие в монастырях вдоль паломнических маршрутов во Францию. Всего сохранилось около 80 героических песен, наиболее известной из которых является «Песнь о Роланде» (*Rolandslied*; ≈ 1100 г.). Развитие таких эпических жанров французской поэзии (зачастую на испано-арабский манер стихосложения), как романс (*Romanze*), повесть в стихах (*Verserzählung*), куртуазная лирика (*höfische Lyrik*), весьма популярных в то время, способствовало формированию смешанного койнэ – куртуазного языка с многочисленными французскими заимствованиями, содержание которых преимущественно определялось идиолектом или диалектом того или иного печатника (*Kopist*), – в районах северной и средней Германии (Pinkernell 2017).

Господствующим классом в феодальной Германии средневерхне-немецкого периода (1050–1350 гг.) была военно-земледельческая знать, которая активно участвовала в итальянских кампаниях германских императоров (в том числе в двух осадах Милана в 1158 и 1161 гг.). Крестовые походы как форма борьбы с папством и империей Ватикана *привели к образованию рыцарства (Rittertum)*, вначале как отдельных конных отрядов, окружающих крупных феодалов и награждаемых за службу землёй, а впоследствии как сословной организации, охватывающей всю феодальную аристократию, со своим уставом, правилами «куртуазного» (старофр. *courtois*, средневерхненем. *hövesch*, нем. *höfisch* – придворный) поведения, своими идеалами сословной чести и доблести (Жирмунский 1948, 39).

Средневерхненемецкое слово «*ritter*» впервые появляется около 1100 г. в средненидерландском языке в форме «*riddere*», будучи калькой французского «*chevalier*». Первоначально, в немецкоязычном средневековом универсуме, слово «*ritter*» не имело общих смысловых коннотаций с широко известным образом благородного воина на коне, которые полностью устанавливаются лишь к концу XIII в. Произошедшие трансформации смысла были обусловлены диалектической взаимосвязью двух исторических факторов: во-первых, ростом феодальных отношений, который способствовал формированию страты рыцарства с присущим ей самопониманием и самоименованием; во-вторых, «символическим импортом», который осуществлялся германскими императорами из Франции, как эталоном сильной и независимой королевской власти (Цыганков 2015, 60–69).

Рыцарь заключал договор (оммаж (*Hommage*)); фр. *homme*, лат. *homo* – человек) с сюзереном (фр. *suzerain* от старофр. *suserain* – верховенство), которому обязался служить на взаимовыгодной основе. Если другой сюзерен предлагал рыцарю более выгодные условия, то прежний оммаж расторгался. Отсюда произошла единица *Suzeränität* (*Oberhoheit, Oberherrschaft*), вошедшая в немецкий обиход в Раннее Новое время (XIV–XVI вв.). Подвиги рыцарства послужили развитию такого жанра куртуазной литературы, как средневековый рыцарский роман (Глизерина 2012, 28).

Наиболее известными произведениями данного жанра считаются «Песнь о Нибелунгах» (*Nibelungenlied*) неизвестного автора (конца XII – начала XIII в.), «*Парцифаль*» (*Parzival*) (первоначально «*Персеваль, или Повесть о Граале*» (*Perceval le Gallois, ou Le conte du Graal*), начатый К. де Труа и продолженный поэтами XIII в. В. де Денэн, Манессье и Ж. де Монтрейль) в немецкой обработке В. фон Эшенбаха (≈ 2010 г.) (Brockhaus 2003) и «Тристан» (*Tristan*) Г. Страсбургского (Штезель 1974, 21) (на основе «*Tristan et Iseut*» Т. Британского) (Москальская 2003, 149).

Расцвет немецкого миннезанга (*Minnesang*) как реакции на растущую популярность французских жанров эпического и античного романов (*romans épiques et antiques*), передававшихся главным образом через устное исполнение, приходится на XII–XIV вв. Тяготение немецкой знати к французским авторам во многом благодаря распространению творчества регулярно путешествующих миннезингеров приводит не только к заимствованию галльских обозначений музыкальных инструментов (*Flöte, Pausane, Schalmey, Tamburin*), звучание которых зачастую сопровождало исполнение эпических романов

(Schmid 2010, 27), но и к повальному стремлению детей аристократов получить образование во Франции. Длительное стремление немецкого двора соответствовать французскому идеалу, подражание германских поэтов провансальским и окситанским, знакомство с трубадурским учением, основанным на куртуазной любви и служении даме, обуславливают значительные изменения в укладе жизни немецкой знати. Так, второй брак Фридриха Барбароссы был заключён в 1156 г. с бургундской принцессой Беатрис I.

Центрами распространения заимствований выступали двуязычное Западно-Франкское королевство (*Westfranken(reich)*) и области Нижнего Рейна (*Niederfranken*). Ряд галлицизмов проник в средневерхне-немецкий из нижнефранкской области, например: общенфр. *chalce*, *chauce*, нижнефр. *kolze* – башмак; нижнефр. *dörpetre* – деревенский житель (калька фр. *vilain*). Верхнерейнские области находились под влиянием двуязычного Эльзаса и французской Лотарингии. Языковое влияние последней обнаруживается в некоторых диалектных особенностях заимствованной около 1250 г. лексики, свидетельствующих об её восточно-французском происхождении, ср.: старонфр. *forest* (фр. *la forêt*), средневерхненем. *förëst* и *förëht* – лес; старонфр. *ohieiz* (среднефр. *ôter*), средневерхненем. *oter* – эй! Одним из центров заимствования стала и французская Пикардия, влияние которой проникало в Германию через Фландрию и Брабант (ср. кикардийское начальное *k-* в галлицизмах «*castel*», «*castelân*» (кастильская лошадь)). Близкие, существующие ещё с древних времен отношения этих нижнефранкских областей с северной Францией способствовали возникновению тесных связей между местными рыцарскими кругами и французским рыцарством с его самобытной культурой. Благодаря этому нижнефранкским баронам вскоре стали подражать рыцари внутренних районов Германии. Швейцарец У. фон Цациковен в конце XII в. называл Брабант страной куртуазных манер и обычаев (Бах, 1956, 122).

В XII–XIII вв. немецкий язык начинает вытеснять из официально-деловой сферы латинский язык, постепенно ведущая роль переходит к смешанному в диалектном отношении восточно-среднемецкому варианту литературно-письменного немецкого языка, испытывавшему к тому же воздействие южнонемецкой литературной традиции (Абрамов, Семенюк 1990, 330).

Примечателен тот факт, что в первом периоде влияния французского языка на немецкое языковое пространство немецкий словарь защитил себя от большого наплыва галльских новшеств, что, однако, нельзя сказать о немецкой культуре. Типичными заимствованиями периода

рыцарства выступают обозначения реалий куртуазной (рыцарской) культуры и соответствующего образа жизни, ср.: старофр. *aventure*, средневерхненем. *äventiure* – приключение; старофр. *tornei*, средневерхненем. *turnei* – турнир; старофр. *joste*, средневерхненем. *tjoste* – поединок на конях.

Несмотря на многочисленные французские заимствования, которыми был насыщен литературный немецкий язык, закрепились и ассимилировали в его составе лишь единичные основы. Французский язык не оказал большого воздействия и на строй немецкого предложения, структура которого в основном оставалась древневерхненемецкой (Москальская 1959, 187).

Таким образом, первая галльская волна не затронула глубин немецкого литературного языка средневерхненемецкого периода (Бах 1956, 118–119), однако, как констатирует А.К. Гатилова, французское влияние этого времени в целом сыграло значительную роль в развитии немецкого литературного идиома, в первую очередь, благодаря языку средневековой поэзии, формировавшемуся по французскому образцу (Гатилова 2017, 6).

1.1.2. Заимствования эпохи феодальной раздробленности (XIV–XVI вв.)

Классик истории немецкого литературного языка П. фон Поленц отмечает, что к XIV в. через сословный язык рыцарей (*ritterliche Standardsprache*) в немецкую речь проникло около 2 000 галлицизмов, однако остались в нём лишь немногие, ср.: *Juwel, Reim, Turm* (Polenz 2009, 46). Некоторое ослабление влияния французского языка в начале ранненововерхненемецкого периода объясняется сохраняющейся территориальной раздробленностью, отмиранием централизованной государственной власти феодального типа, ростом крупных княжеских территорий, своего рода малых монархий, конкурирующих между собой за политическую гегемонию, а также отсутствием единой системы внутренних экономических отношений, превращающим многочисленные растущие города на Рейне, Дунае, Северном и Балтийском морях в замкнутые культурные ареалы, малопригодные для пролиферации заимствований (Жирмунский 1948, 49–50). М.М. Гухман так комментирует политическую раздробленность Германии: «Политика городов не способствовала объединению страны. На севере ганзейские города, на юго-востоке – Нюрнберг, на среднем Рейне – Кёльн имели свои осо-

бые интересы, свои торговые связи, свои рынки сбыта. Они были неспособны к солидарности даже в случае конфликтов с князьями и высшим духовенством (Guchmann 1964, 127).

На фоне подчёркнуто милитаристского характера французской политики XV в. (событий гражданской войны во Франции между феодальными группировками Арманьяков и Бургиньонов (с 1411–1435 гг.), продолжающейся столетней войны Франции и её союзниками, казни Ж. д'Арк (1431 г.), разгрома английской армии под Форминьи (1450 г.), войны феодальной Лиги Общественного блага против короля Карла VII (1464 и 1465 гг.), Бургундских войн (1474–1477 гг.) и пр.) франкофония на некоторое время теряла былую привлекательность, однако распространение французской готики, охватывающей практически все произведения изящного искусства вплоть до XVI в., вернуло престиж Франции на германские земли.

Как отмечает С.Е. Груенко, в Европе первая четверть XV в. считается периодом готики, а вот вторая половина того же века – это период изысканных форм франко-бургундской моды. В моде Франция задавала тон Европе во всём, даже в вопросах ограничений. С XV в. во Франции большое внимание уделяется моде со стороны первых лиц государства. Так, Карл VII учредил ведомство, занимавшееся вопросами моды. Начиная с XVI в. волна французского влияния буквально захлёстывает немецкий язык. Франция, будучи сильной европейской державой, стала образцом для отсталой, раздробленной Германии (Груенко 2011, 132).

Социальные бури эпохи реформации, раскол немецкого общества по религиозному признаку, упадок немецкой торговли в связи с перенесением торговых путей из Средиземного моря в Атлантический океан (Жирмунский 1948, 50) лишь укрепляют престиж всего французского в Германии XVI в. Экономическая стабильность и самостоятельность Франции становятся примером для высших кругов немецкого общества: монархов, учёных, знати. Будучи увлечёнными блеском раннебарочного французского двора, немецкие князья практикуют французский в устном и письменном общении. У французов перенимается светское образование, манеры; для воспитания немецкого дворянства массово нанимаются французские учителя. Так, Карл V (1519–1556 гг.) вёл переписку со своими придворными исключительно на французском языке. Все взоры были обращены на Францию в готовности копировать её обычаи и нравы (Груенко 2011, 132).

Данный период примечателен появлением первых калек с французского языка; так, например, поэт эпохи Реформации И. Фишарт в 1589 г.

передает галлицизм «*desastre*» (несчастливая звезда, рок) через «*Unstern*» (Бах 1956, 187). Во второй половине XVI в. галльское влияние на немецкий язык достигает векового максимума: заимствуются слова, относящиеся к областям культуры и куртуазной жизни (*delikat, der Respekt, das Theater*), моды (*das Kollett, die Pavane, die Tournüre*), гастрономии (*der Mais, die Marmelade, die Torte*) и военного дела (*die Garde, die Kanone, das Rapier*) (Зимакова 2016, 138). В конце XVI в. отмечается усиление влияния испанского, итальянского и голландского языков на французский язык, ЛЕ которых при его посредничестве попадают в немецкий обиход. В основном это касается заимствований из сфер торговли (*kabotieren, der Kommerz, der Tarif*), судоходства (*die Flotte, die Fregatte, der Ponton*), архитектуры (*das Bellevue, der Maskaron, die Palisade*) (Schmid 2010, 129).

Й. Крамер констатирует, что XVI в. в истории немецкого языка – это эпоха расстановки вех для формирования СНЛЯ. Во Франции состоялась «эмансипация французского языка» (*émancipation de la langue française*), и уже в конце столетия французский буквально заполнил все сферы немецкого обихода. Тем не менее большинство галльских заимствований данного периода занимают периферийную позицию в структуре немецкого словарного состава и, безусловно, проигрывают по значимости, яркости и престижности французского субстрата эпохи рыцарства (Kramer 1992, 60).

1.1.3. Заимствования эпохи абсолютизма (XVII–XVIII вв.)

«Кульминационным моментом в истории всего процесса заимствования из французского языка считается XVII в., получивший в истории немецкого литературного языка название «*Alamodezeit*», т.е. период моды на все иностранное, преимущественно французское» (Гарипова, Жаркова 2017, 552–553). В данный период немецкий состав стремительно обогащается придворно-обходительной лексикой и характеризуется господством французских вкусов и моды в Германии во время разрушительной тридцатилетней войны 1618–1648 гг. Язык «*Alamode*» звучит практически в каждом маленьком Версале на немецкой земле, в каждом тексте присутствует узорчатый орнамент французской речи (Kramer 1992, 62). Влияние французского языка поддерживается главным образом обычаями светской жизни и модными веяниями французского образца и находит выражение в обозначениях форм общественного поведения прежде всего в так называемом «*amoureuuses Treiben*» (волокичество), образцом которого была Франция того време-

ни (Бах 1956, 216). Сферы заимствований данного периода значительно превосходят тематику первых двух волн. Роскошная жизнь Людовика XIV и расцвет французского искусства оставляют неизгладимые следы в немецком словарном составе, который существенно пополнился за счёт заимствования галлицизмов в следующих сферах лексики: искусство (*die Grisaille, der Maître, der Rehaut*); архитектура (*die Allee, die Orangerie, der Tambour*); музыка (*die Reprise, die Serenade, das Tamburin*); мода (*die Agraffe, das Jabot, die Mercerie*); управление и политика (*die Kampagne, der Sekretär, das Veto*); финансы (*der Dekort, die Promesse, der Rabatt*); военное дело (*die Infanterie, die Redoute, der Sappeur*); техника (*guilochieren, der Kalandar, tauschieren*); обиход (в том числе светский) (*charmant, gallant, die Manier*); родство (*der Cousin, der Onkel, die Tante*), гастрономия (*das Baiser, der Kaffee, das Ragout*) и др.

В письменной речи расхожим являлся эпистолярный жанр, литературные произведения на французском были в Германии того периода скорее редкостью (Berschlin 1978, 223–225), несмотря на высокую популярность французского барочного романа (Багирова 2013, 73) на фоне увлечения знатью прециозной (фр. *précieux* – драгоценный, изысканный) пасторальной литературой Франции XVII в.

Существенный вклад в развитие франкофонии в Германии данного периода внесли гугеноты, оказав большое влияние на тематическую область ремесленничества (Zollna 2004, 3198). Заимствования из сферы «профессии и ремёсла», вошедшие в лексический фонд немецкого литературного языка с приходом гугенотов, французских протестантов, нашедших в Германии новую родину в результате гонений, событий Варфоломеевской ночи (на 24 августа 1572 г.) и войны Аугсбургской лиги за некогда римскую колонию Пфальц (1688–1697 гг.), ср.: *die Tresse* (галун, позумент), *der Plüsch* (плюш), *der Gobelin* (гобелен) (Kiefner 1993, 39–49). Массовый исход гугенотов из Франции вследствие упразднения Нантского эдикта от 1598 г. Людовиком XIV в октябре 1685 г., даровавшего им свободу вероисповедания, был таким же роковым для Франции, как и благоприятным для Германии, лежавшей в руинах тридцатилетней войны. Гугеноты были хорошими купцами, ремесленниками, строителями и учёными и смогли реализовать на немецкой земле свои многочисленные таланты (Kramer 1992, 64). Если ранее обучение языку было дорогостоящим, то теперь в Германии было достаточно носителей французского языка, которые за невысокую плату усиливали галльское влияние на немецкую литературную речь (Spillner 1985, 142).

События Великой французской революции, начавшиеся со штурма крепости Бастилии 14 июля 1789 г. под лозунгом «*Liberté, Égalité,*

Fraternité!» (*Свобода, равенство и братство!*), вызвали ряд крупнейших преобразований во Франции в политической и экономической сферах. Идеи революции распространялись в Европе с высокой скоростью через становящиеся интернациональными галлицизмы *die Bürokratie* (фр. *bureaucratie*), *die Koalition* (фр. *coalition*), *das Komitee* (фр. *comité*), *liberal* (фр. *libéral*), *die Nationalhymne* (фр. *hymne national*), *terrorisieren* (фр. *terroriser*) (Mass 1985, 160). По справедливому замечанию Д.А. Кондакова, с XVIII столетия французский язык становится прочной связующей нитью между представителями разных цивилизаций (Кондаков 2011, 104).

Языковая гегемония Франции сказалась, в частности, в том, что на некоторое время французский язык становится международным языком высшего общества не только в Германии, но и в других европейских странах. Речь шла уже не только – как это было раньше – о заимствовании отдельных французских слов; теперь вообще стремились изгнать немецкий язык из придворной жизни и из общения в кругу образованных людей (Готлан 2013, 9), что получило в лингвистических кругах пейоративное обозначение «*Gallomanie*» (галломания).

Подражание Франции как экономически и политически более успешной державе проявляется во всём: от основания старейшего медицинского госпиталя Германии Берлинского шарите (*die Berliner Charité*) королём Фридрихом Вильгельмом в 1710 г. до строительства его сыном Фридрихом Великим роскошной бранденбургской резиденции с французским названием *Sanssouci* (фр. *sans souci* – без забот) по образцу французского рококо в городе Потсдаме (Schlösser 1990, 212). В Кёльне массово издавались французские грамматики (Greive 1993, 174–175); большинство газет выпускалось исключительно на французском языке, так как немецкой прессы практически не существовало (Koszyk 1982, 38); языком книгопечатания был единственно французский (Wilke 1985, 76), он же являлся по умолчанию и языком художественной литературы (Kiesel, Münch 1991, 113).

Воспроизведение особенностей жизни другой культуры неизбежно приводит к заимствованию ЛЕ с различной степенью ассимиляции (Савченко 2014, 372). Так, среди галлицизмов, заимствованных в XVIII в., всё чаще появляются кальки понятий, характерные для французского Просвещения (54,41% от всех калькированных единиц ГП см. в прил. 2), и обороты-ксенизмы (см. о ксенизмах п. 2.4), употреблявшиеся образованными людьми из высших социальных слоев, ср.: *homme de belle esprit* (*ein Mensch guten Willens*), *lasses-faire* (*Fahrlässigkeit, Verschubleistung, Nichteinmischen*). Появление данных типов единиц свидетельствует об инвазивном характере языковой

моды на всё французское, оказывающем большое влияние на словообразовательные механизмы ЯР (Рящина 2013, 74).

Инвазивный характер заимствования в XVII в. приводит впервые к появлению в истории немецкого литературного языка такого явления, как пуризм (фр. *purisme*, от лат. *purus* – чистый). Немецкий пуризм, восходящий к античным идеалам Цицерона, призывает очистить немецкий язык от навязчивой франкофонии (*Französeln*). Во время Тридцатилетней войны в Германии становятся популярными патриотические песни, в которых граждан призывают к изгнанию иностранных слов (*Fremdwörter*). Результатом пуристической деятельности в Германии, известной также как «*Entwelschung*» (Zollna, 2004, 3198–3199) и ревностно чтящей традиции рупора германистики XVII в. Ф. фон Цезена (1619–1689 гг.), стало появление целого ряда диглосных дублетов образца «немецкий vs. галльский»: *beobachten* vs. *observieren* (наблюдать), *der Briefwechsel* vs. *die Korrespondenz* (переписка), *das Fernglas* vs. *das Teleskop* (подзорная труба), *das Coupé* vs. *das Abteil* (как сокращение слова «*die Abteilung*»), *der Kondukteur* vs. *der Schaffner*, *der Perron* vs. *der Bahnsteig* (Kirkness 1985, 92).

Параллельно с германистами начинается работа над изменением немецкого литературного языка и грамматики во многом как реакция на многовековую традицию в Германии печатать литературу на французском языке. Невероятный всплеск немецкого книгопечатанья сопровождается появлением работ немецкой классической философии и в первую очередь труда «Категорический императив» (1788) её основоположника И. Канта (Paye 2013, 239). Пожалуй, лучшей иллюстрацией языковой ситуации третьего периода заимствования галлицизмов в немецком литературном языке является фраза Вольтера, произнесённая им в резиденции Фридриха Великого, прусском городе Потсдаме: «*Ich befinde mich hier in Frankreich. Man spricht nur unsere Sprache, das Deutsche ist nur für die Soldaten und die Pferde*» (Я нахожусь во Франции. Здесь говорят лишь на нашем языке, немецкий существует лишь для солдат и лошадей) (Schmid 2010, 102).

С борьбой против засилья «иностранины» выступают буржуазные пуристы, теоретики так называемых языковых академий (*Sprachgesellschaften*), возникших в Германии в первой половине XVII в. по примеру Франции и Италии. Их деятельность была посвящена главным образом декларативному «украшению» национального немецкого языка: «Плодоносное общество» в Веймаре (*Fruchtbringende Gesellschaft*, с 1617 г.), «Орден Розы» в Гамбурге (*Rosenorden*, с 1643 г.) и др. В противоположность «Французской

Академии» (*Académie Française*), которая по замыслу своего основателя министра А.-Ж. дю Плессе де Ришельё должна была служить орудием языковой централизации абсолютной монархии и осуществлять в области языка и литературы диктатуру «хорошего вкуса», т.е. политику королевского двора, немецкие языковые общества обязаны своим возникновением националистическим настроениям отдельных меценатствующих аристократов и учёных-бюргеров (Жирмунский 1948, 66–67). Как отмечает Л.Н. Темирова, позиции пуризма отстаивал прежде всего германист Й.Г. Кампе, автор словаря «*Wörterbuch zur Erklärung und Verdeutschung der unserer Sprache aufgedrungenen fremden Ausdrücke*» (1813), полагавший, что «онемечены» («*verdeutsch*») должны быть все слова, не вошедшие в народный язык и не ассимилированные полностью (фонетически и грамматически). К известнейшим нововведениям Й.Г. Кампе, являющимся своего рода антагонистами галлицизмов, относятся слова *die Flugschrift, der Eigennamen, die Öffentlichkeit, das Zartgefühl, verwirklichen* и др. На поприще пуризма приложили свои усилия и многие другие нормализаторы немецкого языка. Так, автору авторитетнейшей немецкой грамматики XVII в. Ю. Шоттелю принадлежит ряд немецких лингвистических терминов, в частности: *die Einzahl / die Mehrzahl, der Fall, das Geschlecht, die Mundart, die Sprachlehre, das Wörterbuch* (Темирова 2011, 69). Другим видным нормализатором немецкого литературного языка являлся И.К. Готтшед, выступавший в журнале «*Die vernünftigen Tadlerinnen*» (Разумные хулиательницы) с резкой критикой засорения немецкого языка иностранными заимствованиями (*dat Französische Dütsch*) и призывавший авторов не допускать стилистических вольностей, писать понятно, сохраняя при этом красоту стиля (Бакулина 2006, 12).

«Расфранцузивание» немецкого литературного языка проходило на фоне процессов создания единой литературной нормы, продолжавшегося с начала XVI в. и завершившегося лишь к концу XVIII в., и формирования национальной буржуазной литературы Германии. Опираясь на грамматическую норму переводной библии виттенбергского теолога-реформатора М. Лютера и грамматику одного из крупнейших теоретиков немецкого литературного языка XVIII в. И.К. Аделунга «*Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache*» (1782), немецкие теоретики обнаруживают большие разногласия при установлении правил языка разговорного в силу того, что им по умолчанию долгое время являлся язык социальных верхов парижского двора периода французского абсолютизма (Жирмунский 1948, 64).

Как можно видеть, характер заимствования галлицизмов в немецкий литературный язык приобрёл, с одной стороны, идеологический характер, восходящий к политическому, экономическому и культурному доминированию Франции на европейской арене, и, с другой стороны, выраженный практический характер, подчёркивающий увлечение французским языком немецкими учёными и знатью. Эпоха Просвещения (*Aufklärung*) в Германии, прошедшая в условиях неотвратимой гегемонии всего французского, остаётся важным отрезком истории, когда немецкий литературный язык обогатился наибольшим количеством ЛЕ французского происхождения.

1.1.4. Заимствования нового времени (XIX–XX вв.)

Мода на всё французское в Германии продолжается в XIX в. главным образом благодаря эталонности французского как языка европейской культуры, науки и производства, ведь Франция опередила Германию по развитию техники почти на полвека. И хотя поражение Наполеона подтолкнуло Пруссию к реформе, создав предпосылки для экономического подъёма, ведущее слово в производстве на европейском континенте осталось за Францией, где были изобретены паромобиль (1770 г.), фотография (1820 г.), кинематограф (1895 г.) (Груенко 2011, 133).

Значительную роль в распространении галльского влияния сыграла и колониальная политика Франции, которая была в целом значительно успешнее германской. В условиях индустриальной революции в 50–60 гг. XIX в. и ускоренного развития капиталистического производства колонии, часть которых Франция уступила Англии в ходе войн с антифранцузскими коалициями (1792–1815 гг.), перестают быть для метрополии объектом наживы и становятся поставщиками сырья. Таким образом, Франция вновь вступила на путь колониальной экспансии, в первую очередь в таких странах Северной Африки, как Тунис, Габон, Сенегал, Берег Слоновой Кости, Марокко, Судан, Конго, Алжир, Мадагаскар и др. (БРЭ 2004).

Конкуренция с Британией за африканскую колонизацию, наращивание мощностей индустриального производства, развитие банковского дела, биржевой торговли и операций с доходами приводят к тому, что вплоть до второй половины XIX в. в немецкий язык французские заимствования проникали косвенно через английский язык (см. о параллельном заимствовании в п. 2.4).

Как отмечает А.В. Кокова, для рассматриваемого периода особую актуальность имеет тематически обусловленная специализация газетно-

публицистической речи, касающаяся, прежде всего, области политики, идеологии и экономики. Ежедневная пресса играет большую роль в процессе формирования и популяризации терминологического пласта лексики из указанных областей, поскольку именно в XIX в. были заложены основы их терминологии. Важной функцией прессы в XIX в. была также популяризация новых иноязычных заимствований, прежде всего из французского и английского языков» (Кокова 2015, 106).

Интенсивность галльского влияния в сравнении с эпохой абсолютизма зримо ослабевает и переходит в латентную фазу, подтверждение чему находим у С.Е. Груенко: «Лингвисты рассматривают XIX век как окончание последней волны французских заимствований в немецкий язык, однако это не означает, что процесс проникновения французских заимствований в немецкую речь прекратился совсем, он просто протекает с меньшей интенсивностью» (Груенко 2011, 134).

Применительно к XX в. И.И. Колесниченко констатирует почти полную потерю французским языком своей актуальности: «Практически все лексемы французского и итальянского происхождения, используемые на сегодняшний день, были заимствованы в конце девятнадцатого – в начале двадцатого века» (Колесниченко 2011, 75). Несмотря на то что середина XX в. ознаменовала начало фазы экономического и политического сотрудничества Франции и Германии (Wirsching 2011, 40) и данные страны постоянно развивают двухстороннее сотрудничество в области бизнеса, образования, коммуникативных технологий, следует признать, что тесные экономические и культурные контакты двух соседних европейских держав практически не приводят к взаимному языковому обмену. Этот процесс уступил место монопольному распространению английского языка во всем мире (Каплина, Жезлова 2016, 193). Именно влиянию международного английского языка в XX в. немецкий язык обязан такими тенденциями своего развития, как интерационализация (*der Computer*), интеграция профессиональной терминологии в общий словарный состав (*der Stress*), специализация лексем (*der Gas-Warmwasser-Durchlauferhitzer*) (Langner 1980, 687). По оценке В. Кляйна, за XX в. немецкий язык увеличился на миллион слов (Klein 2013, 53), из которых, согласно полученным данным, лишь 299 (0,02%) галлицизмов.

Типичными заимствованиями данного периода галлизации выступают ЛЕ из областей экономики (*der Aktionär, der Haussier, der Nonvaleur*), политики (*der Abgeordnete, der Parlamentär, radikal*), техники (*das Bankett, der Drän, die Raffinose*), спорта (*der Exploit, der Marqueur, die Pagaie*), медицины (*die Éprouvette, infiltrieren, die Pelotte*).

Обзор волн заимствования галльской лексики в состав немецкого литературного языка позволяет резюмировать, что галльское влияние являлось наиболее интенсивным в его истории вплоть до усиленной американизации с 1945 г. (Кобенко 2014, 5), параллельно оказав большое влияние и на другие европейские языки. В заключение следует отметить, что франкоязычное влияние на немецкий язык, несмотря на его прогрессирующую американизацию, не иссякло. В языковой ситуации в ФРГ можно наблюдать увеличение активности институтов и организаций по защите немецкого языка. Издатели, к примеру, спортивной периодики открыто высказываются за замену наводнивших немецкий словарный фонд послевоенного времени англо-американизмов галлицизмами, обладающими, по мнению кодификаторов, большей выразительностью (см. об этом подробнее п. 3.4). Являясь сегодня одним из мировых языков-макропосредников, языком мировой дипломатии и одним из шести официальных языков ООН, французский язык продолжает борьбу за укрепление своих позиций не только в Европе, но и во всём мире.

1.2. Тематические группы заимствованных галлицизмов

Одним из наиболее важных в контактологической традиции является ономаσιологический аспект структурно-системного анализа, предполагающий выделение тематических групп заимствованной лексики. Под *тематической группой* Ф.П. Филин понимает объединение слов, основывающееся не на лексико-семантических связях, а на классификации предметов и явлений (цит. по: Рублёва 2004, 224–225). Следует отличать тематические (словарные) группы, иначе обозначаемые «предметными областями использования заимствованной лексики» (*Sachgebiet*; Viereck 1984, 940) или «предметными группами» (*Sachgruppen*; Dornseiff 2004), от заимствованных словообразовательных гнёзд. Последние организованы по принципу лексико-семантической близости (*raffinieren* → *raffiniert* → *die Raffinade* → *die Raffinage* → *das Raffinement* → *die Raffinerie* → *die Raffinesse* → *der Raffineur* → *die Raffinose*), в то время как тематические группы – по денотативной.

Целью ономаσιологического подхода к интерпретации лексики И. Гжега предлагает считать обнаружение формальной стороны языковых явлений или единиц, обозначающих определённые понятия (Grzega 2012, 271–272). В этом смысле выделение тематических слоёв

заимствованной галльской лексики в словарном составе СНЛЯ связано с поиском общего плана содержания формально неоднородных единиц, т.е. с сосюрковским переходом от означаемого к означающему (*signifié* → *signifiant*).

Итак, ономаσιологическое наполнение заимствованного ГП не может быть однородным в силу типологической неоднородности иноязычных элементов, заимствованных в немецкий литературный язык в различные периоды галльского влияния (см. об этом подробнее в п. 2.4). Для локализации самого ГП необходимо рассмотреть устройство немецкого литературного идиома, в составе которого Ю.В. Кобенко выделяет три базовые структуры: «В центре словарного состава расположено лексическое ядро, в котором сосредоточен *базовый* (здесь и далее курсив авт.) словарный фонд – слова, без которых невозможно обойтись в ежедневном общении. Поверх “сердцевины” образовался “нарост” – *дополнительный слой лексики*, состоящий из адаптированных ЛЕ иноязычного происхождения. Поэтому дополнительный слой лексики, образующий концентрическое кольцо поверх ядерной структуры, уместно также обозначить адаптированным. В ходе бурного развития технологий и интернационализации многих областей знания в языковой системе появляются *периферийные сферы* (*Fachsprachen*) с высоким содержанием слабоассимилированных заимствований терминологического характера. Их “лепестки” не образуют отдельные сферы лексики, а накладываются как на оба предшествующих слоя, так и друг на друга» (Кобенко 2017, 182–183). В немецкой лексикологической традиции все три сферы рассматриваются исключительно в аспекте заимствования, образуя немецкоязычную терминологическую трихотомию *Erbwortschatz* (автохтонная), *Lehnwortschatz* (адаптированная) и *Fremdwortschatz* (неассимилированная лексика) (Munske 1988, 46–74).

По всем признакам, ГП относится к дополнительной сфере словарного фонда СНЛЯ, что подтверждают слова германистов Б.А. Абрамова и Н.Н. Семенюк: «Исконную германскую лексику в словарном составе *дополняют* различные по времени заимствования из латинского, французского, итальянского, английского и в меньшей степени из славянских языков» (Абрамов, Семенюк 1990, 330).

Определение количественных параметров ономаσιологического наполнения описываемого лексического пласта затруднено принадлежностью многих ЛЕ к различным тематическим группам, например: *das Quartier* – воен. *постой, квартирное расположение*; бот. *часть древесного питомника*; тех., арх. – *тетива лестницы*.

Данные единицы образуют так называемые зоны пересечения словарных групп, в силу чего тематических (ономасиологических) признаков оказывается больше, чем самих ЛЕ. Поэтому в ономасиологическом анализе ГП в СНЛЯ количественные параметры представляются в процентном, а не числовом соотношении. Соответствующими предметными пометами наделялись слова, содержащие родовой признак, ср.: *die Kosmetik*, косм.

Следует отметить, что ряд интернациональных лексем, используемых в широком значении (*die Deformation, territorial*), оставлен без ономасиологического комментария. Несмотря на то что заимствование галлицизмов, как явствует из обзора галльских волн, осуществлялось во многом благодаря роли Франции как европейского законодателя мод (Polenz 2009, 100), в корпусе также отсутствуют специальные обозначения для таких областей, как «мода», «одежда» в силу их многоаспектного характера (Груенко 2011, 131). Единицы из данных предметных областей включены в группу «*текстил.*», как это принято в немецкой специальной литературе (Hardouin-Fugier 1994). Примечательно, что само слово «*textil*» – галлицизм латинского происхождения, заимствован в XIX в. с широкой семантикой «тканый, вязаный». Помимо этого, термины из области психологии вошли в группу «*мед.*», терминологические единицы из областей строительства, производства и т.п. – в группу «*тех.*», слова из дипломатической сферы – в группу «*полит.*» в силу родственности тематических полей, обозначения предметов посуды – в группу «*гастр.*». Отсутствие специальной пометы для азартных (запрещённых, неспортивных) игр и коррелирующих с ними десигнаций объясняется, как и в случае с реалиями моды, предельной рассредоточенностью соответствующих единиц в лексико-семантической системе СНЛЯ, использующихся в равной степени для областей «мода», «общественная жизнь», «(суб)культура», «увлечения и хобби», «свободное время», «табу», «искусство», «история», «азарт», «игровая индустрия», «мореходство» и др. Спортивные же игры (бильярд, шахматы) отнесены, согласно Олимпийской хартии, принятой в Париже в июне 1894 г., в ономасиологическую группу «*спорт.*».

Итого при составлении корпуса заимствованной галльской лексики в СНЛЯ использовалось 29 ономасиологических помет для соответствующего числа относительно устойчивых предметных групп, как показано в табл. 2 (см. о структуре словарных лемм в корпусе заимствованных галлицизмов подробнее п. 2.1). Процентные показатели приводятся здесь и далее в тексте до сотых процента. Серым выделены наиболее инфильтрированные галлицизмами тематические группы словарного фонда СНЛЯ, составляющие >5% словарного наполнения ГП.

Количественный анализ позволил выделить тематические группы, сильнее всего подвергшиеся галлизации: «военное дело», «гастрономия», «искусство», «политика», «текстильное производство», «техника». Оставшиеся 23,96% принадлежат общему лексическому фонду (*Allgemein-wortschatz*) СНЛЯ либо имеют диапазон дистрибуции, превосходящий границы отдельной тематической (словарной) группы.

Несмотря на явный перевес галльских заимствований в общей медицинской терминологии в СНЛЯ (33%) (Лаптева 2016, 123–124), количество медицинских терминов французского происхождения внутри самого ГП не превосходит отметку в 5%, что также симптоматично для словарных групп «ботаника и садоводство», «история», «музыка» и «экономика и финансы».

Т а б л и ц а 2

**Предметные группы галльской лексики в составе СНЛЯ
в процентном отношении от общего количества ЛЕ ГП**

№ п/п	Ономастиологическая помета	Предметная область	Процентное отношение
1	<i>арх.</i>	Архитектура	1,80
2	<i>биол.</i>	Биология	0,44
3	<i>бот.</i>	Ботаника и садоводство	2,09
4	<i>воен.</i>	Военное дело	7,57
5	<i>гастр.</i>	Гастрономия	8,54
6	<i>геогр.</i>	География	0,23
7	<i>геол.</i>	Геология	0,47
8	<i>зоол.</i>	Зоология	1,41
9	<i>иск.</i>	Искусство	5,82
10	<i>ист.</i>	История	2,67
11	<i>косм.</i>	Косметика	0,15
12	<i>лингв.</i>	Лингвистика	1,12
13	<i>мат.</i>	Математика	0,20
14	<i>мед.</i>	Медицина	3,82
15	<i>мет.</i>	Метеорология	0,13
16	<i>мин.</i>	Минерология	0,20
17	<i>мор.</i>	Морское дело и судоходство	0,68
18	<i>муз.</i>	Музыка	2,28
19	<i>охот.</i>	Охота	0,26
20	<i>полит.</i>	Политика	5,37
21	<i>рел.</i>	Религия и религиоведение	0,62
22	<i>с.-х.</i>	Сельское хозяйство	0,41
23	<i>спорт.</i>	Спорт и физическая культура	3,33
24	<i>соц.</i>	Социология	0,60
25	<i>текстил.</i>	Текстильное производство и изделия, драпировки, мода, аксессуары, одежда	7,50

№ п/п	Ономазиологическая помета	Предметная область	Процентное отношение
26	<i>тех.</i>	Техника, строительство, производство	9,04
27	<i>фин.</i>	Экономика и финансы	4,98
28	<i>хим.</i>	Химия	2,01
29	<i>юр.</i>	Юриспруденция	2,30
Итого			76,04

Длительная история войн с участием Франции, а также престижность французских моделей праздничной и парадной военной одежды обусловили бурное развитие галльского культурного символярия военного дела и, как следствие, заимствование соответствующих обозначений в состав немецкого литературного языка (Дзенс 2016, 36–37).

Великая французская революция, имперская история наполеоновской Франции, Парижский мир, режим Реставрации и другие события французской истории XVIII–XIX вв. сыграли ведущую роль в развитии политического французского лексикона. По данным А.А. Инжечик, исследование немецких политических терминов позволило выяснить, что ЛЕ французского происхождения составляют 8% от общего объема иноязычных заимствованных в СНЛЯ (Инжечик 2016, 371).

Наличие только 18 королевских стилей изящного и визуального искусства, которым усердно подражали немецкие современники, а также всемирно известных школ живописи, берущих начало со знаменитых готических витражей (Brockhaus 2003), надолго определили статус французского как общеевропейского ЯД в области искусства.

Гастрономия выступает традиционной сферой заимствования галлицизмов в немецкий литературный язык. Использование обозначений реалий французской кухни закономерно для меню немецких ресторанов (Каплина, Жезлова 2016, 193), чем немецкий язык обязан во многом жанровому многообразию французского гастрономического дискурса (Косицкая 2016; Müller-Bollhagen 1985, 229).

Наиболее инфильтрированная тематическая группа техники доказывает неправомочность исключения четвертой волны (Нового времени) из периодизации галльского влияния и позволяет по-новому взглянуть на природу галлизации немецкого литературного языка. Промышленная революция во Франции XIX в. практически на целое столетие утвердила законодателем мод в области техники французский язык, сменивший в этой функции ставшие традиционными греческий и латинский языки.

1.3. Этимологический анализ единиц галльского пласта

Этимологический анализ единиц галльской лексики направлен на выявление генетически однородных сегментов внутри ГП, с одной стороны, и совокупности языков-источников (ЯИ), с другой стороны. Необходимо провести терминологическую дифференциацию терминов ЯД и ЯИ: ЯД – язык, из которого либо посредством которого осуществляется заимствование языкового материала; ЯИ – язык, материал которого передаётся языком-посредником с определённой степенью изменения. В этом смысле выявление ЯИ связано с историей самого французского как ЯД и особенностями его словарного состава (Полянская 2014, 57–63). И.Г. Ольшанский, А.Е. Гусева недвусмысленно разделяют немецкий словарный состав на заимствованные (14%), прагерманские (30%) и индоевропейские основы (50%) включая дериваты (25%), тем самым полностью подтверждая необходимость дифференциации ЯД и ЯИ (Ольшанский, Гусева 2005, 126–127). Кроме того, общее галльское происхождение лексем указывает неизменно на один из двух фактов: образование ЛЕ во французском языке либо посредничество французского языка в заимствовании языкового материала других (более ранних) ЯИ.

Для этимологического анализа ЛЕ ГП привлекался следующий справочный материал: словарь «*Duden. Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache*» (2013), электронное издание Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона (2003), «*Этимологический словарь немецкого языка*» В. Пфайфера (1997), Большой лексикон Майера в 24 томах (2006), Конверсационный лексикон Гердера в 4 томах (1857), монографии М. Пфистера «*Einführung in die romanische Etymologie*» (1980) и Л. Макензена «*Ursprung der Wörter. Das etymologische Wörterbuch der deutschen Sprache*» (2013), электронная картотека DWDS (*Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart*) Берлинско-Бранденбургской академии наук (*Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften*).

Итак, ЛЕ, заимствованные в немецкий язык через посредничество французского языка, считаются галлицизмами, так как в своём заимствованном (прототипическом) облике несут отпечаток системы французского языка. Их первоначальная форма может быть совершенно иной, неузнаваемой, ср.: *octroyer* (фр.) ← *otroier* (старофр.) ← *auctorizare* (среднелат.) ← *auctorare* (позднелат.) ← *auctor* (лат.). Между единицами-прототипами в ЯИ, стоящими в самом начале эволюционной цепочки преобразования и миграции слова, и объектом заимствования

(галлицизмом) могут пролегать несколько промежуточных состояний в нескольких ЯИ, например: *die Orange* – (нидерл., исп., араб., перс.). В ряде случаев заимствование порождает явление омонимии с ранее заимствованными ЛЕ (см. подробнее об омонимии в п. 2.6) в результате миграции слова-прототипа через различные ЯИ, ср.: *die Attacke* (фр.) – атака; приступ; *die Attacke* (англ.) – взрывное проигрывание звука в джазе. Как правило, такая омонимия существует лишь непродолжительное количество времени и разрушается путём подбора синонимических обозначений к любому элементу такого ряда.

Зачастую наличие нескольких ЯИ образует хронологическую зависимость, т.е. один из них выступает более ранним, а другой – более поздним источником заимствования, а этимологическая помета иллюстрирует, таким образом, маршрут миграции лексической единицы, ср.: *die Ambassade* (фр. ← лат. ← прагерм.), *das Banner* (фр. ← прагерм. ← гот.), *der Barde* (фр. ← лат. ← кельт.), *hypnotisieren* (фр. ← англ. ← лат. ← греч.), *der Jupón* (итал. ← исп. ← араб.), *der Pass* (фр. ← итал. ← нидерл. ← лат.).

Однако перечисление языков-источников в ГП может относиться и к этимологии отдельных частей, как правило, сложной или составной ЛЕ, например: *das Gardedukorps* (прагерм., лат.).

В отдельных случаях обе части таких единиц заимствованы из одного и того же языка, однако несинхронно, к примеру: *die Garderobe* (прагерм.)

Однако, как правило, указание языков-источников приводится исключительно для выяснения морфологического состава слова, причём языковые пометы даются также в хронологической последовательности, ср.: *der Bidón* (итал., греч.), *das Bidonville* (итал., лат., греч.).

Таким образом, в галльском корпусе использовано 17 этимологических помет для соответствующего числа ЯИ. Статистика не учитывалась для языков-источников с единичными репрезентантами в корпусе, ср. заимствования *der Ozelot* (1) из ацтекского языка нахуатль, *die Soutache / Sutasch* (1) из мадьярского, *der Bonze* (1) из японского и *das / der Karibu* (1) из языка микмак, для которых французский выступил ЯП. Как правило, данные единицы являются эндемическими реалиями (эргонимами, зоонимами, фитонимами и др.), получившими распространение благодаря популяризации научных знаний. В табл. 3 показаны генетические сегменты в составе заимствованного ГП в количественном и процентном соотношениях.

Т а б л и ц а 3

**ЯИ в количественном и процентном отношениях
от общего количества заимствованных ЛЕ ГП**

№ п/п	Этимологическая помета	ЯИ	Количество ЛЕ	Процентное отношение
1	<i>англ.</i>	Английский	45	1,21
2	<i>араб.</i>	Арабский	74	1,98
3	<i>гот.</i>	Готский	4	0,10
4	<i>греч.</i>	Греческий	183	4,92
5	<i>древр.</i>	Древнееврейский	3	0,08
6	<i>дрскан.</i>	Древнескандинавский	3	0,08
7	<i>итал.</i>	Итальянский	299	8,03
8	<i>исп.</i>	Испанский	86	2,31
9	<i>кельт.</i>	Кельтский	5	0,13
10	<i>лат.</i>	Латинский	2 256	60,66
11	<i>нидерл.</i>	Нидерландский	51	1,37
12	<i>перс.</i>	Персидский	21	0,56
13	<i>порт.</i>	Португальский	8	0,21
14	<i>прагерм.</i>	Прагерманский	136	3,65
15	<i>рус.</i>	Русский	3	0,08
16	<i>туп.</i>	Тупи	3	0,08
17	<i>тур.</i>	Турецкий	6	0,16
Итого			3 186	85,61

Итоговое количество заимствованной галльской лексики приводится, как и ранее, без учёта псевдогаллицизмов (+94), которые образованы в системе немецкого литературного языка, как правило, при помощи заимствованных галльских суффиксов. Оставшиеся 533 (14,39%) ЛЕ ГП являются исконными галлицизмами, образованными при помощи языковых ресурсов французского языка. Этимологические пометы опущены для: 1) галло-романских языков, так как они соотносят галльскую генетику с языками группы ойль и франко-провансальским, а также для бретонского, языка кельтской группы, родственного галльскому и распространённому на северо-западе Франции; 2) для территориальных разновидностей немецкого литературного языка, например нижненемецкого. Серым отмечены генетические сегменты с процентным отношением >5% словарного наполнения ГП.

Выделенные сегменты целесообразно укрупнить до языковых ветвей (групп), в результате чего получаем сводные данные в табл. 4.

Для большей наглядности полученные сводные данные можно представить в виде рис. 2.

Укрупнённые генетические сегменты внутри ГП

№ п/п	Генетический сегмент	ЯИ	Общее количество ЛЕ	Процентное отношение
1	Романский (РС)	Испанский, итальянский, латинский, португальский	2 649	71,22
2	Германский (ГерС)	Английский, готский, древнескандинавский, нидерландский, прагерманский	239	6,42
3	Греческий (ГрС)	Греческий	183	4,92
4	Семитский (СС)	Арабский	74	1,98
5	Иранский (ИС)	Персидский	21	0,56
6	Другие (ДС)	Древнееврейский, кельтский, русский, тупи, турецкий	20	0,53
Итого			3 186	85,63

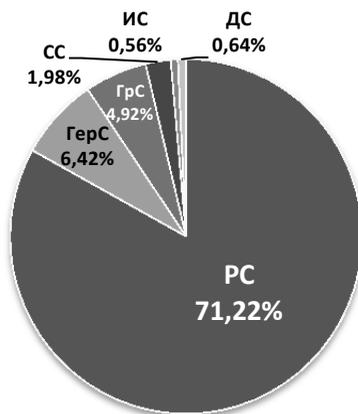

Рис. 2. Соотношение генетических сегментов внутри ГП

Значительный перевес ЯИ романского генетического сегмента и в особенности латыни (60,66%) подтверждает выводы, сделанные в параграфе 1.1, и позволяет признать данный ЯИ основным в анализируемом ГП.

Под этимологической пометой «лат.» подразумеваются такие социальные и исторические разновидности латинского языка, как церковный, вульгарный, ранне-, средне-, поздне- и новолатинский. Сегрегация корпуса по данным признакам не проводилась ввиду их несущественности для обобщения роли латыни в галлизации немецкого литературного языка. То же соображение действует и для исторических форм английского языка (древнеанглийский, среднеанглийский и др.).

Параллельное заимствование из латыни и французского языка, обусловленное латино-галльской диглоссией в Германии XVIII в. (Разумова 2016, 85), затрудняет сегрегацию галлицизмов и латинизмов в корпусе, так как немцы воспроизводили многие латинизмы на французский манер, например: *der Orient, das Patent*.

Наряду с латынью фундаментом галльского влияния на немецкий литературный язык выступили многие греческие и прагерманские основы. В случае галлицизмов прагерманского происхождения уместно говорить об обратном заимствовании (см. об этом подробнее в п. 2.4). Распространение ряда прагерманских основ в Галлии, на Рейне и Дунае – областях, которые некоторые немецкие гуманисты причисляли к германским (Сергеев 2011, 402).

Рядом исследователей особенно подчёркивается роль арабизмов в распространении галльского влияния. Так, А.П. Черкасова отмечает роль заимствований из арабского языка в формировании французского военного арго в период колонизации стран Магриба (Черкасова 2013, 211–212). Проникновение арабизмов происходило косвенно, через французский язык в видоизменённом виде, но с совпадением с арабскими первоосновами (Новикова 2016, 174). Главным образом они проникали в немецкий язык в XIV в. через влияние итальянского и испанского языков на французский благодаря средиземноморским торговым отношениям (Кондакова 2003, 8). В первую очередь это касалось *termini tecnici: carat, douane, tarif* (Tazi 1998, 388).

Кельтский субстрат во французском языке относится к ровесникам прагерманского, что существенно затрудняет определение генетической принадлежности ряда кельтизмов (Сергеев 2011, 388). Последние в основном характерны для топонимической лексики и ряда обозначений предметов галльской материальной культуры (Кузнецов 2016, 64).

Подытоживая результаты этимологического анализа, следует осветить такой функциональный аспект этимологии галльских заимствований в СНЛЯ, как «связки ЯИ», т.е. устойчивые маршруты миграции заимствованных единиц галльского происхождения в немецком языке.

Данные связки имеют, по нашему наблюдению, ономаσιологические и функционально-стилистические закономерности.

Так, связка «итал., лат.» (173 ЛЕ) индицирует чаще всего заимствования в сфере искусства (*die Serenade, die Esplanade, die Kannelüre*) и военного дела (*der Kapo, die Eskader, der Partisan*); «лат., греч.» (107 ЛЕ) – терминологические единицы (*die Parallele, die These, der Dialog*); «исп., лат.» (20 ЛЕ) – заимствования в области торговли и досуга (*die Doublone, die Melasse, die Vanille*); «араб., перс.» (13 ЛЕ) – обозначения цветов (*der Azur, lila*); «нидерл., прагерм.» (7 ЛЕ) – общественную лексику (*die Etappe, die Grippe, der Schock*).

Сочетание стилистической «высок.» и этимологической «лат.» помет встречается в галльском корпусе 295 раз как остаточное явление латино-галльской диглоссии в Германии XVIII в., когда разговорным языком был французский, а светским – латынь (*das Etablissement, die Manipulation, der Individualist, konträr*).

Выводы по первой главе

1. Описание периодов развития немецкого литературного языка и его исторических формаций напрямую связано с выделением определённых инвазий и устойчивых ЯД в его историческом полотне и неотделимо от понятия «языковая ситуация». ГП относится к дополнительной сфере словарного фонда СНЛЯ и существует как надстройка латинского (романского) пласта.

2. Квантитативный анализ заимствованных ЛЕ ГП позволяет выделить четыре периода галлизации: 1) *период рыцарства и крестовых походов* (XI–XIII вв.), 2) *период феодальной раздробленности* (XIV–XVI вв.), 3) *период абсолютизма* (XVII–XVIII вв.) и 4) *период нового времени* (XIX–XX вв.). Совокупно в первом периоде заимствовано 71 ЛЕ, во втором – 409 ЛЕ, в третьем – 2 029 ЛЕ, в четвёртом – 1 210 ЛЕ из 3 719 галлицизмов (за вычетом 94 псевдогаллицизмов). Среди них: 2 655 имён существительных, 469 имён прилагательных, 490 глаголов, 10 наречий, 9 междометий, одна частица и 85 фразео-паремиологических единиц и ЛЕ без частеречной принадлежности.

3. Заимствования первой волны связаны с развитием жанров куртуазной поэзии и средневекового рыцарского романа. При более чем явственной диглоссии образца «галльский vs. немецкий», в которой авторитонному отводилась роль языка низших слоёв общества, а французскому – роль престижного языка дворянства и королевского двора,

галлицизмам удастся прочно войти в немецкую поэзию, миннезанг и придворный эпос.

4. Заимствование второй волны приобретает, с одной стороны, идеологический характер, восходящий к политическому, экономическому и культурному доминированию Франции на европейской арене, и, с другой стороны, выраженный практический характер, подчёркивающий увлечение французским языком немецкими учёными и знатью. Эпоха феодальной раздробленности в Германии проходила в условиях неотвратимой гегемонии всего французского в сферах культуры и куртуазного общения, гастрономии, моды и военного дела.

5. Инвазивный характер заимствования галлицизмов в немецкий литературный язык третьей волны приводит к появлению пуристического течения в немецком обществе, подкреплённого просветительского десятилетия ряда выдающихся германистов и созданием обществ по «очищению» немецкого языка. Галльское влияние эпохи абсолютизма признаётся многими учёными крупнейшим в истории галлизации немецкого литературного языка.

6. Заимствование четвёртой волны связано с индустриальной революцией во Франции, наращиванием объёмов индустриального производства, развитием банковского дела, биржевой торговли, усилением колониальной политики в Северной Африке.

7. Сильнее всего подверглись галлизации тематические группы «военное дело» (7,57%), «гастрономия» (8,54%), «искусство» (5,82%), «политика» (5,37%), «текстильное производство» (7,5%), «техника» (9,04%). 23,96% заимствованных галлицизмов принадлежат общему лексическому фонду СНЛЯ либо имеют диапазон дистрибуции, превосходящий границы отдельной тематической (словарной) группы.

8. Этимологический анализ ГП выявил значительный перевес заимствованных единиц, относящихся к романскому сегменту (71,22%). Германский и греческий генетические сегменты составляют 6,42 и 9,42% соответственно. Связка ЯИ «итал., лат.» (173 ЛЕ) индицирует чаще всего заимствования в сфере искусства и военного дела; «лат., греч.» (107 ЛЕ) – терминологические единицы; «исп., лат.» (20 ЛЕ) – заимствования в области торговли и досуга; «араб., перс.» (13 ЛЕ) – обозначения цветов; «нидерл., прагерм.» (7 ЛЕ) – общественную лексику. Сочетание стилистической «высок.» и этимологической «лат.» помет встречается в галльском корпусе 295 раз как остаточное явление латино-галльской диглоссии в Германии XVIII в. с французским в качестве разговорного языка и латынью в качестве языка образованной социальной элиты.

Глава 2. СТРУКТУРНО-СИСТЕМНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГАЛЛИЦИЗМОВ В СИСТЕМЕ НЕМЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

2.1. Критерии отбора и систематизации лексических единиц корпуса заимствованной галльской лексики

Корпус заимствованной галльской лексики имеет семасиологическую (алфавитную) организацию и содержит 3 813 словарных лемм. Последние могут количественно отличаться от соответствующих лемматических статей в таких изданиях, как «*Duden Universalwörterbuch*» (2015). Это связано с тем, что заимствованными могут быть лишь отдельные значения ЛЕ, как это можно видеть на примере леммы «*Emission*», в которой заимствованным из французского языка является только значение 1а, ср.:

E|mis|si|on, die; -, -en [(1 a: frz. *émission* <)] lat. *emissio* = das Heraus-schicken, Ausströmenlassen]: **1. (Bankw.) a) Ausgabe von Wertpapieren od. Geld, ihre Einführung in den Verkehr: eine E. französischer Staatsanleihen; b) Wertpapier: -en mit langen Laufzeiten. 2. Ausgabe von Briefmarken, ihre Einführung in den Verkehr. 3. das Ausströmen luftverunreinigender Stoffe in die Außenluft; Luftverunreinigung. 4. (Physik) Aussendung von elektromagnetischen Teilchen od. Wellen. 5. (schweiz.) Rundfunksendung** (DUW 2015).

Леммы строятся по родовидовому принципу, согласно которому: 1) при одном и том же делении необходимо применять одно и то же основание; 2) деление должно быть соразмерным; 3) члены деления должны взаимно исключать друг друга; 4) деление должно быть непрерывным, переход от родового понятия должен быть только к ближайшим видовым понятиям; 5) в качестве основания деления необходимо брать не случайный, а существенный признак (Гринёв-Гриневиц 2008, 83).

Проиллюстрировать действие родовидового принципа построения лемм можно на примере ЛЕ «*eventuell*», взаимоисключающие частеречные (видовые) существенные признаки которой приводятся раздельно, ср.:

eventuell. (лат.) – **Adj.** возможный; **Adv.** возможно...

Указанный принцип определяет и чередование помет, в том числе случаи исключений, когда, к примеру, существенный признак предшествует установленной помете (см. далее), например:

Café [ka'fe:], *n.*, *-s*, *-s* / **Kaffee**, *n.*, *-s*, *-s*, **ycmap**, *гасmp...*

За единицы корпуса принимаются следующие лексемы:

1) заимствованные франкоязычные ЛЕ, обладающие возможностью свободной и не искажающей смысл высказывания дистрибуцией в литературной немецкой речи (*partout: er will partout nicht auf uns hören*) и / или способностью к образованию композитов (*à la mode – die Alamo-dezeit*); в случае составных единиц, употребляющихся либо в функции предикатива (номинальной части сказуемого), либо в качестве устойчивого сочетания (клише, паремии), единицей считается всё сочетание целиком: *à la jardinière* (1), *Chambre séparée* (1), *noblesse oblige* (1);

2) онимы и их субклассы (см. об этом подробнее в п. 2.5) галльского происхождения, функционирующие синхронно в немецкой речи или интернационально (в случае эпонимов как единиц специализированных международных систем знаков): *das Coulomb*, *n.* (1);

3) слово, выступающее основой для галльских названий, например, обозначений тканей (уфасмонимов), считается отдельной единицей, при этом названия, образованные с его помощью, считаются разными единицами: *Gros* (1) + *Gros d' Afrique*, *Gros d' Ispahan*, *Gros de Londres* (3) = (4);

4) гибридные образования, одна из продуктивных частей (как правило, инициальная) которых имеет галльское происхождение: *das Dont-geschäft* (1), *das Vacheleder* (1);

5) заимствование, считающееся за единицу даже при наличии многочисленных апостериорных дериватов, образованные, например, путём словосложения в языке-реципиенте: *die Bravour / Bravur*, *die Bravourleistung*, *das Bravourstück*, *die Bravourarie* (1);

6) заимствование, считающееся за единицу корпуса, даже если принадлежит к разным частям речи: **rund**. (лат.) – *Adj.* круглый, шарообразный, округлый; *Adv.* округлённо, приблизительно (1);

7) слово, представленное несколькими вариантами, в том числе контракционными (с укороченной лексической длиной, термин С.В. Гринёва-Гриневица (2008, 49)), считается одной единицей: *das Cabriolet / Kabriolett* → *das Cabrio / Kabrio* (1);

8) случаи устойчивой дистрибуции единицы в различных сочетаниях, в том числе в составных словах, считаются разными единицами корпуса: *der Bon* (1), *Bon à vue* (1), итого – 2;

9) галльские имена прилагательные и их производные-конверсивы (имена существительные), полученные уже в системе немецкого лите-

ратурного языка, считаются одной единицей, так как восходят к единичному факту заимствования, ср.: *beige* (бежевый) и *das Beige* (краска бежевого цвета) (1); к конверсии не относятся галльские омофоны, принадлежащие к различным частям речи и заимствованные в немецкий язык по отдельности: *intrigant* (*интригантский*), *der Intrigant* (*интригант*) (2).

В корпус не вошли следующие типы ЛЕ:

1) имена собственные, обозначающие исторических личностей (антропонимы), крупные исторические события (историонимы), географические объекты (топонимы, гидронимы, оронимы) и пр., изучение которых внутри или вне корпуса галлицизмов, заимствованных в немецкий язык, требует проведения отдельного исследования; исключениями являются галльские онимы, функционирующие в немецкой литературной речи как аппелятивы (к примеру, название французских марочных вин) или имена суггестивные, «фонетические особенности которых вызывают определённые оценочные ассоциации» (Zimmer 1981, 70), например: *der Don Quichotte*, *der Tartüff* (см. об этом также в п. 2.5);

2) искусственные образования (*Kunstwörter*) в силу их апостериорности: *Denim* (от *de Nomes* – (материал) из Нома) (0);

3) галлицизмы, заимствованные в немецкий литературный язык через посредничество других языков, в частности английского как языка глобализации: *das Cottage* (0), *der* или *das Cotton* (0), *die* или *der Couch* (0); это связано с тем, что галлицизмы в составе других языков не менее многочисленны и могли полностью ассимилировать в ЯР (фр. *demande* → англ. *to demand*) (ср.: Кожевникова 2011, 22); в этом случае такие единицы должны рассматриваться как полноценные англоамериканизмы; включение их в объект исследования привело бы в конечном итоге к смешению галльской фактуры и фактуры того или иного ЯП в составе изучаемого корпуса, полной деконкретизации и / или ненужному увеличению последнего в результате появления разноязычных вариантов одних и тех же слов: *der Count* в английском и *der Comte* в немецком языке → *comte* (1);

4) сокращения, не образующие отдельных единиц, а считающиеся одной единицей вместе со словом, подвергающимся контракции: *die Limonade* → *die*, *das Limo* (1);

5) заимствованные галльские архаизмы, вышедшие из употребления: ср. глагол *sich formalisieren* ((раз)обидеться, рассердиться), заимствованный из французского языка в XVII в. (*se formaliser*) и отсутствующий в современных толковых словарях немецкого литературного языка (0);

6) общероманские единицы, не вошедшие в корпус в силу неустановленного факта однозначного происхождения из французского языка, например, *die Spandrilie* (0);

7) дериваты с суффиксами женского рода *-in*, *-ierung*, образованные на основе уже заимствованного языкового материала (апостериорно).

Леммы состоят из немецко- и русскоязычной частей, которые на примере разделены вертикальной чертой, ср.:

kulminieren, *v.* | (лат.) – достигать кульминационной точки (18 в.).

Границы между обеими частями не являются абсолютными. Так, комментарии по дистрибуции в немецкоязычной части лемматических статей приводятся на русском языке курсивом:

Jackett [za'ket], *n.*, *-s*, *-s* и реже *-e*, *текстил.* ...,

а в русскоязычной части полужирным шрифтом даются сведения либо о способности галлицизмов к словосложению (*т.ж. как элемент сложных слов*), либо об особенностях их функционирования в современной немецкой литературной речи (*высок., устар.*).

В русскоязычной части значения разделяются точкой с запятой, синонимы даются в скобках. В скобках также приводятся опциональные варианты значений или дистрибуции:

Lukarnenbau, *m.*, *-s*. – строительство лукарн(ы)...

Перевод фразеологизмов и паремий даётся с заглавной буквы в кавычках и снабжается, если это возможно, источниковедческим комментарием:

Cherchez la femme [ʃɛrʃɛla'fam], *фраз., высок., ирон.* – «Ищите женщину!» (афоризм А. Дюма) (19 в.).

Поисковые слова приводятся со строчной буквы, кроме имён существительных и паремиологических единиц (цитат, афоризмов, крылатых слов), в соответствии с правилами Новой официальной немецкой орфографии (*Amtliche deutsche Rechtschreibung*) 2006 г. Последние предусматривают слитное написание для элементов гетерогенных (гибридных) композитов с именем существительным в качестве инициального элемента (*mit substantivischem Erstglied*) (DR 2017, 39–40). Тем не менее на практике часты случаи использования разделительного дефиса между генетически дифференцированными частями таких композитов (см. об этом подробнее в п. 2.4, 3.1 и 3.3). При построении лемматических статей корпуса преимущество отдавалось слитному написанию, что можно видеть на многочисленных примерах в словообразовательной части лемм (см. далее). Галльская лигатура *œ* дана в структуре буквы «O» немецкого алфавита.

Орфографические варианты слова приводятся через дробную черту. Вначале леммы даются варианты написания в исходной заимствованной форме, после дробной черты – ассимиляты:

Découvert / Dekuvert [deku've:ɐ], *n.*, *-s*, *-s*.

Если производные от таких заимствованных единиц ассимилированы, утратив прежний графический (галльский) облик, или пишутся только согласно новым правилам орфографии, то они даются в корпусе в обычном алфавитном (семасиологическом) порядке.

Структура немецкоязычной части леммы включает: транскрипционную, грамматическую, типологическую, ономазиологическую, стилистическую, этимологическую, словообразовательную и темпоральную пометы.

1. Транскрипция даётся в соответствии с международной системой записи звуковой стороны речи на основе латинского алфавита (Международным фонетическим алфавитом) для слабоассимилированных заимствований с преимущественно галльским обликом:

Demoiselle [dəmɔa'zɛl u de-], *f.*, -, *-n* [-lən]...

В случае фонетической вариантности транскрипция стоит после сложносчитаемого галлицизма либо после обоих вариантов:

Duplet [du'ple:] / **Duplett**, *n.*, *-s*, *-s*...

Negligé / Negligee [negli'ze:], *n.*, *-s*, *-s*...

При орфографической вариантности (в особенности правописания графем *c* и *k*) транскрипция не даётся, если графический облик германизированного варианта полностью повторяет фонетическую оболочку заимствованной ЛЕ:

Croquis / Kroki, *n.*, *-s*, *-s*...

Варианты произношения даются после союза «и», выделенного курсивом, а прочтение грамматических форм приводится в скобках после грамматической справки:

Service [zɛr'vi:s], *n.*, - [-'vi:s] и [-'vi:səs], - [-'vi:s] и [-'vi:sə]...

Транскрипция не даётся после калькированных единиц.

2. Грамматическая помета фиксирует основные грамматические параметры поисковых единиц, которые даются курсивом и отделяются запятыми: грамматический род, окончание в родительном падеже, суффикс множественного числа (для имён существительных); частеречная принадлежность (для остальных частей речи); рефлексивное местоимение *sich* (для глаголов). Если глагол возвратный, то местоимение *sich* приводится после запятой:

mokieren, sich, *v.*...

Если глагол является переходным и рефлексивное местоимение *sich* используется в функции дополнения, то оно даётся в скобках после глагола:

interessieren (sich) [intərə'si:rən *u* intrə'si:rən], *v...*

Отсутствие в грамматической части указания формы множественного числа имён существительных поискового слова индицирует либо *singularia tantum*, обозначающие отвлечённые понятия и поэтому неспособные образовывать множественное число (*der Altruismus, der Hautgout*), либо единицы, потенциально используемые только в единственном числе и выражающие конкретные понятия (*der Verjus, das Vacheleder*). К исключениям можно отнести исторически сложившиеся парадигмы, например: *der Ruin* (без множественного числа), но *die Ruine – Pl. Ruinen*.

Комментарии в лемматических статьях даются курсивом, например, о возможностях дистрибуции: *чаще во мн. ч., редко*.

3. Типологическая помета даёт справку о типе ЛЕ (см. об этом в п. 2.4):

Abgeordnete [ʔɑgəədnetə], *m. или f., subst. Part., кальк., полит.* – депутат, делегат (**19 в.**).

В корпусе предусмотрены три разновидности типологических помет для ЛЕ ГП: *фраз.* – для фразео- и паремиологических единиц, *кальк.* – для калькированных ЛЕ, *псевдогал.* – для псевдогаллицизмов.

После калек в скобках приводится прототип во французском языке:

Emporkömmling (фр. *parvenu*)...

4. Ономасиологическая помета эксплицирует принадлежность ЛЕ к определённой тематической группе (см. об этом в п. 1.2) и опущена для единиц с широкой семантикой:

Profil, *n., -s, -e*. (итал., лат.) – профиль...

5. Стилистическая помета указывает на функционально-стилистическую отнесённость ЛЕ (см. об этом подробнее в п. 3.2).

Стилистические и ономасиологические комментарии могут приводиться в транскрипции для случаев дифференцированного фонетического варьирования:

Mama [ˈma:ma *u* *высок., устар.* maˈma:], *f., -, -s...*

6. Этимологическая справка приводится в скобках и информирует о ЯИ, для единиц которого французский язык выступил ЯП (см. об этом подробнее в п. 1.3). При наличии нескольких ЯИ информация о них даётся в хронологической последовательности:

Douanier [dwaˈnje:], *m., -s, -s*. (итал., араб., перс.)...

Этимологическая помета отсутствует у калек и псевдогаллицизмов ввиду их генеза исключительно в системе ЯР.

7. Словообразовательная помета «*т.ж. как элемент сложных слов*» является продолжением грамматической (в силу того, что морфология входит в объект грамматики) и свидетельствует об степени ассимиляции ЛЕ (см. об этом в п. 2.2). Так как псевдогаллицизмы не были заимствованы, а являются продуктами (вторичной) деривации, их способность к словосложению уже доказана, поэтому они по умолчанию входят в число усвоенных ЛЕ. Такое же положение действует и в отношении калек, которые образованы из материала ЯР и поэтому как минимум, усвоены системой.

Композит, приводимый после комментария «*т.ж. как элемент сложных слов*» не сопровождается ни стилистическими, ни этимологическими пометами, чтобы не затруднять статистическую обработку данных (поисковая единица в каждой лемме одна).

В случае вариативного использованная соединительной морфемы последняя заключается в скобки, например:

Schabotte(n)hammer, *т.*, *-s*, *-*.

8. В финальной части лемм в скобках приводится **темпоральная помета**, указывающая на период заимствования (см. об этом также в п. 1.1).

Как правило, однокоренные галлицизмы (словообразовательные гнезда) заимствованы целиком в один и тот же период: *der / das Dekor*, *der Dekorateur*, *die Dekoration*, *dekorativ*, *dekorieren* (**19 в.**).

Однако иногда факты заимствования однокоренных слов разделяют почти 800 лет: *das Hasard* (**12 в.**), *der Hasardeur* (**20 в.**).

Одно и то же слово может заимствоваться в разные эпохи и образовывать тем самым 2 единицы (омонимический ряд, см. об этом в п. 2.6): *die Chanson* ((жанровая) эпическая песня) (**15 в.**) и *das Chanson* – шансон (**18 в.**).

Некоторые единицы заимствованы повторно в разные периоды галлизации, к примеру, *dekadent* (17 и 20 вв.). В этом случае указывается дата наиболее раннего заимствования, подтверждающая факт материального присутствия единицы в ЯР, даже если в указанный период единица использовалась в совершенно другом (словарном) значении.

Если значение единицы изменилось между двумя периодами заимствования и она известна синхронно под более поздним значением, то приводится датировка заимствования, соответствующая актуальному значению, ср.: *die Taille* (15 в. – в значении «налог»; 17 в. – в значении «талиа») (**17 в.**).

2.2. Специфика ассимиляции галлицизмов

При анализе заимствований центральное место традиционно отводится вопросам ассимиляции иноязычных ЛЕ, в аспекте которой указанные явления описываются при помощи устойчивых (бинарных, триарных) терминологических оппозиций. Наиболее популярной дихотомией в отечественной лингвистике выступает «ассимиляция vs. адаптация», где термин «ассимиляция» используется в ликвидативном значении (заимствования сами ассимилируют в системе ЯР), а термин «адаптация» – в интродуктивном значении (система ЯР адаптирует заимствованные ЛЕ) (ср.: Груенко 2014). В зарубежной германистике применяется терминологическая трихотомия «*Erbwort* (исконная ЛЕ) vs. *Fremdwort* (слабоассимилированное заимствование) vs. *Lehnwort* (онемеченное заимствование)» (Munske 2001, 17; Nübling 2010, 141).

Разделение заимствованных единиц на *Fremd-* и *Lehnwörter* соответствует двум типам заимствованных единиц по А.А. Реформатскому: усвоенным и освоеным (Реформатский 1996, 139–140). Усвоенность и освоенность заимствования можно продемонстрировать на примере одного и того же галлицизма, прошедшего этап длительной ассимиляции в системе ЯР: *das Chalumeau* [ʃaly'mo:] и *die Schalmey* (шалмей, музыкальный инструмент), где единица в изначальном облике является слабоассимилированной, а в сегодняшнем – онемеченной. Е.В. Маринова предлагает сегрегацию заимствований сообразно элементам критериальной оппозиции «свой vs. чужой»: «свои» заимствования удобопроизносимы, благозвучны, имеют производные, склоняются; «чужие» лишены данных признаков (Маринова 2012, 59, 65). Помимо этого, традиционно выделяют нулевую, частичную и полную ступени ассимиляции заимствованных единиц (Poplack 2015, 918–924).

В данной работе предпринята попытка объединить взгляды А.А. Реформатского на природу освоенности / усвоенности иноязычных слов и уровни ассимиляции сквозь призму аксиологической категории «своё vs. чужое». Таким образом, получаем табл. 5, где первая ступень ассимиляции соответствует категориальному пандану «чужой» (слово сохраняет все грамматические и фонетические характеристики языка-донора), вторая ступень – срединной величине «усвоенности» (единица фонетически и грамматически интегрирована, но носит отпечаток иноязычного строя), и третья ступень – пандану «свой», когда слово становится «незаметным» (Реформатский 1996, 140), приобретает все признаки автохтонных единиц. Последняя степень обозначается в лингвистической литературе также как натурализация

(Мухин 2007, 140) или деэжотизация (Веренич 2004, 4) заимствований. В контексте ассимиляции заимствованных ЛЕ в системе немецко-го литературного языка или языков германской ветви уместно также говорить о германизации заимствований (Плук 1977, 10).

Таблица 5

Результаты соотнесения ступеней ассимиляции с элементами категориальной оппозиции «своё vs. чужое» и антиномией А.А. Реформатского «освоенность vs. усвоенность»

Ассимиляция	Пример	Параметр
3-я ступень (полная)	<i>Tanz</i>	своё / освоенное
2-я ступень (частичная)	<i>Branche</i>	усвоенное
1-я ступень (нулевая)	<i>hors concours</i>	чужое

Поскольку заимствованный ГП в системе СНЛЯ является динамическим образованием, следует ожидать, что составляющие его галлицизмы будут находиться естественным образом на разных ступенях ассимиляции.

Одной из задач настоящего исследования выступает определение индекса ассимиляции ЛЕ ГП, процентного выражения германизации галлицизмов, которое находим по формуле

$$I_a = \mu = \frac{\{x_{\text{ув}}\}\%}{24},$$

где μ – среднее арифметическое всей совокупности букв; $\{x_v\}\%$ – процентное выражение усвоенности каждой ЛЕ данной совокупности (буквы); 24 – количество букв немецкого алфавита, в которых зафиксированы заимствованные галлицизмы.

Нахождение индекса ассимиляции ЛЕ ГП предполагает выделение в корпусе заимствованных ЛЕ, которые должны быть, как минимум, усвоены (частично ассимилировались), т.е. предполагать степень ассимиляции не ниже второй. К таким ЛЕ следует отнести:

- 1) ЛЕ, способные участвовать в словосложении;
- 2) псевдозаимствования (+nП, см. табл. 7);
- 3) калькированные ЛЕ (+nК).

Словосложение выступает индикацией усвоенности заимствований в немецком языке (Tazi 1998, 390). Л.Е. Корнилова, исследующая ассимиляцию восточноазиатских ксенонимов в немецком языке, подчёркивает, что словосложение является самым продуктивным способом образования новых слов на базе ксенонимов: «Более 90% заимствований ассимилируют за счёт словосложения» (Корнилова 2010, 20). Так

как словосложение является, помимо деривации, наиболее типичным случаем словообразования для немецкого языка (Donalies 2005, 51), то освоенными считаются единицы, способные образовывать композиты как в качестве основного (*die Parmäne* → *die Goldparmäne*), так и определяющего элемента (*nobel* → *die Nobelvilla*), а также с любой автохтонной или другой единицей галльской лексики, ср.: *die Kasemattenbatterie*, где и определяющий «*Kasematte*», и основной элемент «*Batterie*» галльского происхождения.

Для определения индекса ассимиляции ГП привлекаются преимущественно двусоставные композиты. Трёх- и многосоставные приведены в случае отсутствия двусоставных сложных единиц (*das Kapitulanten-Handgeld*).

В качестве композитов используются имена существительные (*der Manschettenknopf*), имена прилагательные (*dunkellila*), в составе которых числятся причастия (*kleinkariert*, см. об этом подробнее в пп. 2.2.2), и глаголы (*kaputtmachen*). Отделяемые элементы глагольных композитов в СНЛЯ выступают частными случаями словосложения (Kobenko 2008, 6–7), ср. высокопродуктивный устойчивый (неотделяемый) глагольный компонент *zwangs-* (*zwangsrekrutieren*, *zwangszivilisieren*). Глагольные компоненты могут также взаимодействовать с именами существительными, не являющимися адverbальными дериватами (*der Part* → *der Widerpart*).

При сложении глагольных основ инфинитивная флексия *-en* в словообразовании не участвует (*marinieren* → *die Marinierspritze*).

Прибавление интернационального конфикса (конфискация) считается, вслед за Т.К. Ивановой, Н.В. Аржанцевой, полноценным словосложением, так как конфиксы способны образовывать основу сложных слов (Иванова, Аржанцева 2012, 31): *der Milliardär*, → *der Multimilliardär*.

Словосложение тесно связано с содержанием галльских единиц. Например, зооним *der Tapir*, несмотря на свою экзотичность, может образовывать целый ряд детерминативных композитов гипонимического характера, к примеру: *das Tapirfell*, *das Tapirjunges*, *das Tapierweibchen*, *die Tapirjagd*. Поэтому усвоенными можно считать зоонимы (*der Bussard* → *der Mäusebussard*), фитонимы (*die Zitrus* → *das Zitrusfleisch*), уфасмонимы (греч. ύφασμα – ткань) (*die Eolienne* → *das Eolienkleid*) (см. об этом также в п. 2.5).

Следует подчеркнуть, что усвоенность галльских зоонимов и фитонимов доказывается примерами многочисленных топонимов, эргонимов (названий деловых объединений людей), элементами которых они

являются, ср.: *der Gendarmenmarkt* (площадь в центре Берлина), *Isabel-lengrün* (часть общины в Тюрингии), *die Glacisbrücke* (мост в Ингольштадте и Миндене), *Karavellenstraße* (улица в Любеке), *Fasanerie-Arkaden* (улица в Хайнбурге), *Equipagenweg* (улица в Маркклеберге) и др. И хотя, как уже отмечалось в параграфе 2.1, данные единицы не вошли в корпус, они могли бы фигурировать в качестве дополнительной (четвёртой) группы усвоенных единиц ГП.

В качестве элементов сложных слов не могут рассматриваться вторичные дериваты, что в особенности касается отглагольных имён существительных женского рода на *-ung*, так как в этом случае проверяется словосложение на основе деривации: *kompletlier – en + ung + s + Arbeiten = Kompletlierungsarbeiten, Pl.*

Заимствованные ЛЕ галльского происхождения могут сочетаться в немецком языке не со всеми словами. В корпусе присутствуют ЛЕ, которые, несмотря на их морфологическую предрасположенность (например: *die Levade*) не участвуют в словосложении. В этом плане голландский и шведский языки более адаптивные, так как в них можно образовывать композиты со многими галльскими единицами, которые непродуктивны в СНЛЯ, например: *das Logement → een nachtllogement* (гол.), *der Markkör → en möbelmarkör* (шв.) (Hower 2016). Очевидно, данные единицы парцеллируются в сознании носителей СНЛЯ от элементов автохтонного регистра, что приводит к тому, что даже существительные женского рода на *-e* не прибавляют соединительную морфему *-n-* и пишутся через дефис: *das Remise-Dach*.

Некоторые галлицизмы не позволяют присоединить к себе определяющие элементы, ср.: *das Tamtam → ein bronzenes Tamtam, ein Tamtam aus Bronze*, не **Bronze-Tamtam*. Однако данная единица может сама выступать в качестве определяющего элемента композита, ср.: *das Tamtambecken*. Следовательно, словосложение выступает тем общим индикатором усвоенности, который свидетельствует о степени взаимодействия галльского пласта с автохтонными немецкими единицами.

Композит приводится после комментария «*т.ж. как элемент сложных слов*», даже если простое и сложное слова синонимичны и различаются по уточняющему родовому признаку (*genus proximum*). Особенно это характерно для фитонимов, зоонимов и гастронимов (*der Pimentbaum, die Karettschildkröte, der Bordeauxwein*).

К общему числу усвоенных галлицизмов следовало бы также отнести и гибридные композиты с галльскими детерминативными элементами (*die Remontoiruhr, das Vacheleder*), однако их процент слишком ничтожен для решаемой задачи.

Нахождение индекса ассимиляции ЛЕ ГП предоставляет дополнительную возможность определения продуктивности тех или иных букв, на которые начинаются заимствования. Продуктивность начальных букв соответствует каналам интерференции заимствования галлицизмов (Кобенко 2014, 153; Волкова 2014, 77). В табл. 6 приведена шкала определения продуктивности начальных букв, соотносённая с результатами сопоставления ступеней и критериев ассимиляции в табл. 5.

Т а б л и ц а 6

Шкала определения продуктивности букв

Процентный показатель	Уровень продуктивности
66,67–100	Высокопродуктивная (ВП) буква
33,34–66,66	Среднепродуктивная (СП) буква
0–33,33	Низкопродуктивная (НП) буква

В табл. 7 представлен побуквенный расчёт индекса ассимиляции ЛЕ ГП, который демонстрирует в том числе распределение псевдогаллицизмов и калек по буквам немецкого алфавита. Серым выделены высокопродуктивные буквы с процентным показателем от 66,67–100%.

Таким образом, $I_{\text{аГП}} = 53,43\%$, что соответствует *среднему уровню шкалы продуктивности*. Наиболее продуктивными (но не самыми инфильтрированными) в заимствованном ГП выступают W (100%) и K (69,46%), наименее продуктивными – H (22,03%), I (31,13%), C (31,55%) и D (31,50%).

Говорить об освоённости в случае галлицизмов можно лишь в небольшом количестве случаев, так как это язык другой ветви и имеет другую генетику, для адаптации которой немецкому языку может понадобиться не одно столетие. В целом же можно присоединиться к мнению В. Реттиг, что галлицизмы хорошо ассимилировали в немецком языке (Rettig 2006, 1809).

Традиционно выделяются три уровня ассимиляции: фонетический, морфологический, орфографический (Галецкая, Костюкевич 2015, 135–139). Некоторые авторы предлагают выделять семантическую ассимиляцию (ср.: Мухин 2007, 141–142; Кожевникова 2011, 224; Канеева 2015, 72), О.Г. Щитова – функционально-стилевую (Щитова 2007, 102). Следует отметить, что при нахождении индекса ассимиляции ЛЕ ГП обнаружена способность композитов сочетаться с единицами любых областей, что позволяет заключить, что словосложение

как признак усвоенности (частичной ассимиляции) галлицизмов превосходит ономаσιологические границы поисковых слов, а значит, выделение ассимиляции семантического уровня в данном контексте нецелесообразно, ср.: *der Mignon* (миньон, любичмик, фаворит) → *die Mignonfassung* (ламповый патрон «миньон»). Результаты функционально-стилистической адаптации заимствованных единиц галльского происхождения в СНЛЯ подробно изложены в параграфе 3.2.

Таблица 7

Побуквенный индекс ассимиляции ЛЕ ГП в СНЛЯ

Буква	Количество галлицизмов в составе буквы (ЛЕ)	Процент от общего количества ЛЕ корпуса (0,00%)	Количество усвоенных ЛЕ	Побуквенный процент ассимиляции (0,00%)
A	230	6,03	86+4П+6К	41,73 (СП)
B	203	5,32	125+6П+4К	66,50 (СП)
C	244	6,39	74+3П	31,55 (НП)
D	273	7,15	84+1П+1К	31,50 (НП)
E	208	5,45	78+2П+5К	40,86 (СП)
F	207	5,42	91+7П+10К	52,17 (СП)
G	153	4,01	75+7П+7К	58,16 (СП)
H	59	1,54	10+1П+3К	22,03 (НП)
I	106	2,77	32+1П	31,13 (НП)
J	35	0,91%	19+2П+1К	62,85 (СП)
K	298	7,81	192+11П+4К	69,46 (ВП)
L	112	2,93	65+2П+1К	60,71 (СП)
M	250	6,55	145+2П+3К	60,00 (СП)
N	61	1,59	31+2П+1К	55,73 (СП)
O / OE	54	1,41	31+1К	59,25 (СП)
P	435	11,40	239+8П	56,78 (СП)
Q	12	0,31	5	41,66 (СП)
R	306	8,02	160+8П+4К	56,20 (СП)
S	241	6,32	100+22П+9К	54,35 (СП)
T	199	5,21	117+3П+3К	61,80 (СП)
U	9	0,23	4+2К	66,66 (СП)
V	97	2,54	45+1П+1К	48,45 (СП)
W	4	0,10	2+1П+1К	100,00 (ВП)
Z	17	0,44	9	52,94 (СП)
Итого	3 813	100	1 819+94П+68К	1 282,47 / 24
Итого			1 981	53,43

Л.И. Москалюк отмечает, что при тесном языковом контакте можно наблюдать ассимиляцию целых тематических групп: «Структурные и семантические особенности процесса ассимиляции заимствований

зависят от таких социальных и прагматических факторов, как сферы распространения заимствований» (Москалюк 2013, 187–196). Справедливость данного вывода подтверждается наблюдениями С.Е. Груенко за развитием вокубуляра моды в немецком литературном языке, которое свидетельствует о длительном и безраздельном превосходстве французских вкусов в культурном пространстве Германии (Груенко 2011, 131–134). Обобщая труды по интернационализации, П. Браун количественно подтверждает факт заимствования целых лексико-семантических групп параллельно в разных европейских языках: «В немецком языке 75% из 3 500 интернационализмов заимствованы по лексико-тематическому признаку» (Braun 1993, 202).

Ассимиляцию галльской лексики в системе немецкого литературного языка следует рассматривать как постепенный исторический процесс, который может быть лишь условно завершён. А. Бах выделяет несколько общих способов усвоения галлицизмов немецким языком: в средне- и нововерхненемецком периодах: 1) калькирование (*cortoisie* → *hövescheit*), 2) фонетические преобразования (употребление начального ударения во французских словах (*Hárnisch*, *Támbur*) и замена французского [v] звуком [f] (*āventiure*, *revier*)), 3) путём изменения рода и флексии (*le canapé* (m.) → *das Kanapee* по образцу *das Faulbett*), 4) путём словообразования (*plomber* → *plombieren* → *die Plombe*) и 5) в результате изменения значения и народной этимологии (*arbaleste* → *armbrust* → *die Armbrust*; *bagage* → *die Bagage* (в значении «сброд», «банда»)) (Бах 1956, 119–120, 224).

Способы ассимиляции галлицизмов в системе немецкого литературного языка даются далее по трём уровням: фонетическому (орфоэпическому), морфологическому, орфографическому. Поуровневая вариантность галльских заимствований, возникающая в процессе ассимиляции, подробно рассмотрена в параграфе 3.1.

2.2.1. Особенности фонетической ассимиляции галльских заимствований

Фонетическая ассимиляция предполагает приспособление галльских заимствований к фонетическим (орфоэпическим) нормам ЯР.

Б. Шефер-Прис выделяет два способа передачи иноязычных звуков в немецком литературном языке: имитация (*Transferenz*) и адаптация (*Integration*). При имитации пользователи ЯР стараются передать аутентичное звучание фонем, как их произносят носителя ЯД; при адаптации иноязычные звуки уподобляются уже существующим фо-

немам в немецком фонетическом регистре (Schäfer-Prieß 2010). Следует отметить, что данные способы передачи исторически конкурируют друг с другом, что приводит к явлению фонетической вариантности ЛЕ ГП (см. об этом подробнее в пп. 3.1.1). Выделяемые Б. Шефер-Прис способы являются выражением двух противоположных лингво-экологических категорий языковой демократии и языкового национализма: первая предполагает способы дистрибуции заимствованных единиц с высокой лояльностью к ЯД, вторая направлена на онемечивание заимствований, зачастую принудительное (Кобенко 2014, 234–240) (см. об этом также в п. 3.4).

Фиксируя общие тенденции ассимиляции иноязычной лексики, Т.И. Волкова отмечает преобладание имитативных способов озвучивания галльских лексем в СНЛЯ (Волкова 2014, 78–81). Необходимо подчеркнуть, что тенденция к лояльности к нормам ЯД в целом характерна для немецкой языковой политики с середины XX в. (Götze 2003, 133). Т.Н. Талецкая и М.А. Костюкевич указывают на двойственный характер фонетической передачи галлицизмов: «Отдельные галлицизмы сохранили в немецком языке аутентичное произношение, другие приспособились к фонетическим нормам немецкого языка» (Талецкая, Костюкевич 2015, 138). Сохранение первоначального звучания и ударения характерно, по утверждению Л.П. Лобановой, для полуассимилированных или «умеренно» онемеченных (*gemäßigt eingedeutschte*) слов иностранного происхождения, однако некоторые иностранные звуки не могут подвергаться ассимиляции в немецком языке. К таким звукам авторы относили, например, французские назальные гласные [ã] (*die Tantieme*), открытый долгий [oe] (*die Fleur*) и звонкий фрикативный [ʒ] (*das Genie*) (Лобанова 2013, 118).

Наряду с имитативными способами прочтения заимствованных галльских ЛЕ, касающихся в основном озвучивания сложнопроизносимых лексем с преимущественно галльским обликом (*das Engagement, die Nonchalance, das Restaurant*), можно выделить ряд адаптивных (интегративных) тенденций фонетической ассимиляции галлицизмов в немецком литературном языке: качественные и количественные изменения галльских фонем.

1. Качественные изменения связаны с ассимиляцией качественной стороны фонем французского языка, т.е. артикуляционной чёткостью звуков. Существуют следующие разновидности качественной фонетической ассимиляции галльских фонем в литературном немецком языке:

а) субституция (замена французского звука подобным, как правило, с более интенсивным звучанием): *tull* [tyl] → *der Tüll* [tYl];

б) пролонгация финали с назализированной гласной: *das / der Flakon* [fla'kõ:]; *das Enjambement* [ãzãbə'mã:];

в) велализация фрикатива [ʒ] до пловива [g]: *die Energie* [-g-];

г) аффрикатизация [t] и перед неслоговой [i], в первую очередь, в суффиксе *-tion*: *die Dekoration* [dekorə'tsjõ:n], *rationell* [ratsjõ'nel];

д) вокализация полусогласной [w] в краткую открытую [ɔ]: *das Foyer, loyal, die Pointe*;

е) консонантизация полусогласной [y] в лабиодентальный фрикатив [v]: *das Etui* [et'vi:], *die Suite* ['svi:tə] (Schäfer-Prieß 2010).

Причинами качественных изменений фонетического облика галлицизмов можно считать тенденцию к экономии речевых усилий, а также, по замечанию П. Эйзенберга, лояльность немцев, которые никогда не старались правильно выговорить французские слова (Eisenberg 2012, 186).

2. Количественные изменения фонем касаются фонетического состава звуковой оболочки галлицизмов и выражаются в следующих разновидностях их фонетической ассимиляции:

а) деназализация (утрата галльскими заимствованиями назализации и добавление назального [ŋ] или десимилированного геминативного [ŋg] (Polenz 2009, 75) после деназализированной гласной (*die Chance* ['ʃa ŋsə]); потеря назализации в словах, содержащих морфемы *in / im (imposant)* или *en / em (das Emblem)*) (см. об этом также в пп. 3.1.1);

б) десимиляция финали (произношение редуцированного [ə] (*die Balance* [ba'lã:sə], *die Visage* [vi'zã:zə], альвеолярного пловива [t] (*galant, der Passant*) в финалях; глоттального фрикатива [h] в середине слова (*vehement*) (Талецкая, Костюкевич 2015, 136)).

Для акцентно-ритмической организации звучания галльских ЛЕ характерно исконное немецкое ударение (Родионова, Абрамова 2015, 297), во многом совпадающее с ритмическим строем французского языка и повышающее функциональный потенциал заимствованных единиц в немецкой литературной речи (ср.: *die Vergábe – die Enkláve*).

2.2.2. Особенности морфологической ассимиляции галлицизмов

Морфологическая ассимиляция предполагает приспособление галльских заимствований к закономерностям грамматического строя ЯР. Как отмечает Т.В. Стрекалёва, фонеморфологическое усвоение заимствованной лексики приводит к её подчинению закономерностям граммати-

ческого строя и звуковой системы немецкого литературного языка; это выражается, прежде всего, в приобретении заимствованными словами форм словоизменения, свойственных данной части речи в ЯР, в упрощении морфологической структуры некоторых из них. Таким образом, результатом ассимиляции является осмысление морфологической структуры заимствованной лексики (Стрекалёва 2006, 149).

Анализ особенностей ассимиляции заимствованных галлицизмов в системе СНЛЯ включает следующие аспекты: приобретение родового признака заимствованными именами существительными; закрепление их за парадигмой склонения; интеграция галльских словообразовательных элементов (суффиксов, префиксов, соединительных морфем); особенности ассимиляции глаголов и имён прилагательных; случаи колебания морфологического контура; особенности интеграции ксенизмов (галльских заимствований первой ступени ассимиляции).

1. Приобретение родового признака заимствованными именами существительными. В отличие от немецкого языка, во французском всего два рода – мужской и женский. Большинство заимствованных галлицизмов женского рода, оканчивающихся на -e, сохранили родовой признак В ЯР (*la serviette* → die *Serviette*, *la verve* → die *Verve*). Некоторые существительные мужского рода перешли в категории *Feminina* (*l'équipage* → die *Equipage*) и *Neutra* (*le milieu* → das *Milieu*, *le répertoire* → das *Repertoire*) (Талецкая, Костюкевич 2015, 136–137). В редких случаях галлицизмы полностью утратили родовой признак при заимствовании (*la douane* → *Douane*).

При адаптации французских имён существительных в системе немецкого литературного языка решающее значение имеют формальные признаки – интернациональные финалы, происходящие из греческого и латинского языков: имена существительные с интернациональными суффиксами -ant, -ist, -on, – мужского рода (der *Kommandant*, der *Journalist*, der *Ballon*); с суффиксами -tät, -anz (-enz), -tion, -ik – женского рода (die *Universität*, die *Bilanz*, die *Differenz*, die *Aktion*, die *Kritik*); с суффиксами -at, -um, -ment – среднего рода (das *Plakat*, das *Visum*, das *Engagement*)» (Княжевич 2012, 34).

2. Закрепление заимствованных имён существительных за парадигмой склонения. В немецком литературном языке существуют четыре исконных типа склонения имён существительных: сильное, слабое, женское и переходная группа (Шендельс 1982, 149–152). В XI в. продуктивным становится пятый тип склонения с флексией -s во множественном числе (Чигашева 2005, 95), действующий главным образом для имён существительных мужского и среднего родов с не-

типичными для немецкого морфологического строя финалями на *-é, -ard, -eu, -ond* (*der Attaché* – *Pl. Attachés*, *der Boulevard* – *Pl. Boulevards*, *das Milieu* – *Pl. Milieus*, *der Fond* – *Pl. Fonds*) и др. (Талецкая, Костюкевич 2015, 138).

Галльский фонетический облик является определяющим при отнесении единиц к тому или иному типу склонения (Sayatz 2009, 65–82). Так, все единицы на *-ant* автоматические должны относиться к слабому типу склонения имён существительным в немецком языке с суффиксом *-(e)n* в косвенных падежах и в парадигме множественного числа (Иванов 2013, 865). Однако назальное прочтение данного суффикса закрепляет их за пятым типом склонения, например: *der Bonvivant* [bõvi'vã:] – *Pl. Bonvivants*.

В меньшей степени этому подвержены существительные женского рода, относящиеся преимущественно к ономаσιологической группе «гастрономия» и сохраняющие тенденцию к женскому типу склонения, однако и среди них существуют исключения, ср.: *die Bouillabaisse* [buja'be:s] – *Bouillabaises*, *die Bouillon* [bul'jõŋ] – *Pl. Bouillons*, *die Brioche* [bri'(j)õʃ] – *Pl. Brioches*. Особенностью склонения таких ксенизмов является омофония форм единственного и множественного чисел (флексия *-s* не читается). Проследить переход из одной парадигмы склонения в другую в ходе ассимиляции можно на следующем примере: *die Création* [krea'sið] – *Pl. Créations* [krea'sið] (пятый тип) vs. *die Kreation* – *Pl. Kreationen* (женский тип).

Данный феномен, который уместно обозначить как *имплицитное склонение*, распространяется и на флексию *-s* в родительном падеже у имён существительных мужского и среднего родов. В таких случаях для создания парадигмальных различий формы множественного числа, как правило, озвучиваются, причём флексия родительного падежа обнаруживает колебания прочтения, так как отсутствует во французском языке, к примеру: *das Palais* [pa'le:], *des Palais* [-'le:(s)], *Pl. Palais* ['le:s]; *das Rendezvous* [rãde'vu:], *des Rendezvous* [-'vu:(s)], *Pl. Rendezvous* [-'vu:s].

Случаи двойного и тройного склонений характерны для фактов заимствования устойчивых словосочетаний из французского языка. Особенностью таких парадигм является по-прежнему отсутствие генитивных флексий и неоднородность грамматических признаков склонения, ср.: *der Chapeau claque* [ʃapo'klak], *des Chapeau claque*, *Pl. Chapeaux claques*; *der Homme de Lettres* [õmdø'letʁ], *des Homme de Lettres*, *Pl. Hommes de Lettres*.

В ряде случаев наблюдается упрощение морфологического облика слабоассимилированных имён существительных галльского проис-

хождения для удобства склонения, ср. трансформацию галльского имени *der Louis* ['lu:i] (*des Louis* ['lu:i(s)], *Pl. Louis* ['lu:is] – ветренник; сутенёр) в имя существительное слабого склонения *der Lude* (*des Luden*, *Pl. Luden*) под влиянием обскунизма *das Luder* в результате действия паронимазии с антропонимом *Lud(e)wig*.

К пятому типу склонения относятся также основы на *-on* и ЛЕ с повторно заимствованным через французский язык латинским суффиксом *-ment* при прочтении в соответствии с нормами французского произношения, например: *der Camion* ['kamjɔ̃], *des Camions*, *Pl. Camions*; *das Bombardement* [bɔ̃bardə'mã], *des Bombardements*, *Pl. Bombardements*.

3. Интеграция галльских словообразовательных элементов.

Большинство ЛЕ единиц заимствовано с галльскими суффиксами (Юргенс 2016, 1), которые приведены в табл. 8. Список, включающий всего 25 суффиксальных морфем, не содержит интернациональные суффиксы греко-латинского происхождения (*-abel*, *-ant*, *-ik*, *-ment*, *-tion* и пр.). Серым выделены синхронно продуктивные суффиксы в системе СНЛЯ (48%).

В табл. 9 дан перечень заимствованных галльских префиксов в системе СНЛЯ. Глагольный словообразовательный механизм «*de(s) + ieren*» является синхронно продуктивным (*demolieren*, *demilitarisieren*, *demobilisieren*, *destruieren*, *desinteressieren*, *desavouieren*), по этому же образцу образован глагол *demütigen* с немецким корнем *-mut-*. Серым маркированы синхронно продуктивные префиксы в системе СНЛЯ (33,33%).

Продуктивными считаются такие вспомогательные морфемы, при помощи которых могут образовываться в том числе псевдозаимствования. Синхронно в СНЛЯ существуют две соединительные морфемы преимущественно для гибридных композитов образца G+D (галльский + немецкий) (см. об этом также в п. 2.2, 2.4): *-(e)n* для имён существительных с финалью *-e* (*das Delikatessengeschäft*) и реже *-s* для слабоассимилированных галлицизмов с нетипичными для немецкой морфологии финалями (*das Limandesfilet*). Галльские имена существительные с греко-латинскими корневыми морфемами, склоняющиеся по слабому типу, образуют композиты при помощи первого соединительного элемента (*das Konfidentenregister*).

Займствованные галльские суффиксы в составе СНЛЯ

Часть речи	Род	Суффикс	Примеры (исключения)
N.	m.	-ard	Boulevard, Jacquard (<i>das Poulard</i>)
		-är	Milliardär, Sekretär (<i>das Militär</i>)
		-äse	Maläse, Polonäse
		-é	Attaché, Habitué (<i>das Tourné</i>)
		-eur	Detacheur, Saboteur (<i>die Grandeur, das Malheur, Odeur</i>)
		-ier	Grenadier, Kürassier
		-ik(e)	Domestik, Katholik
	f.	-ade	Limonade, Raffinade
		-age	Avantage, Hommage (<i>der Fromage</i>)
		-ette	Eprouvette, Tablette (<i>das Kokosette, der Mokette</i>)
		-euse	Friteuse, Hasardeuse
		-ie	Diplomatie, Raffinerie
	n.	-üre	Dublüre, Gravüre
		-é / -ee	Doublé / Doublee, Negligé / Negligee (<i>der Drapé / Drapee, die Consommé / Konsommee</i>)
		-eau	Niveau, Plateau
Adj.	-oir(e)	Accessoire, Reservoir	
	-än	mondän, souverän	
	-ant	blümerant, charmant	
	-är	imaginär, temporär	
	-ell	naturell, partiell	
	-esk	burlesk, pittoresk	
	-iert	lancier, timbriert	
-ös	desaströs, maliziös		
V.	-ier-	malträtierten, räsonieren	
Adv.	-ment	justament, lentement	

Займствованные галльские префиксы в составе СНЛЯ

Префикс	Часть речи	Примеры
demi-	N.	die Demimonde, die Demivierge
de-	N., V., Adj.	die Deeskalation, desarmieren, desillusioniert
en-	N., V., Adj.	die Ensilage, entflammieren, entzückt

4. Особенности ассимиляции галльских глаголов. По наблюдениям Т.Н. Талецкой и М.А. Костюкевич, все займствованные галльские глаголы относятся к слабому типу спряжения в СНЛЯ (*revanchieren – revanchierte – revanchiert*): «Это ЛЕ, образованные главным образом от французских глаголов первой группы. Выявлен лишь один пример с галлицизмом *reüssieren*, образованным от французского глагола второй группы (*réussir*), и один пример с глаголом *debattieren*,

образованным от французского глагола третьей группы (*débattre*)» (Талецкая, Костюкевич 2015, 139).

Д.И. Княжевич отмечает, что суффикс *-ier-* используется для образования глаголов от исконно немецких корней (*halbieren*, *buchstabieren*, *hausieren*); наряду с этим имеется немногочисленная группа глаголов, образованных бессуффиксальным способом от галльских корней (*parken*, *passen*, *planen*, *pudern*, *tönen*) (Княжевич 2012, 36–37).

5. Особенности ассимиляции галльских имён прилагательных.

Займованные имена прилагательные галльского происхождения обнаруживают все те же категориальные признаки, что и автохтонные адъективы (Marki 2006). Однако существует ряд единиц данного класса с неизменяемыми основами (*beige*, *bordeaux*, *lila*, *bête*, *chamois*, *creme*, *nature*, *naturell*, *taupe*, *karamell*).

Наличие признака склоняемости определяется морфологией финали имён прилагательных. Если финаль может без фонетических осложнений добавлять флексии, то займованное имя прилагательное будет склоняться в немецком языке, например: *brünett* → *eine brünette Frau*. Включение в парадигму склонения несклоняемых адъективов возможно двумя способами: 1) посредством так называемого принудительного склонения, характерного для обиходной речи: *ein lilaer Stoff*; *ein beige Hemd*; 2) путём добавления к единице склоняемой основы: *bordeaux+rot* = *bordeauxrot*.

Э.В. Рубанюк указывает, что по такой же модели склоняются и исконно немецкие новообразования: *beige+farben* = *beigefarben* → *eine beigefarbene Bluse* (бежевая блузка) или *elfen+farbig* = *elfenbeinfarbig* → *ein elfenbeinfarbiges Hemd* (рубашка цвета слоновой кости) (Рубанюк 2013, 40).

Имена прилагательные французского происхождения с интернациональными корневыми морфемами образуются, как правило, путем замены суффикса *-ique* на *-isch* (*artistique* – *artistisch*, *égoïstique* – *egoistisch*, *polémique* – *polemisch*), а также перенесения в ЯР интернациональных суффиксов *-al*, *-ell*, *-ant*, *-ös* (*os*) (*total*, *naturell*, *amüsant*, *skandalös*, *kurios*). Галльские имена прилагательные, принявшие немецкий суффикс *-isch*, можно считать более адаптированными в принимающем языке (Княжевич 2012, 36).

В системе СНЛЯ существуют прецеденты ЛЕ, имеющих облик причастий, но принадлежащих к категории прилагательных: *indigniert*, *passioniert*. Данные единицы, обладающие в любых условиях всегда только статическим вневременным признаком (Клычкова 2013, 22), получили обозначения «адъективированные причастия» (Гулыга,

Шендельс 1969, 118) и «отымённые прилагательные» (Москальская 1956, 164).

Отнесение данных ЛЕ к классу адъективов связано, с одной стороны, с их результативным признаком (Гух 2012, 83; Резунова 2016, 327), с другой стороны, с утратой деривационной связи с глаголами, от которых они образованы (Munske 2001, 17; Заиченко 2005, 10). Такие глаголы либо замкнуты системой французского языка (никогда не заимствовались), либо устарели и современным пользователям более не известны. Более того, некоторые из данных прилагательных образованы не от глаголов, а от существительных, что оправдывает их обозначение «псевдопричастия» (*Pseudopartizipien*) (Шендельс 1982, 116): *die Ambition* → *ambitioniert*; *die Livree* → *livriert*; *das Timbre* → *timbriert*. Помимо этого, этимологический анализ показал, что некоторые формы адъективированных причастий заимствовались раньше глаголов, от которых были образованы, ср.: *kariere*n (19 в.), *kariert* (18 в.).

6. Случаи колебания морфологического контура заимствованных галлицизмов. Неустойчивые морфологические признаки наблюдаются у заимствованных галлицизмов в категории рода, множественного числа и парадигмы склонения (генетивной флексии).

Таблица 10

Колебание грамматического рода имён существительных галльского происхождения в системе СЛЯ

Сочетание родовых (и функционально-стилистических) признаков	Количество прецедентов в корпусе (ЛЕ)	Процент от общего количества ЛЕ ГП	Примеры
Функционально-стилистически недифференцированное колебание			
<i>m. u n.</i>	58	1,52	<i>der / das Bijou</i>
<i>n. u m.</i>	23	0,60	<i>das / der Quatrain</i>
<i>n. u f.</i>	5	0,13	<i>das / die Eau de Vie</i>
<i>m. u f.</i>	4	0,10	<i>der / die Concierge</i>
Функционально-стилистически дифференцированное колебание			
<i>m. u реже n.</i>	3	0,07	<i>der / das Lampion</i>
<i>n. u реже m.</i>	2	0,05	<i>das / der Flair</i>
<i>n. u реже f.</i>	1	0,02	<i>das / die Eau de Cologne</i>
<i>n. u устар. m.</i>	1	0,02	<i>das / der Dossier</i>
<i>f. u устар. m.</i>	1	0,02	<i>die / der Koryphäe</i>

Как отмечает И.В. Лобанова, колебание рода вызвано несоответствиями рода в ЯД и ЯР (Лобанова 2008, 101). В табл. 10. приведены параметры колебания грамматического рода у имён существительных

галльского происхождения в СНЛЯ. Данное явление зачастую сопровождается функционально-стилистической дифференциацией. В ГП выявлены два признака функционально-стилистически дифференцированных случаев колебания грамматического рода имён существительных: по частотности и архаизации.

Схожие критерии действуют и в отношении случаев колебания множественного числа имён существительных галльского происхождения (табл. 11), которое связано с неразрешённостью принадлежности подверженных ЛЕ той или иной парадигме склонения. Функционально-стилистически дифференцированное колебание множественного числа представлено единственным признаком частотности.

Таблица 11

Колебание флексии множественного числа имён существительных галльского происхождения в системе СНЛЯ

Сочетание флексий множественного числа (и функционально-стилистических признаков)	Количество прецедентов в корпусе (ЛЕ)	Процент от общего количества ЛЕ ГП	Примеры
Функционально-стилистически недифференцированное колебание			
<i>-s u -e</i>	59	1,54	<i>der Aperitif</i>
<i>-s u -en</i>	6	0,15	<i>die Façon / Fasson</i>
<i>-n u -s</i>	3	0,07	<i>die / das Chaiselongue</i>
<i>-e u -en</i>	3	0,07	<i>der Kumpen</i>
<i>-ale u -äle</i>	3	0,07	<i>der Admiral</i>
<i>-s u -x</i>	1	0,02	<i>das Chalumeau</i>
<i>-e u -ata</i>	1	0,02	<i>das Emblem</i>
Функционально-стилистически дифференцированное колебание			
<i>-s u реже -e</i>	6	0,15	<i>das Jackett</i>

Следование конкурирующих признаков не является симптоматическим и показано в соответствии с данными вторичных источников.

К колебанию множественного числа не относятся: 1) случаи использования имени существительного мужского и среднего родов в качестве меры, так как здесь несклоняемая форма во множественном числе регулируется правилами немецкой грамматики, ср.: *Are* (собирательно, например: *ganze Are nutzbaren Bodens liegen brach*) и *20 Ar* (как мера) по аналогии с *20 Mann*, *30 Stück* и т.п.; 2) случаи *Singularia tantum* с аналитически образуемой формой множественного числа, например, *der, die Jade – Pl. Jadestücke*.

Колебание парадигмы склонения (между первым (сильным) и пятым типами) наблюдается главным образом у галльских имён суще-

ствительных мужского рода на *-eur*, что свидетельствует о том, что данный суффикс ещё не окончательно определён в тот или иной тип склонения в СНЛЯ, однако парадигмально можно отметить устойчивую тенденцию к преобладанию сильного типа склонения, ср.:

- *Billeteur* [biljɛ'tø:v], *m.*, *-s*, *-e* – 1-е склонение;
- *Charmeur* [ʃar' ø:v], *m.*, *-s*, *-s u -e* – 1- и 5-е склонение;
- *Connaisseur* [kɔnɛ'sø:v], *m.*, *-s*, *-s* – 5-е склонение;
- *Hypnotiseur* [hypnɔti'zø:v], *m.*, *-s*, *-e* – 1-е склонение;
- *Installateur* [instala'tø:r], *m.*, *-s*, *-e* – 1-е склонение;
- *Kargadeur* [karga'dø:v], *m.*, *-s*, *-e* – 1-е склонение;
- *Nonvaleur* [nɔva'lø:v], *m.*, *-s*, *-s* – 5-е склонение;
- *Sappeur* [za'pø:r], *m.*, *-s*, *-e* – 1-е склонение.

Интернациональные имена существительные мужского рода на *-ist* склоняются по слабому типу склонения, если они обозначают одушевлённые понятия (*der Kommunist – des Kommunisten – Pl. Kommunisten*), в случае неодушевлённости денотата имя существительное склоняется по сильному типу (*der Batist – des Batist(e)s – Pl. Batiste*).

7. Особенности интеграции ксенизмов (галльских заимствований первой ступени ассимиляции). Ксенизмы в целом сохраняют фонеморфологические особенности ЯД благодаря нетипичным финалям основ для морфологического строя немецкого литературного языка, ср.: *die Madam / Madame* [ma'dam] – *Pl. Mesdames* [me'dam], *der Bonhomme* [bɔ'nɔm] – *Pl. Bonhommes*, *das Office* [ɔ'fis] – *Pl. Offices*. Зафиксированы случаи экзотической формы множественного числа галлицизмов первой ступени ассимиляции, например: *das Chapiteau* [ʃapit'o:] – *Pl. Chapiteaux*, *das / die Eau de Cologne* [o:dəko'lɔnjə] – *Pl. Eaux* [o:-] *de Cologne*.

ЛЕ без частеречной принадлежности (*telquel / tel quel*), а также сочетания-экзотизмы используются в немецкой литературной речи в двух функциях: 1) предикатива и 2) обстоятельства, ср.:

In diesem Restaurant können Sie Gerichte à la carte bestellen (LW 2017).

Die Führung will den Haushaltsplan tel quel genehmigen (LW 2017).

2.2.3. Особенности орфографической ассимиляции галлицизмов

Орфографическая ассимиляция предполагает приспособление заимствований к нормам правописания, принятым в ЯР. Нельзя не со-

гласиться с В.В. Наумовым в том, что орфография оказывает замедленное действие на ассимиляцию иноязычного произношения, причиной чего выступает «проникновение в систему ЯР элементов орфографической системы ЯД, увеличивающее существующее расхождение между звуком и буквой и загромождающее орфографическую систему ЯР несвойственными ему графемами» (Наумов 1987, 54). Так, в орфографический инвентарь немецкого литературного языка добавились новые графические и диакритические символы, ср.: *à (Fil à fil)*, *ê (Enquête)*, *é (Variété)*, *è (Montgolfière)*, *ô (Entrecôte)*, *œ (Œuvre)*. Поэтому синхронно можно наблюдать упрощение графики многих галлицизмов как следствие действия тенденции к онемечиванию (Волкова 2014, 81), в том числе в результате вступления в силу правил Новой официальной немецкой орфографии 2006 г. (ср.: DR 2017, 16, 20).

В табл. 12 приведены примеры орфографической ассимиляции галльских графем в системе немецкого литературного языка. Упразднения сдвоенных согласных в галльских и других иноязычных словах в немецкой письменной речи берёт начало с деятельности реформатора Николая Циглера, канцлера императора Максимилиана I. заслугой Николая Циглера является унификация ранненововерхнемецкой орфографии, позволяющая издавать документы от Вены до Брюсселя на едином языке, свободном от южнонемецких черт (Бах 1956, 164).

Ассимиляция галльской графемы «с» в немецкую «к» выполняет «маркерную» функцию парцелляции регистров общего словарного фонда (*Allgemeinwortschatz*) немецкого литературного языка и социолектов (*Fachsprachen*) (Кобенко 2014, 97), ср.: *das Cumarin / Kumarin*.

Продлённая фиксация галльских финалей, содержащих «é» со знаком акута (*accent aigu*), через геминацию «е» характерно для имён существительных мужского и среднего родов (*der Attaché* → *die Attachee*, *das Doublé* → *Doublee*), некоторых имён существительных женского рода (*die Consommé* → *Konsommee*) и реже для имён прилагательных несклоняемого типа (*lamé* → *lamee*). Однако не все галлицизмы с подобными финалями подлежат данному правилу; в частности, сохранили графику ЯД следующие ЛЕ мужского рода: *der Composé*, *der Imprimé*. В ряде случаев синхронно существуют только варианты написания с геминированной «е» в финалях, по-видимому, потому что словари уже не фиксируют устаревшую форму с акутом, ср.: *das Defilee*, *das Demelee*, *das Haschee*, *das Dublee*. Имена существительные женского рода с омонимичной финалью получают геминацию

вследствие упрощения графики (ée → ee), например: *die Allee, die Hautevolee, die Levee*.

Таблица 12

Германизация галльских графем в СНЛЯ

Галльская графема	Онемеченный вариант	Примеры ассимиляции (→)
Гласные, диграфы и дифтонги		
à	a	<i>vis-à-vis</i> → <i>vis-a-vis</i>
ai	ä	<i>die Affaire</i> → <i>die Affäre</i>
au	o	<i>die Maureske</i> → <i>Moreske</i>
e	ä	<i>equilibrieren</i> → <i>äquilibrieren</i>
ê	e	<i>tête-à-tête</i> → <i>tete-a-tete</i>
é	e	<i>die Dépendance / Dependance</i>
é	ee	<i>das Exposé</i> → <i>Expossee</i>
eu	ö	<i>der Friseur</i> → <i>Frisör</i>
ô	o	<i>das Entrecôte</i> → <i>Entrecote</i>
oi	o	<i>das Lavoir</i> → <i>Lavor</i>
ou	u	<i>doublieren</i> → <i>dublieren</i>
u	ü	<i>die Fortune</i> → <i>Fortüne</i>
ui	i	<i>die Guirlande</i> → <i>Girlande</i>
y	j	<i>die Mayonnaise</i> → <i>Majonäse</i>
Согласные, лигатуры и аффрикаты		
c	k	<i>die Occasion</i> → <i>Okkasion</i>
c	ss	<i>das Necessaire</i> → <i>Necessär</i>
c	z	<i>die Civette</i> → <i>Zivette</i>
ch	sch	<i>die Charade</i> → <i>Scharade</i>
gue	g	<i>ambigue</i> → <i>ambig</i>
k	ck	<i>der Arrak</i> → <i>Arrack</i>
l	ll	<i>karamel</i> → <i>karamell</i>
nn	n	<i>die Chansonette</i> → <i>Chansonnette</i>
qu	k	<i>das Craquelé</i> → <i>Krakelee</i>
ph	f	<i>das Telephon</i> → <i>Telefon</i>
th	t	<i>das Thein</i> → <i>Tein</i>
t	tt	<i>die Friteuse</i> → <i>Fritteuse</i>
t	z	<i>minutiös</i> → <i>minuziös</i>
v	w	<i>der Vandalismus</i> → <i>Wandalismus</i>

Существуют немногочисленные случаи функционально-стилистической дифференциации графического отражения ударной «е» в финалях галлицизмов, сопровождающиеся типичным для немецкого литературного языка родовым размежеванием омофонов (см. об этом также в п. 2.6), ср.: *das Tourné* (раскрытый козырь) vs. *die Tournee* (гастроли артистов).

На фоне упразднения галльских геминированных сонорных «г» (*courriere* → *der Kurier*) и «п» (*actionnaire* → *der Aktionär*) геминация затронула согласные «л» (*naturel* → *naturell*), «р» (*groupe* → *die Gruppe*), «т» (*buffet* → *das Büfett*) в закрытых слогах.

Графическая ассимиляция предполагает, с одной стороны, элизию французской «немой» «е» в финалях (*lettre* → *die Letter*), с другой стороны, появление эпентезы между согласными «т» и «г» (*désastre* → *das Destater*), «к» и «г» (*massacre* → *das Massaker*), «b» и «л» (*pénible* → *penibel*).

К тенденции упрощения можно отнести и случаи слитного написания галлицизмов, которые в ЯД передавались отдельно либо через дефис, например: *billet-doux* → *das Billetdoux*, *haute volée* → *die Hautevolee*.

Как отмечают Т.Н. Талецкая и М.А. Костюкевич, несмотря на отсутствие общепринятых правил правописания галлицизмов (за исключением написания существительных и субстантивированных частей речи с большой буквы), германизация позволяет проследить определённые закономерности орфографической ассимиляции: галлицизмы, сохраняющие в немецком языке своё аутентичное произношение, сохраняют, как правило, и аутентичное правописание; те же галлицизмы, произношение которых приспособилось к фонетическим нормам немецкого литературного языка, адаптируются к немецкой системе правописания (Талецкая, Костюкевич 2015, 139).

2.3. Гибридность лексических единиц галльского пласта

Гибридность относится к генетическим особенностям изучаемого пласта заимствованной лексики. Данный аспект в значительной степени определяет деривационный потенциал галльских единиц (сочетаемость, производность) и тесным образом связан с их ассимиляцией. Так, в параграфе 2.2. отмечалось, что в ГП присутствуют галлицизмы, которые, несмотря на свой германизированный облик и кажущуюся морфологическую продуктивность, не сочетаются с автохтонными ЛЕ СНЛЯ, например: *die Kote*, *die Imbezillität*. Непродуктивность таких единиц объясняется их сохраняющейся стигматизированностью как элементов «чужого» в составе немецкого литературного языка, преодоление которой возможно лишь, как представляется, путём естественной гибридизации в системе указанного языка. Последняя предполагает различные способы совмещения гетерогенных элементов с целью освоения (адаптации) заимствованных ЛЕ ГП (Геранина 2008, 102).

Гибридность понимается в данной работе, с одной стороны, как результат ассимиляции галльских заимствований в системе немецкого литературного языка (продукт сращения ЛЕ различной генетики), а с другой стороны, как ингерентное (лат. *inhaerens* – присущий) свойство заимствованных ЛЕ, для которых французский выступил ЯП. Заимствования, прошедшие через системы нескольких языков, гибричны *a priori*, т.е. более способны к адаптации, нежели прямые (априорные) заимствования из французского, ср.: *der Borretsch* (итал., лат., араб.). Таким образом, гибридизацию ЛЕ ГП можно рассматривать как повышение их жизнеспособности, увеличение продуктивности, гарантию неотторжения системой.

Гибридизация, известная также как «языковое смешение» (термин Х. Шухардта), представляет собой «совмещение материала ЯР с цитацией ЯД» (Мячинская, 2006). Ю.В. Кобенко отмечает, что контакт двух языков всегда характеризуется их неэквивалентным смешением вследствие многоуровневой асимметрии контактирующих систем; следовательно, гибридизация заложена в самой природе языка как один из словообразовательных механизмов (Кобенко 2014, 51). К.А. Шишигин пишет, что для развития языков закономерен фузионный характер гибридизации, т.е. укрупнение продуктивных возможностей в различных структурных подсистемах литературных языков (Шишигин, 2014, 111). Е.В. Овсянникова уточняет: «Гибридизация является естественным результатом постоянного сближения языков. Заимствуя друг у друга какие-то единицы, языки, как бы притираются и приспособляются друг другу в целях эффективного информационного обмена. История развития языка – это история того, как он попеременно выступает то бенефициарием (пользуясь богатствами других языков), то бенифициантом (донором). Одни языки считаются более подверженными гибридизации, чем другие» (Овсянникова, 2004, 94).

Гибридизация языков – явление настолько же неизбежное, насколько и стихийное: языковые контакты, характерные для социологии любого языка, оставляют в системе языка «отпечатки» иноязычных влияний, образующие его ресурсную гетерогенность – полиглоссию (Кобенко 2014, 44) (см. о полиглоссии также в п. 1.1). Яркий пример гибридности СНЛЯ демонстрируют ЛЕ словообразовательного гнезда «*die Hypnose*», сформированного из заимствований из различных ЯД: *hypnotisch* (лат., греч.), *der Hypnotiseur* (фр.), *der Hypnotismus* (англ.).

Гибридизация заимствованных ЛЕ галльского происхождения в немецком литературном языке происходит при помощи суффиксации, контаминации, словосложения, интернационализации, апостериоризации.

1. Суффиксация является наиболее общим способом гибридизации ЛЕ ГП в СНЛЯ. Её диапазон варьирует от средств диминуции (*das Saucischen*) до способов конверсии (*niveaulos*, *die Komplettierung*).

2. Примеры контаминации приведены в параграфе 2.4 в составе композиционных типов заимствованных ЛЕ галльского происхождения в СНЛЯ.

3. Особенности гибридного словосложения подробно описаны в параграфе 2.2. Разновидностями такого вида гибридизации выступают: генерализация (добавление родового признака (*genus proximum*), например: *die Vigogne* → *die Vigognewolle*, *das Vigognetrikot*, и реже детализация (специализация; добавление видового признака (*differentia specifica*), к примеру: *karieren* → *kleinkariert*).

4. Интернационализация является способом совмещения интернациональных морфем различных ЯИ (Аккуратова 2013, 8). Так как гибридность языков в силу неизбежной диверсификации культурной материи, по наблюдению Я.В. Торова, будет лишь увеличиваться (Торов 2015, 2947), интернационализация представляется наиболее прогрессивным способом гибридизации языкового материала и вообще неологизации (Herberg 2002, 197; Синицина 2014, 108–109): *Starallüren, Pl.* (англ., фр.), *der Rips faconné* (англ., фр.), *der Twill doupionné* (англ., фр.), *das Revanchefoul* (фр., англ.).

5. Апостериоризация (апостериорная деривация) связана с образованием новых слов и новых значений на основе заимствованного языкового материала ЯД в ЯР. Ряд авторов недвусмысленно относят апостериорные дериваты в разряд гибридных (ср.: Маринова 2008, 76; Захватаева 2011, 120; Никитченко 2016, 120). Составляя всего 2,46% от общего количества ЛЕ ГП в СНЛЯ, псевдогалицизмы, однако, представляют устойчивую тенденцию псевдозаимствования наряду с псевдороманизмами (Митрофанова 2014, 957) и псевдоанглицизмами (Нефёдова 2013, 122). Способы образования псевдогалицизмов в системе СНЛЯ рассмотрены в параграфе 2.4.

Многие галицизмы заимствуются уже в гибридном облике, ср.: *der / das Parapluie / Paraplü* (греч., фр.), *der Generalpardon* (лат., фр.). Это касается и единиц других ЯИ, полученных во французском языке методом суффиксации: *kaptiös* (лат., фр.), *mondän* (лат., фр.), *erotisch* (греч., фр.).

Как можно видеть, гибридность ЛЕ ГП – тенденция преимущественно словообразовательного характера (Poendaeva et al. 2017) и частный случай языкового смешения. По нашему наблюдению, большинство гибридных композитов образца G+D (галльский + немецкий)

и D+G (немецкий + галльский) можно наблюдать в тематической группе «текстиль» (см. об этом также в п. 1.2), ср.: *der Halbpiqué* (нем., фр.), *die Radamébindung* (фр., нем.), *die Rundchenille* (нем., фр.), *der Stehvelours* (нем., фр.), *der Unzensatin* (нем., фр.).

2.4. Типология заимствованных галлицизмов

Типология относится к структурно-системным особенностям изучаемого лексического пласта. Выделение типов заимствованных галлицизмов в составе СНЛЯ сопряжено с рядом теоретических и методологических сложностей. Во-первых, несмотря на обилие публикаций по проблемам функционирования галлицизмов в немецкой литературной речи, их генеза в системе немецкого литературного языка и в особенности ассимиляции, в настоящее время нет работ, охватывающих всю палитру типологических явлений внутри заимствованного галльского пласта в современном немецком литературном языке. Это связано с неустойчивостью предлагаемых таксономических критериев, с одной стороны (ср.: Фельде 2014, 89), и затруднениями в определении статуса заимствования, в частности в вопросе отграничения его от понятия «иноязычное слово» (ср.: Зеленин 2008, 86–87), с другой стороны. Во-вторых, по справедливому замечанию Е.В. Мариновой, в современной теории заимствования по-прежнему заметна определённая неупорядоченность обозначения различных типов иноязычных слов (Маринова 2016, 117). Помимо этого, типология галльской лексики в немецком литературном языке зачастую интерпретируется исключительно в аспекте ассимиляции (ср.: Schäfer-Prieß 2010) или в рамках отдельных контактных явлений (ср.: Mackensen 1972, 40).

Задачей данного параграфа является, тем самым, построение типологии галлицизмов в системе СНЛЯ сообразно синхронным особенностям функционирования указанных единиц в немецкой литературной речи. За методологическую основу таксономического анализа взяты диалектические принципы взаимоотношений общего и частного, качества и количества, принципы комплексности, системности и динамичности описываемого ГП.

Подавляющее большинство подходов к выделению типов лексических заимствований опирается на традиционную сетку критериев: 1) по лексико-семантическому признаку, 2) по способу ассимиляции и 3) заимствования единицы (Bussman 2007, 69). Анализ заимствованного галльского сегмента в системе современного немецкого литературного языка позволяет выделить дополнительные критерии сегрегации

симптоматических явлений: 4) по способу деривации, 5) по способу композиции. Впервые такой критериальный аппарат был предложен Ю.В. Кобенко в монографии «Языковая ситуация в ФРГ: американизация и экзогlossные тенденции» (Кобенко 2014, 156).

Итак, по **лексико-семантическому признаку** все единицы галльского происхождения в системе СНЛЯ подразделяются на *лексические* и *семантические* заимствования.

1. *Лексические* единицы распадаются, в свою очередь, по морфологическому признаку на *лексемные* и *морфемные* заимствования.

А. *Лексемные* галльские заимствования – это галлицизмы, заимствованные в состав немецкого языка с цельным формативом и с минимальной дивергенцией семантического наполнения.

Согласно **степени и способу ассимиляции** последние подразделяются на *слабоассимилированные* (*Fremdwörter*) и *онемеченные* (*Lehnwörter*) заимствования. Данная сегрегация соответствует двум типам заимствованных единиц по А.А. Реформатскому: усвоенным и освоеным (Реформатский 1996, 139–140) (см. об этом подробнее в п. 2.2).

Следовательно, *онемеченные* (освоенные) галлицизмы (например, посредством суффиксации) сходны с автохтонными словами по звучанию и структуре (*Jupe, bürokratisch*), в то время как *слабоассимилированные* галлицизмы, обозначаемые также *ксенизмами*, отличаются от автохтонных единиц формально-структурными характеристиками, ср.: «*Haute Coiffure*», «*à point*». В составе последних можно выделить *варваризмы*, *экзотизмы* и *дублетные* заимствования.

Варваризмами (греч.: *barbarismós*, от *barbarizein* = непонятный) являются слабоусвоенные слова и выражения галльского происхождения, которые обнаруживают стойкие структурные (морфологические) и формальные (фонетические) отличия от автохтонных единиц и воспринимаются носителями ЯР как инокультурные цитаты (Коломейцева 2013, 67), например: «*en pleine carrière*» (*стремглав*), «*par ordre du tiffi*» (*по приказу начальства*).

Экзотизмы – заимствованные слова, характеризующие специфические национальные особенности жизни разных народов и употребляемые при описании ненемецкой действительности (Нефёдова 1999, 108), ср.: «*die Belle Epoque*» (Прекрасная эпоха, первые десятилетия Третьей французской республики), «*das Louis-seize*» (*французский до-революционный классицизм, стиль Людовика XVI*).

Дублетные заимствования копируют семантику уже имеющихся единиц немецкого языка и являются главным образом продуктами натуралистического перевода с французского языка с целью создания

местного колорита, ср.: «*der Pâtissier*» вместо «*der Konditor*», «*das Potaufeu*» вместо «*der Eintopf*».

Б. Морфемные франкоязычные заимствования разделяются на *интернационализмы* и *частичные морфемные заимствования*.

Интернационализмы (*die Sensation, der Demokrat*) и их разновидность *международные термины* (*das Relief, die Saison*) представляют собой заимствования, встречающиеся в идентичной или схожей форме в нескольких языках (Долгенко, Косырева 2016, 124). В отличие от интернационализмов международные термины ограничены рамками какой-то определённой сферы коммуникации, например, языком прессы или политики.

К *частичным морфемным заимствованиям* относятся элементы сложных слов, используемые с исконными морфемами для детализации (см. об этом в п. 2.3), например: «*das Vacheleder*» (эластичная подошвенная рантовая кожа), «*das Dontgeschäft*» (фьючерсная сделка).

2. *Семантические галльские заимствования*, или *кальки*, являются единицами, созданными путем заимствования структуры иноязычного слова или словосочетания с заменой её материальной (формальной) оболочки собственными средствами языка-реципиента. Как отмечают В.В. Кабачки и К.А. Егорова, калькирование выступает одним из наиболее продуктивных способов наименования реалий иноязычной культуры (Кабачки, Егорова 2015, 58). Калькированные ЛЕ распадаются на формальные и смысловые.

Путём *формального* семантического заимствования в немецком литературном языке образуется новое слово или словосочетание по примеру галльской единицы-прототипа. *Формальные* кальки подразделяются на *покомпонентные* и *фрагментные*.

Покомпонентный способ калькирования является наиболее распространённым и осуществляется посредством поэлементного перевода отдельных галльских морфем, например: «*abrüsten*» (*разоружаться*) по аналогии с «*désarmer*».

Фрагментные кальки представляют собой родственные образования без прямой лексической (структурной) схожести, например: «*folgeschwer*» (чреватый последствиями) по аналогии с «*gros de conséquences*».

Смысловое калькирование подразумевает заимствование семантического компонента эквивалентного обозначения в языке-доноре. Смысловые кальки распадаются на словообразовательные и фразеологические.

А. При *словообразовательном калькировании* воспроизводится морфологическая структура галльского слова-прототипа (Майорова 2009, 70), ср.: «*der Unternehmer*» (предприниматель) по аналогии с «*entrepreneur*».

Б. *Фразеологические кальки* представляют собой пословный перевод устойчивого словосочетания, идиомы или поговорки во французском языке, например: «*auf der Höhe sein*» (быть на высоте) по аналогии с «*être à la hauteur*». К фразеологическому калькированию относятся и немногочисленные речевые штампы, которые многими лингвистами относятся к фразеологическим единицам (ср.: Добровольский, Караулов 1994, 98), к примеру: «*öffentliche Meinung*» (общественное мнение) по аналогии с «*opinion publique*», «*frenetischer Beifall*» (бурные овации) по аналогии с «*applaudissements frénétiques*».

Полный список калькированных единиц приведён в прил. 2.

По **способу заимствования** галлицизмы в составе СНЛЯ классифицируются на повторные, обратные и параллельные заимствования.

А. *Повторные* заимствования восходят к двум фактам интеграции одного и того же слова в систему ЯР из двух или нескольких ЯД. Относительно пары ЯИ «латинский / французский» для случаев повторного заимствования можно выделить временную зависимость «XVI–XVII вв. (латинский) / XVIII–XIX вв. (французский)», например: *familiar* (лат. XVI в. и фр. XVIII в.), *der Rebus* (лат. XVI в. и фр. XVIII в.), *die Pantomime* (лат. XVII в. и фр. XVIII в.). Причиной повторного заимствования выступает смена престижных ЯД. Так, латынь прекратила играть в Германии роль престижного иностранного металекта к XVII в. и уступила данную функцию французскому языку. В заимствованном ГП реже встречаются образцы повторного заимствования с более ранней датировкой, ср.: *der Sekretär* (лат. XV в. и фр. XVII в.).

Б. Классическим примером *обратного* заимствования в ГП выступает германизм «*der Eidgenosse*», вернувшийся в немецкий литературный язык из французского в форме «*der Hugenotte*» (гугенот). Обратными заимствованиями можно также считать ЛЕ в составе ГП, происходящие из прагерманского как наиболее раннего ЯИ (Schweikle 2002) и заимствованные через посредничество французского языка, к примеру: *die Marke, der Vandalismus*.

В. Явление *параллельного* заимствования связано с конкуренцией ЯД в определённый период истории немецкого литературного языка. К примеру, в XVIII–XIX вв. ряд единиц был заимствован параллельно из французского и английского языков, ср.: *respektabel*.

По способу деривации франкоязычная лексика в составе СНЛЯ распадается на две большие группы: *априорные* и *апостериорные* образования.

К *априорным* образованиям относится весь заимствованный лексический и морфемный материал галльского происхождения, обнаруживающий в ЯД синхронно или диахронно прототипические соответствия (Кобенко 2017, 160). *Апостериорными* (лат. *a posteriori* – поздний, вторичный) обозначаются образования из иноязычного материала с нарушенным принципом обратимости, т.е. невозможностью установить ни синхронно, ни диахронно такие соответствия в ЯД (Кабакчи, Егорова 2015, 57). В отличие от априорных галлицизмов, апостериорные не заимствуются, а образуются, поэтому полученные таким способом единицы уместно обозначать апостериорными дериватами или псевдозаимствованиями. Наиболее существенными дифференциальными признаками данных единиц выступают их вторичность по отношению к самой заимствованной лексике, неизвестность носителям языка-донора и манипуляторный характер их образования для нужд коммуникации на языке-реципиенте (ксенизмы заимствуются, а псевдозаимствования образуются) (Кобенко 2016, 33). Манипуляторный характер псевдогаллицизмов свидетельствует о продолжающейся тенденции к галлизации СНЛЯ и должен рассматриваться как признание немецкими современниками престижности французского языка вопреки глобальной моде на англофонию.

Галлизация здесь понимается как результат апостериорной деривации на основе заимствованных галлицизмов («*Bankrotteur*» как замена прежнего «*Bankrottierer*»: лицо, признанное банкротом) либо на основе автохтонных единиц немецкого литературного языка (германизмов) в соответствии с фонетическими, морфологическими особенностями французского языка («*Stiefelette*» от немецкого «*Stiefel*»: полусапожек), что фактически означает снабжение немецкоязычных основ галльскими суффиксами *-age* (*die Stellage* – стеллаж), *-ade* (*die Poussade* – флирт), *-ee* (*das Frottee* – махровая ткань), *-esse* (*die Raffinesse* – изысканность), *-euse* (*die Balletteuse* – танцовщица балета), *-ette* (*die Chanson(n)ette* – шансонетка), *-eur* (*der Speditieur* – экспедитор), *-ier* (*der Suitier* – балагур, повеса), *-lett* (*das Dramolett* – короткая пьеса), *-abel* (*rentabel* – выгодный), *-ell* (*nomi-nell* – номинальный), *-ieren* (*rentieren* – окупать), *-är* (*totalitär* – тоталитарный).

Заимствованный ГП содержит 94 псевдогаллицизма, выделенных на основании вышеизложенных критериев и этимологического анали-

за. Таким образом, апостериорные дериваты образуют всего 2,46% от общего количества ЛЕ ГП в составе СНЛЯ.

К псевдогаллицизмам следует отнести и сокращения, полученные при помощи немецкого продуктивного словообразовательного механизма контракции (усечения) исходной основы и прибавления суффикса *-i* (*-ie/-y*) (Кобенко 2014, 133), ср.: *der Chauv[finismus]* + *i* = *Chauvi* ['ʃvɪ] (шовинист). Данный словообразовательный механизм свойствен современной немецкой обиходно-разговорной речи.

К псевдозаимствованиям примыкают и случаи ложной этимологизации (де- и рэтимологизации), например, единица «*der Waggon*», заимствованная из нидерландского через посредничество английского языка, но читающаяся на французский манер.

Часто псевдогаллицизмы образуются на основе высокоассимилированных производящих основ, например глагольных, ср.: *frisieren* → *der Friseur* (парикмахер) → *die Friseuse* (женщина-парикмахер).

Псевдозаимствованиями можно считать, на наш взгляд, также конверсивы в классе имён существительных, полученных главным образом от заимствованных галльских имён прилагательных, ср.: *beige* (бежевый) и *das Beige* (краска бежевого цвета), *remis* (вничью) и *das Remis* (ничья).

К псевдогаллицизмам относятся также случаи прочтения латинизмов в соответствии с нормами французской фонетики (*das Signet* [zi'gnɛt и zin'je:]]) и написания по правилам французской орфографии (*das Sigel* → *das Sigle* [zi:gl и 'sigle]). Такие единицы не включены в корпус галльской лексики в СНЛЯ ввиду того, что они образуют не самостоятельные слова, как, к примеру, псевдогаллицизмы «*die Leckage*» или «*elitär*», а лишь способы представления уже заимствованных латинизмов.

Примечательным можно считать единичный случай *бывшей псевдогаллицизации* в немецком литературном языке. Псевдозаимствование «*die Parfümerie*» появилась в нём в конце XVIII в. при помощи добавления офранцуживающей финали к слову «*das Parfüm*», однако в начале XIX в. во французском также образовалось слово «*parfumerie*», и псевдогаллицизм превратился в заимствованный галлицизм и бывший псевдогаллицизм.

Псевдозаимствования включены в корпус в силу того, что они образованы либо от галльских производных основ (*friser* → *der Friseur*), либо при помощи галльских продуктивных суффиксов (*-age* → *die Schmierage*), т.е. фактически могут быть отнесены также к морфемным заимствованиям (Elsen 2011, 7–8; Митрофанова 2014, 958).

По способу композиции галлицизмы в составе СНЛЯ разделяются на *простые, сложные и составные* единицы, *контаминации, линейные сокращения* (контрактуры) и *формально-структурные уподобления*.

Составные единицы представлены устойчивыми сочетаниями с сохранённым раздельным написанием в ЯД (*der Cordon sanitaire*), предложными группами (*à la meunière, du jour*), фразеологизмами / паремиями с различной степенью идиоматизации (*Dieu et mon droit*) (18ЛЕ, 0,47% лексического наполнения ГП) и галлицизмами, употребляющимися в связанном значении с автохтонными ЛЕ (*Hasard spielen, dicker Onkel*) (Кулькова 2013, 72).

Фразеологизмами не являются ЛЕ, полученные в СНЛЯ методом словосложения элементов, которые во французском языке используются идиоматически связно, ср.: *die Ménage-à-trois, das Laisser-faire*.

Сложными единицами выступают преимущественно детерминативные композиты образца G+D (галлицизм + германизм: *die Zuckerraffinage*), G+G (галлицизм + галлицизм: *der / das Karamellbonbon*), D+G (германизм + галлицизм: *das Doppelrapier*). Так как словосложение помимо деривации традиционно является наиболее типичным случаем словообразования для немецкого литературного языка (Donalies 2005, 51), гибридные композиты можно рассматривать как динамический показатель взаимодействия галльского пласта с автохтонными немецкими единицами, а также с заимствованиями из других языков (*das Revanchefoul*). Часто разноязычные части гибридных композитов соединяются через тире, которое служит разделительной чертой между различной языковой генетикой (Корнилова 2010, 19), ср.: *der Hautelisse-Stuhl*.

К *контаминациям* относятся заимствования интернационального характера зачастую гибридного образца, ср.: *die Netiquette = net + die Étiquette, die Journaille = das Journal + die Kanaille, die Pastmilch = pasteurisierte Milch*.

Линейными сокращениями (контрактурами) являются заимствованные галлицизмы, подвергшиеся в системе ЯР усечению лексической длины слова или опущению одной из её составных частей, например: *der GT (Grand Tourisme), das CC (Corps consulaire), das Séparée / Separée (Chambre séparée), die Limo (Limonade)*.

Линейные сокращения возможны при калькировании, ср.: *das Abteil* от *die Abteilung*. Изменение рода связано здесь с действием аналогии: *das Oberteil – das Gegenteil – das Abteil*.

Группа *формально-структурных уподоблений* представляет собой смежное явление между калькированием и словосложением. Харак-

терной чертой сращений выступает квазимотивированность их основ в системе СНЛЯ, ср.: *Zislaweng* (фр. *ainsi cela vint*): *mit einem Zislaweng* – хитроумно, особым способом; *der Muckefuck* (фр. *moka faux*) – жидкий (суррогатный) кофе; *mutterseelenallein* (фр. *moi tout seul*) – один-одинёшенек, один как перст; *etepetete* (фр. *peut-être*) – чопорный; разборчивый.

Таким образом, можно наблюдать значительный перевес типов, выделенных при помощи критерия «по способу и степени ассимиляции». Данное обстоятельство объясняется многовекторным характером галлизации немецкого литературного идиома, средней продуктивностью ГП, его динамичностью, а также явлениями многократности, обуславливающими разноуровневое и многоаспектное функционирование заимствованных единиц галльского происхождения в системе СНЛЯ.

2.5. Ономатологический анализ единиц галльского пласта

Задача данного параграфа – дать анализ ономастического сегмента заимствованного ГП в системе СНЛЯ. Ономастический сегмент представляет собой совокупность онимной (отонимной) лексики и её субклассы, например, эпонимы. Указанная лексика описывается при помощи понятийно-терминологического аппарата ономатологии, науки об именах собственных (Матвеев 2005, 9). Такие понятия ономатологии, как «ономастический» (относящийся к именам собственным) и «онимный» (касающийся онимов вообще), используются вслед за Т.В. Шмелёвой синонимично (Шмелёва 2013, 11).

Под ономатологическим анализом понимается исследование средств и способов создания плана выражения онимного знака, т.е. их номинации (наименования), которая может быть представлена означающим различной структуры (Копач 2007, 267).

Несмотря на существенный задел отечественных и зарубежных учёных в указанной области лингвистического знания, сама методология ономатологического анализа оставляет, на наш взгляд, пространство для её дальнейшей доработки. В частности, по-прежнему присутствует двусмысленность в понимании того, что обозначать онимом – продукт (де)онимизации или саму производящую основу. В этой связи значительно затруднена практика сегрегации ономастических единиц по производному признаку на примере единицы галльского происхождения *das Moustérien* [muste'ri:ɛ:] (мустьерская культура, названная по пещере Ле-Мустье (Le Moustier) на юго-западе

Франции). Приведённый пример иллюстрирует несовершенство существующей классификации (топоним → ойконим), в которой у производного можно наблюдать генерализацию семантического компонента, а не детализацию, как того требует логика. Тем не менее, общая практика скорее склоняется к классификации отонимных (производных) единиц, нежели производящих, хотя тенденция к деонимизации последних примыкает к лексикологической, но не ономотологической традиции.

Кроме этого, не до конца дифференцированы критерии ономотологического и ономазиологического видов анализа: выделение онимных рядов автоматически строится по принципу принадлежности к тому или иному тематическому полю зачастую в ущерб изучению структурно-функциональных свойств ономастической лексики.

Слабо изучена и терминологическая природа ономастической лексики, в особенности эпонимов, в классе которых наблюдается очевидное «скольжение» между терминологической природой данных единиц (Костерина 2017, 20) (*das Coulomb* – единица измерения электрического заряда; по фамилии французского физика Ш.О. де Кулона) и их очевидной периферизацией, свойственной всем единицам функционально-стилистически дифференцированного словарного состава (Riesel 1959, 114–115) (*der Jacquard* – жаккард; по фамилии французского шелкоткача Ж.-М. Жаккара).

Существующие попытки классификаций сводятся к выделению субклассов онимов путём имплементации такого метода логики, как дедукция. Целесообразно, по нашему мнению, строить анализ с учётом разделения онимной (производящей) и отонимной (производной) лексики (ср.: Бец, Корскова 2016, 86–90). Такой подход к анализу ономастического сегмента заимствованного ГП в системе СНЛЯ можно было бы соотнести с типологией галлицизмов, однако, по справедливому замечанию А.К. Матвеева, ономастику не следует рассматривать как часть лексики, поскольку она представляет собой принципиально иное явление (Матвеев 2005, 9).

Понуждает в необходимости такой сегрегации и генетическая составляющая рассматриваемого сегмента ГП: приблизительно 80% производящих основ являются именами собственными французского (романского) происхождения, а производные – отонимными интернационализмами. Как уже отмечалось ранее, имена собственные галльского происхождения в корпус не включены. Анализ (от)онимного сегмента ГП строится с учётом диалектических принципов, изложенных в параграфе 2.4.

Итак, ономастическая лексика галльского происхождения представлена в количестве 96 ЛЕ, что составляет 2,51% всего заимствованного ГП в составе СНЛЯ. Согласно частеречной принадлежности сегмент образуют 94 имён существительных, 1 глагол и 1 имя прилагательное. Наличие всего одного глагола (1,04%) доказывает приуроченность к процессам (де)онимизации двух основных именных классов в СНЛЯ – имён существительных и прилагательных.

Безусловно, единиц может быть и больше, учитывая деривационный потенциал отобранных лексем (ср.: *der Gaullismus* → *der Gollist* → *gaullistisch* → *progaullistisch* и т.д.), поэтому к отбору привлекались только произведённые (деонимизированные) основы, которые могут сами выступать производными по отношению к другим (новым) ЛЕ в СНЛЯ.

Сегрегация групп онимов производится на основе ономаσιологического подхода, реализующего принцип организации лексики от означаемого к означающему (*signifié* → *signifiant*) (Grzega 2012, 272) и денотативной близости тематической полей (см. об этом также в п. 1.2). Следует отметить невозможность окончательного (непреодолимого) разделения ономастического сегмента заимствованной галльской лексики в СНЛЯ по группам в силу многократных явлений тематического пересечения, например, единица *der Gobilin* (гобелен) может быть отнесена в равной степени к тематическим группам хрематонимов и уфасмонимов.

Таким образом, выделено 12 групп ономастических единиц:

1) **культуронимы (21 ЛЕ)**, например: *das Louis-quinze* [lũi'kẽ:z] – французское барокко; либертинаж (в литературе) (стиль Людовика XV); к культуронимам примыкает группа обозначений танцев французского происхождения или известных благодаря распространению французского языка; особенностью единиц данной подгруппы является отсутствие у них онимной производящей основы, что в ряде случаев объясняется их негалльским происхождением, ср.: *die Ecossaise / Ekossaise* [ekɔ'se:zə] – шоттиш (шотландский танец);

2) **хрематонимы (обозначения объектов материальной культуры) (6 ЛЕ)**, например: *die Récamière* [reka'mjẽ:] – рекамье (диванкушетка); по фамилии французской писательницы Жюли Рекамье (*Julie Récamier*);

3) **энклимонимы (обозначения криминальных сводок) (1 ЛЕ):** *der Pitaval* – собрание хроник и отчётов по самым громким уголовным процессам; по фамилии французского правоведа Франсуа Гайо де Питаваля (*François Gayot de Pitaval*);

4) **ойконимы (обозначения пространства обитания человека)** (4 ЛЕ), ср.: *die Cromagnonrasse / Cro-Magnon-Rasse* [kʁoma'ɲɔː-] – кроманьонцы; по названию скального грота Кро-Маньон (*Cro-Magnon*) на юго-западе Франции;

5) **оронимы (обозначения особенностей рельефа)** (1 ЛЕ): *der Sérac* [ze'ʁak u se-] – серак (ледяной пик); название ледяного пика было перенесено с обозначения сывороточного сыра (от фр. *séré* – творог, сыворотка) швейцарским геологом Орасом Бенедиктом де Соссюром (*Horace-Bénédict de Saussure*);

6) **фитонимы (10 ЛЕ)**, например: *die Reineclaude / Reneclode / Reneklode* – ренклюд (сорт сливы); существуют две версии онимизации галльского обозначения данного сорта слив: первая версия исходит из того, что фитоним является результатом словосложения аппелятива «*Reine*» (королева) и имени «*Claude*» (Клод Французская (*Claude de France*), дочь короля Людовика XII и жена короля Франциска I); согласно второй версии – продуктом словосложения имени и фамилии французского ботаника Рене Клода (*René Claude*) (Gorys 2007);

7) **зоонимы (1 ЛЕ)**: *das Rambouillettschaf* [rãbu'ʃeː-] – рамбулье (порода тонкорунных овец); по названию французского города Рамбулье (*Rambouillet*) в северной части Франции;

8) **антропонимы (9 ЛЕ)**, к примеру: *die Pierrette* ['piʁe-] – Пьеретта (один из персонажей французского народного ярмарочного театра); к антропонимам относятся имена суггестивные (суггестивы, имена «говорящие»), «фонетические особенности которых вызывают определённые оценочные ассоциации» (Zimmer 1981, 70), ср.: *der Seladon* [zela'dɔː] – сентиментальный любовник; изнывающий от любви; по имени персонажа в романе «Астрея» (*L'Astrée*) французского писателя Оноре д'Юрфе (*Honoré d'Urfé*);

9) **абстрактные понятия (7 ЛЕ)**, например: *die Rodomontade* – родомонтада (фанфаронство, хвастовство); по имени мавра Родомонта в произведениях итальянского поэта Маттео Марии Боярдо (*Matteo Maria Boiardo*);

10) **уфасмонимы (обозначения тканей и реалий ткацкого дела)** (6 ЛЕ), ср.: *der Batist* – батист; по имени фламандского ткача Батиста Камбийского (*Ba(p)tiste de Cambrai*);

11) **гастронимы (17 ЛЕ)**, к примеру: *die Praline* [pra'li:nə] – пралине (шоколад с начинкой); по фамилии французского герцога Сезар де Шуазель, графа дю Плесси-Прален (*César de Choiseul du Plessis-Praslin*), повар которого изобрёл пралине;

12) *эпонимы (13 ЛЕ)*; эпонимом называется термин, который содержит в своем составе имя собственное (антропоним, топоним или мифоним), а также имя нарицательное в обозначении научного понятия (Какзанова 2015, 182); наряду со многими другими единицами исследуемой ономастической лексики эпонимы являются продуктами аппелятивизации (деонимизации), т.е. перехода онима (*nomen proprium*) в категорию аппелятива (*nomen appellativum*) (Шмелёва 2013, 144), ср.: *die Pasteurisation* [pastø-] – пастеризация; по фамилии французского химика Луи Пастера (*Louis Pasteur*).

На рис. 3 показано соотношение субклассов онимов в ономастическом сегменте ГП в составе СНЛЯ.

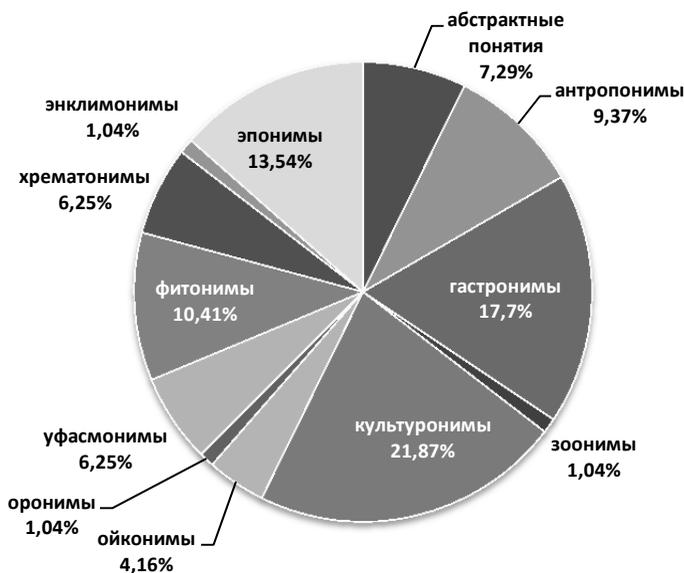

Рис. 3. Соотношение групп ономастических единиц внутри ГП

Полный список ономастической лексики содержится в прил. 3.

Вышеизложенное позволяет резюмировать, что ономастический сегмент заимствованной галльской лексики в СНЛЯ несёт отпечаток ономотологического пространства французской культуры с её самобытными особенностями имянаречения, однако в силу устойчивой принадлежности к категории «чужое» сохраняет приуроченность к функционально-стилистически дифференцированному составу немец-

кого лексического фонда. Последнее объясняется характером производства заимствованных онимных единиц галльского происхождения, полученных путём деонимизации главным образом от галльских или романских имён собственных (антропонимов и топонимов).

2.6. Парадигматические ряды с единицами галльского пласта

Выявление парадигматических связей, образуемых заимствованными галльскими лексемами в лексической системе СНЛЯ, является одним из наиболее существенных аспектов структурно-системного анализа ГП. В словарном составе ЯР заимствованные и автохтонные лексемы состоят в парадигматических связях с лексемами на различных уровнях абстракции либо на одном и том же уровне (Ольшанский, Гусева 2005, 52). Парадигматические связи ЛЕ в системе ЯР образуют либо собственные гиперо-гипонимические ветвления, либо копируют отрезки диверсификации лексической системы ЯД (Кобенко 2017, 20). Наряду с родовидовыми отношениями гетерогенных лексем (Schirpan 1992, 204) наблюдаются формально-структурные связи ЛЕ, носящие характер оппозиций с различным набором элементов.

Выявлены четыре типа наиболее репрезентативных парадигматических рядов, образуемых ЛЕ ГП друг с другом и с автохтонными единицами в системе СНЛЯ: 1) омонимия, 2) паронимия, 3) гетеронимия, 4) синонимия. Полный список парадигматических оппозиций ЛЕ ГП приведён в прил. 5.

1. Омонимия. Семантическое изменение словарного состава происходит по двум базовым типам: через полисемию и омонимию (или её подвиды – омофонию и омографию) (Nübling 2010, 11). Существование парадигматических оппозиций с галльскими лексемами и автохтонными ЛЕ СНЛЯ следует отнести также к динамическим особенностям ГП, так как омонимия – явление преимущественно синхронного порядка и с развитием системы немецкого литературного языка может переходить в другие типы парадигматических отношений (например, паронимию) вследствие действия тенденции к обособлению (диверсификации) средств СНЛЯ. Образование омонимических рядов является, в свою очередь, результатом разрушения полисемии благодаря действию той же тенденции (Кобенко 2006, 7). В табл. 13 отражены типы омонимических связей указанных ЛЕ в системе СНЛЯ.

Омонимические отношения ЛЕ ГП в системе СНЛЯ

Тип омонимических оппозиций	Количество ЛЕ в корпусе	Процент от общего количества ЛЕ ГП	Примеры
Омонимия внутри ГП			
Двучленные	70	1,83	<i>der Kornett – das Kornett</i>
Трёхчленные	6	0,15	<i>seladon – der Seladon – das Seladon</i>
Омонимия с другими ЛЕ СНЛЯ			
Двучленные	32	0,83	<i>die Rappe – der Rappe</i>
Трёхчленные	12	0,31	<i>das Regal – das Regal – das Regal</i>
Омографы	6	0,15	<i>das Komplet – die Komplet</i>
Омофоны	8	0,20	<i>der Tambour – der Tambur</i>
Итого	134	3,51	

Преобладание двучленных оппозиций элементов галльского происхождения свидетельствует о динамическом характере развития ГП в системе СНЛЯ и продуктивности его единиц.

В обоих видах омонимии (между ЛЕ ГП и с другими единицами СНЛЯ) общим источником данного явления выступает заимствование (ср.: Каримова 2012, 77). Тем не менее образование омонимических оппозиций в системе СНЛЯ преимущественно словообразовательной природы, ср. пару омонимов *der Detacheur* [de'taʃø:v] (разрыхлитель) vs. *der Detacheur* [de'taʃø:v] (специалист по выведению пятен, работник химчистки), образованную по типу *Nomen agentis* при помощи галльского суффикса *-eur*, обозначающего активного действующего субъекта.

Распространены омонимические ряды галлицизмов, полученные на основе метонимического переноса, ср.: *das Bouclé / Buklee* (букле) vs. *der Bouclé / Buklee* (пряжа из букле; ковёр из букле), *die Duchesse* [dy'ʃes] (герцогиня во Франции) vs. *die Duchesse* [dy'ʃes] (прочная атласная ткань). К данному типу омонимии примыкают случаи конверсии для обозначения красок, причём конверсивами могут быть как имена прилагательные, так и имена существительные, образующие, как правило, трёхчленные ряды омонимов с различной частеречной принадлежностью, например: *die Orange* [ɔ'rã:ʒ(ə) u ɔ'raŋʒ(ə)] (апельсин) vs. *orange* [ɔ'rã:ʒ(ə) u ɔ'raŋʒ(ə)] (оранжевый) vs. *das Orange* [ɔ'rã:ʒ(ə) u ɔ'raŋʒ(ə)] (краска оранжевого цвета).

Примером образования омонимической оппозиции вследствие обособления элементов значения полисемантов выступает пара омонимов *die Charge* [ˈʃaʁʒə] (должность, чин, звание) vs. *die Charge* [ˈʃaʁʒə] (студенческая корпорация). Омонимический ряд *der Schick* (шик, элегантность) vs. *der Schick* (жевательный табак) сформировался уже в системе немецкого литературного языка, хотя происходит от разных галльских единиц-прототипов: первое слово от французского «*chic*» (шикарный), а второе – от «*chique*» (жевательный табак) (Schpak-Dolt 2016, 98–101).

Реже встречаются ряды омонимов с именами собственными немецкого происхождения (*der / die Jade* (жад, нефрит) vs. *die Jade* (река Яде, приток Северного моря)), а также случаи омонимии в результате повторного заимствования (*die Chanson* [ʃɑ̃sɔ̃] (жанровая эпическая песня; любовные куплеты, XV в.) vs. *das Chanson* [ʃɑ̃sɔ̃] (шансон, XVIII в.)).

В отличие от омофонов, произведённых исключительно из галльского морфемного материала (*die Levee* [lə've:] (набор рекрутов) vs. *das Lever* [lə've:] (утренний приём у знатных особ)), омография представлена лексемами гетерогенного происхождения, заимствованными из различных ЯИ (при посредничестве французского языка) и примыкающими, тем самым, к гетеронимии (см. далее), например: *das Komplet* (фр.: комплектный женский костюм) vs. *die Komplet* (лат.: повечерие, вечерная молитва духовных лиц).

У имён существительных с экзотическими финалями, склоняющимися по первому (сильному) и пятому типам, встречается омография форм единственного и множественного чисел (*das Regime* [re'zi:m] – Pl. *Regime* [re'zi:mə]); у имён существительных мужского и среднего родов, склоняющихся по пятому типу, распространена омофония форм именительного и родительного падежей единственного числа (*das Hors d'œuvre* [ɔʁ'dœ:vʁ(ə)], *des Hors d'œuvres* [-vr]); в особенности это симптоматично для галльских имён существительных мужского и среднего родов с финалями на -s с тенденцией к имплицитному склонению, ср.: *das Entremets* [ãtrə'me:], *des Entremets* [-me:]; *der Travers* [tra've:ʁ], *des Travers* [-'ve:ʁ].

2. Паронимия. Существует множество интерпретаций данного типа парадигматических отношений как в зарубежной (в том числе германской), так и в отечественной лингвистике (Иванова 2015, 81). Наиболее близкой можно признать трактовку паронимии «в широком смысле» Е.А. Коневой: «Паронимами считаются одно- и разнокорневые созвучные слова, которые ошибочно употребляются в речи» (Ко-

нева 2016, 39). В силу такого подчёркнуто окказионального характера существования данного вида парадигматических связей ЛЕ ГП между собой и автохтонными лексемами СНЛЯ определить границы паронимии, а с тем и точное количество паронимов представляется затруднительным. В работе приводятся данные паронимических отношений, установленные эмпирически по семасиологической (формально-структурной) близости в ходе работы со словниками вторичных (лексикографических) справочников.

Важно отметить, что паронимия выполняет дифференцирующую (уточняющую) функцию, при которой иноязычное звучание заимствованных ЛЕ выступает залогом не только точности определения денотата, но и вообще их узнаваемости, ср.: *der Konduktor* (электрический проводник) vs. *der Kondukteur* [-'tø:ɐ] (кондуктор в общественном транспорте), *der Kontroller* (контроллер электродвигателя) vs. *der Kontrollleur* [-'lø:ɐ] (контролёр в общественном транспорте).

С.Е. Груенко отмечает, что на такого рода дифференциацию оказали влияние некоторые национальные особенности словообразования французского языка: так, например, французский суффикс *-teur* (*-eur*) сохраняется в немецком языке во многих словах, более того, средствами национального языка был образован суффикс *-tor*, ср.: суффикс *-teur* означает лиц, занимающихся соответствующей деятельностью: *Arrangeur*, *Coiffeur*, *Dekorateur*, в то время как слова с суффиксом *-tor* означают машины, механизмы: *Radiator*, *Kultivator* (Груенко 2014, 85).

Источником паронимии выступают также другие похожие звучащие суффиксы латинского и галльского происхождения, ср. суффиксы мужского рода *-ar* и *-är*: *der Legionar* (легионер, солдат легиона) vs. *der Legionär* (солдат Французского Иностранного легиона; легионер – игрок, выступающий за иностранную команду). Паронимическая оппозиция *der Missionar* (стандарт) vs. *der Missionär* (южнонем.) с идентичным планом содержания обнаруживает территориальные различия употребления.

Зачастую сложности дистрибуции объясняются экзотически звучащими заимствованными финалями галлицизмов, образованными в ЯР с целью полевой (*der Garçon* [gar'sɔ̃:] (официант; мальчик; подмастерье) vs. *die Garçonne* [gar'sɔ̃n] (незамужняя девушка, похожая на мальчика)) или ранговой дистрибуции (*die Madam* (хозяйка, сударыня) vs. *die Madame* [ma'dam] (мадам – обращение к женщине)).

Паронимические ряды могут включать ассимилированные и слабо-ассимилированные варианты галлицизмов первой и второй ступеней

ассимиляции (*die Praline* [pra'li:nə] (шоколад с начинкой) vs. *das Praliné / Pralinee* (пралине: конфетная масса из обжаренных орехов)).

В паронимических отношениях участвуют также псевдогаллицизмы (второй элемент оппозиции), к примеру: *das Falliment* (неплатёжеспособность) vs. *das Fallissement* (банкротство).

Некоторые паронимические ряды, несмотря на различия в морфологическом облике, происходят из одного ЯИ, ср. паронимы прагерманского происхождения: *der Trupp* (взвод, отряд, команда бойцов) vs. *die Truppe* ['trupə] (воинская часть; подразделение; труппа бродячих артистов).

Эквиполентные оппозиции (с отношениями семантического пересечения (Рублёва 2004, 70–71)) существуют, как правило, при наличии нескольких ЯИ общего генетического сегмента ГП, например: *das / die Nocturne* [nok'tʏrn] (ноктюрн; всенощная) vs. *das Notturmo* (ноктюрн).

Всего в исследуемом корпусе актуализировано 52 ЛЕ, образующие двучленные паронимические ряды (*der Franc* [frã:] (французский, бельгийский и люксембургский франк) vs. *der Franken* (швейцарский франк)), и 6 паронимов в составе трёхчленных паронимических оппозиций (*travers* (в поперечную полосу) vs. *der Travers* [tra've:ɐ] (траверз) vs. *die Traverse* (поперечная подвесная балка; дамба; траверса; уход в сторону от удара или укола в фехтовании)). Доля паронимов составляет 1,52% от общего лексического состава ГП в системе СНЛЯ.

3. Гетеронимия. Термин «гетеронимия» понимается в лингвистической литературе неоднозначно. Особенно заметна разница в его использовании в германской и отечественной традициях языкознания. В толковом словаре «*Duden Universalwörterbuch*» (2015) он употребляется для обозначения, во-первых, использования разных корней для семантически родственных понятий (*Bruder – Schwester*) и, во-вторых, как синоним диглоссной или территориальной синонимии (*Vetter – Cousin*) (DUW 2015).

В отечественной литературе гетеронимия трактуется зачастую в общем контексте с омонимией. Гетеролингвальные омонимы представляют собой парадигматические ряды ЛЕ со схожей графической, но различной звуковой оболочкой (Ахманова 2004, 98). Гетеролингвальная омонимия, или гетеронимия, восходит к так называемой полиглоссичности (ресурсной гетерогенности) немецкого литературного идиома как экспликации ряда волн влияний в его историческом развитии (Кобенко 2014, 111).

На наш взгляд, гетеронимия выступает промежуточным звеном между омонимией и синонимией и отражает динамику развития заимствований от звуковых (формально-структурных) до содержательных

различий. К тому же не существует непреодолимой границы между гетеронимией и паронимией – особенно если последняя манифестирована заимствованными ЛЕ – ввиду различных практик деления графически схожих основ в ЯД и ЯР и проистекающих отсюда узуальных способов их озвучивания.

В работах ряда зарубежных и отечественных германистов, исследующих данное явление, гетеролингвальные ряды классифицируются по семантическому критерию (Schildt 1969, 355; Zöfgen 1976, 438; Жукова 2006, 64), что объясняется общим этимологом гетеролингвальных омонимов.

Основой выделения гетеронимов выступает общая или в основных чертах совпадающая графика при различном звуковом облике заимствованных ЛЕ. Различный способ прочтения гетеролингвальных рядов является манифестацией соотнесения их элементов с соответствующими ЯД, ЯП и / или ЯИ. Помимо этого, каждый ЯИ вносит в семантику гетеронимических единиц свой собственный колорит, ср.: *der Salon* [sa'lɔː, sa'lɔŋ u sa'lo:n] (фр., итал.: салон, гостиная; кают-компания) vs. *der Saloon* [sə'lu:n] (англ.: салун, трактир).

Отличие гетеронимов от феноменов переозвучивания (см. об этом подробнее в пп. 3.1.1) заключается в том, что последние представляют собой варианты одних и тех же ЛЕ (сохраняют тождество слова), в то время как гетеронимы являются разными словами с несовпадающей языковой генетикой.

Гетеронимия в составе ГП актуализирована девятью парами ЛЕ преимущественно с генетической оппозицией образца «галло-латинский vs. английский», к примеру: *das Grain* [grɛː] (фр., лат.: грейн – шёлковая ткань двухуточного репсового переплетения) vs. *der Grain* [grein] (англ.: гран – старинная мера веса), *der Point* [pɔ̃tː] (фр.: взятка, хваль в карточных играх) vs. *der Point* ['point] (англ.: пункт в котировках акций).

4. Синонимия представляет собой наиболее распространённый тип парадигматических отношений как заимствованных галльских лексем между собой, так и с автохтонными ЛЕ словарного состава СНЛЯ (65,15%). Согласно определению М.Д. Степановой и И.И. Чернышёвой, синонимами обозначаются ЛЕ с одиноковым или похожим содержанием (Степанова, Чернышёва 2003, 24). В качестве внешних источников синонимии И.Г. Ольшанский и А.Е. Гусева указывают заимствование иноязычной лексики, а также пуристические устремления отдельных нормализаторских сообществ и общественных деятелей (Ольшанский, Гусева 2005, 60).

Активная синонимизация словарного состава немецкого литературного языка началась в период третьей волны заимствования галлизмов (XVII–XVIII вв.) и известна как «франко-немецкое двуязычие» (*französisch-deutsche Zweissprachigkeit*) (Polenz 2009, 101), а также с учётом латинского фундамента галлизации – как «многоязычие» (*Viel-sprachigkeit*) (Kratz 1968, 447; Henne 1985, 19). У. Хельфрих обозначает галло-немецкую диглоссию эпохи *Alamodezeit* метафорой «языковая галантерея» (Helfrich 1990, 79) ввиду подчеркнуто светского характера галлизации третьего периода (Груенко 2011, 312).

Традиционно выделяются два типа диглоссии (термин Ч. Фергюсона (Ferguson 1959, 325)): ситуативная и стилистическая (Виноградов 1990, 617). «При стилистической диглоссии наиболее успешным представляется направление поиска от стилистических целей к средствам их выражения (разным видам заимствований), так как заимствования имеют очень широкий диапазон применения в стилистических целях: как средство создания локального и временного колорита, в целях юмора и сатиры, в качестве эфвемизмов, как средство языкового варьирования» (Клюева 2015, 169). Л.М. Рыбакова указывает, что «функционально-стилистические различия у синонимичных немецких и заимствованных слов проявляются ярче, чем семантические, причём дополнительные коннотации чаще бывают присущи заимствованиям» (цит. по: Клюева 2015, 168–169). Заимствования из французского языка эпохи абсолютизма использовались преимущественно как источник эфвемизации (Порохницкая 2010, 113–119), ср. пару синонимов *der Poseur* – *der Blender*, где в сравнении с автохтонным (вторым) элементом галльское заимствование имеет «смягчающую» семантику.

Ю.В. Кобенко уточняет, что диглоссия является следствием интенсивного иноязычного влияния и причиной многоязычности идиома немецкого литературного языка (Кобенко 2014, 259). Так, пуристический реакционизм, наблюдавшийся в немецком обществе с XVII в. (см. об этом подробнее в пп. 1.1.3), привёл к образованию «исторических вариантов», в определении Э. Бернера, с функционально-стилистическими различиями образца «престижный vs. обличительный» (Bernier 2009, 21), ср. синонимы *der Franzose* (нейтр.) vs. *der Franzmann* (пренебр.). Принудительная очистка (*Säuberung*) немецкого литературного языка эпохи *Alamodezeit* как реакция на его «офранцузивание» (*Französisierung*) отразилась и на словообразовательных возможностях ЯР: наряду с появлением многочисленных случаев колебаний морфологических парадигм, известных как «историческая вариантность» (*historische Varianz*) (*Pl. Balkons* vs. *Balkone*) (Sayatz

2009, 65–82), источником синонимизации выступают конфиксы греко-латинского происхождения, ставшие впоследствии интернациональными (Графкова 2011, 124). Борьба с галлизацией средствами калькирования привела к ещё бóльшей синонимизации и преобладанию в СНЛЯ синонимических рядов типа «полукалька / калька vs. автохтонный эквивалент» (*die Camouflage – Tarnkleidung, der Maskaron – der Fratzenkopf*) (Вахницкая 2012, 66).

К синонимизирующим суффиксам можно отнести пары *-ier* vs. *-er* (*der Bankier* vs. *der Banker*, ср. также поздний англо-американизм *der Bankster* как продукт контаминации лексем «*banker*» и «*gangster*»), *-tion* vs. *-ierung* (*die Personifikation* vs. *die Personifizierung*), *-eur* vs. *-ierer* (*der Dekateur* vs. *der Dekatierer*, см. об этом подробнее в пп. 3.1.2). Синонимию латино-галльского образца имён прилагательных с противопоставлением суффиксов *-al* vs. *-ell* (*irrational* (лат.) – *irrationell* (фр.)) рассматривается в данной работе как морфологическая вариантность (см. пп. 3.1.2).

В качестве фактора синонимизации выступает тавтологическая конкретизирующая синонимия, получаемая путём добавления родового признака (*genus proximum*) и способствующая гибридизации галльских ЛЕ, ср.: *die Fritüre / Frittüre – das Fritürefett* (фритюрный жир), *der Parasol – der Parasolpilz* (зонтичный гриб), *der Parmesan – der Parmesankäse* (сыр «Пармезан»). Добавление родового признака может, однако, служить целям уточнения, что в особенности характерно для галлицизмов с низкочастотной дистрибуцией, ср.: *die Rivalität – der Rivalitätskampf, der Paletot – der Paletot-Mantel*.

В слове *das Rentier* (*Ren+Tier*), которое также образует омографическую связь с галлицизмом *der Rentier* [ren'tie:], данный вид синонимии привёл к стиранию морфемной границы (вероятно, в силу хорошей фонетической сочетаемости фонем «*n*» и «*t*») и синхронно вытесняет ЛЕ *das Ren*.

В табл. 14 приведена статистика синонимизации ЛЕ ГП в системе СНЛЯ. Преобладающая галло-немецкая диглоссия выражена 310 парами синонимов и охватывает 8,13% лексического наполнения ГП. Совпадение грамматического рода галльских и автохтонных семантических соответствий объясняется действием принципа аналогии, ср.: *die Gesellschaft → die Hautevolee – die Highsociety*.

В составе синонимических рядов присутствуют устойчивые предложные группы, полученные методом калькирования заимствованных галльских прототипов (*à la longue – über kurz oder lang*), а также устойчивые сочетания (*die Idée fixe – die fixe Idee*).

Синонимические ряды ЛЕ ГП в системе СНЛЯ

Тип синонимических рядов	Количество ЛЕ в корпусе	Процент от общего количества ЛЕ ГП	Примеры
Галло-немецкая синонимия (диглоссия)			
Двучленные	310	8,13	<i>der Ennui – die Langeweile</i>
Трёхчленные	44	1,15	<i>der Cidre – der Zider – der Apfelschaumwein</i>
Четырёхчленные	16	0,41	<i>der Merlan – der Weißling – der Wütling – der Gadden</i>
Многочленные	13	0,34	<i>die Reineclode / die Reneclode / die Reneklode – die Ringlotte – die Ringelotte / das Ringlo – die Echte Edelpflaume – die Edel-Rund-Pflaume</i>
Галло-галльская синонимия			
Двучленные	6	0,15	<i>sans cérémonie – sans façon</i>
Итого	389	10,20	

В статистике не отражены случаи описательной синонимии в силу её идеографического характера, ср.: *der / das Paravent – die spanische Wand*.

Антонимические отношения ЛЕ ГП между собой и с автохтонными лексемами СНЛЯ подчиняются общим закономерностям парадигматических связей в лексической системе указанного языка. Это касается всех разновидностей антонимии, выделяемых лексикологами: семантических (*die Bande vs. die Bande*) и формальных (*das Florett vs. das Rapier*) дизъюнктивных оппозиций (Рублёва 2004, 71), а также полной (*totalitär vs. liberal*), частичной (*marode vs. amoral*), контрадикторной (*die Arrièregarde vs. die Avantgarde*), комплементарной (*der Comte vs. die Comtesse*) и контрарной (*das Engagement vs. das Disengagement*) антонимии (Ольшанский, Гусева 2005, 65–66).

Таким образом, в выявленных парадигматических оппозициях синхронно состоят 597 галлицизмов, что составляет 15,65% лексического наполнения ГП в системе СНЛЯ. Безусловно, количество представленных парадигматических рядов не является конечным. Динамика исторического развития системы СНЛЯ, включая такие его составляющие, как ГП, обуславливает вариативность текущего набора парадигматических особенностей исследуемого лексического пласта, что

также доказывает незавершённость галлизации немецкого литературного языка.

Выводы по второй главе

1. Корпус заимствованной лексики галльского происхождения составлен в соответствии с таким принципом идеографии, как системность, предполагающим разностороннее и многоуровневое отражение структурно-системных и функционально-динамических свойств заимствованных ЛЕ ГП в системе СНЛЯ. Лемматические статьи галльского корпуса построены по родовидовому принципу, содержат немецко- и русскоязычную части и снабжены транскрипционными, грамматическими, типологическими, ономаσιологическими, стилистическими, этимологическими, словообразовательными и темпоральными пометами.

2. Совмещение ступеней ассимиляции с элементами бинарной оппозиции А.А. Реформатского «усвоенность vs. освоённость» и категориальной антиномии «своё vs. чужое» способствует не только систематизации представлений об ассимиляции ЛЕ заимствованных пластов в составе современных литературных языков, но и – применительно к ГП в системе СНЛЯ – определению степени его интеграции в систему ЯР. Индекс ассимиляции совокупности заимствованных лексем галльского происхождения в СНЛЯ определён путём выделения из корпуса усвоенных галлицизмов, способных синхронно образовывать композиты, в том числе гибридного типа, и составляет 53,43% (1 981 из 3 813 ЛЕ), что соответствует средней степени ассимиляции. Наиболее продуктивными буквами немецкого алфавита, подверженными галлизации, в заимствованном ГП выступают W (100%) и K (69,46%), наименее продуктивными – H (22,03%), I (31,13%), C (31,55%) и D (31,50%).

3. Синхронно в литературной немецкой речи существуют два способа передачи иноязычных звуков в немецком литературном языке: имитация, при которой пользователи ЯР стараются передать аутентичное звучание галльских фонем, и адаптация, для которой характерно уподобление иноязычных звуков уже существующим фонемам в немецком фонетическом регистре. Исследователями отмечается преобладание имитативных способов озвучивания галльских лексем в СНЛЯ, касающихся в основном озвучивания сложнопроизносимых лексем с преимущественно галльским обликом. Наряду с имитативными способами прочтения заимствованных галльских ЛЕ выделен ряд адаптивных (интегативных) тенденций фонетической ассимиля-

ции галлицизмов в немецком литературном языке: качественные и количественные изменения галльских фонем. Качественные изменения фонетического облика галлицизмов связаны с тенденцией к экономии речевых усилий, количественные способы фонетической ассимиляции ЛЕ ГП касаются изменения фонетического состава звуковой оболочки галлицизмов. Для акцентно-ритмической организации звучания галльских ЛЕ в немецкой литературной речи характерно исконное немецкое ударение

4. При адаптации французских имён существительных в системе немецкого литературного языка решающее значение имеют формальные признаки – интернациональные финалы. Слабоассимилированные имена существительные галльского происхождения с экзотическими финалами относятся к новому (пятому) типу склонения с флексией *-s* в падежных формах множественного числа. У имён существительных мужского и среднего родов можно наблюдать случаи имплицитного склонения, предполагающие оmissию генитивной флексии *-s* в родительном падеже единственного числа. В результате галлизации расширилась аффиксальная база системы немецкого литературного языка за счёт интеграции 25 суффиксальных и 3 префиксальных морфем. Продуктивность заимствованных суффиксов галльского происхождения в составе СНЛЯ синхронно составляет 48%, префиксов – 33,33%. Все заимствованные галльские глаголы относятся к слабому типу спряжения в СНЛЯ, большинство содержит суффикс *-ier*. Заимствованные имена прилагательные галльского происхождения обнаруживают те же категориальные признаки, что и автохтонные адъективы, включая адъективированные причастия адноминального типа. Неустойчивые морфологические признаки наблюдаются у заимствованных галлицизмов в категории рода, множественного числа и парадигмы склонения (генитивной флексии).

5. В результате письменной фиксации галльских заимствований в немецкой литературной письменной речи орфографический инвентарь немецкого литературного языка пополнился новыми графическими и диакритическими символами. Синхронно можно наблюдать упрощение графики большинства заимствованных галлицизмов как следствие действия тенденции к онемечиванию.

6. Заимствование галлицизмов в немецкий литературный язык способствует повышению его гибридности, которая понимается, с одной стороны, как результат ассимиляции галльских заимствований в системе немецкого литературного языка, с другой стороны, как ингерентное свойство заимствованных ЛЕ, для которых французский вы-

ступил ЯП. Гибридизация заимствованных ЛЕ галльского происхождения в СНЛЯ является тенденцией преимущественно словообразовательного характера и частным случаем языкового смешения.

7. Построение синхронной типологии заимствованной галльской лексики в СНЛЯ опирается на следующие критерии: по лексико-семантическому признаку, по способу ассимиляции и заимствования единицы, по способу деривации и композиции. Согласно лексико-семантическому признаку все единицы галльского происхождения в СНЛЯ подразделяются на лексические и семантические заимствования (кальки). В корпусе выделено 68 калькированных единиц, составляющих 1,78% лексического наполнения ГП в системе СНЛЯ. По способу деривации франкоязычная лексика в составе СНЛЯ распадается на две большие группы: априорные и апостериорные образования. Апостериорные дериваты образованы на основе заимствованного языкового материала галльского происхождения в системе немецкого литературного языка и представлены 94 псевдогаллицизмами (2,46% корпуса). В типологии наблюдается перевес типов, выделенных на основе критерия «по способу и степени ассимиляции», что свидетельствует о продолжающейся ассимиляции галльского наследия в системе СНЛЯ.

8. Около 80% онимных основ в составе ГП в системе СНЛЯ произведены от имён собственных французского (романского) происхождения. Ономастический сегмент галльской лексики представлен в количестве 96 ЛЕ, что составляет 2,51% наполнения заимствованного ГП в системе СНЛЯ. Согласно частеречной принадлежности сегмент образуют 94 имени существительных, 1 глагол и 1 имя прилагательное. Выделено 12 групп ономастических единиц, среди которых преобладают культуронимы (21,87%), гастронимы (17,7%), эпонимы (13,54%) и фитонимы (10,41%). Ономастический сегмент заимствованной галльской лексики в СНЛЯ несёт отпечаток ономастического пространства французской культуры и сохраняет приуроченность к функционально-стилистически дифференцированному составу немецкого лексического фонда.

9. В парадигматических оппозициях синхронно состоят 599 галлицизмов, что составляет 15,7% лексического наполнения ГП в системе СНЛЯ. Синонимы 389 ЛЕ (10,20%) и омонимы 134 ЛЕ (3,51%) образуют наиболее устойчивые парадигматические ряды. Галло-немецкая синонимия в СНЛЯ порождена инвазивным характером заимствования в третий период галлизации (эпоху абсолютизма) и пуристическими веяниями в немецком обществе XVIII в. Функционально-стилистические различия заимствованных галлицизмов и их зачастую искус-

ственно созданных автохтонных соответствий привели к галло-немецкой стилистической диглоссии, выраженной синхронно 155 (310 ЛЕ, 8,13%) двучленными и 22 (44 ЛЕ, 1,15%) семантическими рядами. Среди омонимов преобладают омонимические ряды ЛЕ ГП (70 ЛЕ, 1,83%), а также галлицизмов с автохтонными ЛЕ (32, 0,83%). Зафиксировано 52 ЛЕ, образующие двучленные паронимические ряды, и 6 паронимов в составе трёхчленных паронимических. Доля паронимов составляет 1,52% от общего лексического состава ГП в системе СНЛЯ. Отношения гетеронимии в составе ГП актуализированы девятью парами ЛЕ преимущественно с генетической оппозицией образца «галло-латинский vs. английский».

Глава 3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-ДИНАМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГАЛЛЬСКОЙ ЛЕКСИКИ В НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕЧИ

3.1. Синхронная вариантность галлицизмов

Релевантным для настоящего исследования представляется **нормативный** аспект функционирования галльских заимствований в немецкой литературной речи в силу его значимости не только для перцептивной и сигнификативной функций языковых знаков (Реформатский 1996, 97), но и для кодификации, предполагающей решение вопросов лексикографической интерпретации заимствованных ЛЕ галльского происхождения, формирования орфографических норм, разрушения / создания вариантности (в период ассимиляции) и т.д.

Будучи основным признаком литературного языка, норма как раз и является тем объединяющим и цементирующим звеном в сложной структуре литературного языка, которое придаёт ему характер упорядоченности, избирательности и общеобязательности (Горбачевич 2009, 36). В отличие от тенденций, которые могут носить диахронический характер (Граун 1993, 93), норма с такой её особенностью, как вариантность, всегда выступает признаком отдельного синхронического отрезка в канве исторического развития литературного языка (ср.: Москальская 1959, 15–20).

Синхронная вариантность является наиболее выпуклой функционально-динамической особенностью дистрибуции заимствованных ЛЕ галльского происхождения в немецкой литературной речи. В современной лингвистике принято дифференцировать термины «вариантность», «вариативность» и «варьирование». Вариантные звенья совокупно образуют вариативность целой системы языка, поэтому термины «вариантность» и «вариативность» целесообразно соотносить как частное (единицы) и общее (система). Варьирование, наоборот, выступает «сквозным» гиперонимическим термином, характеризующим двойственность природы изучаемых единиц.

Интенсивные языковые контакты между ЯД и ЯР обуславливают появление вариантности заимствованных иноязычных и автохтонных ЛЕ, которую А.А. Парфиненко предлагает обозначать «контактной» (Парфиненко 2016, 96). Как отмечает Е.М. Лазебная, на начальной

стадии она вызвана недостаточностью контекстов, однозначно актуализирующих значение новозаимствования, и может привести к закреплению в ЯР искажённого значения слова; на последующих стадиях она связана с процессом ассимиляции слова в ЯР и его семантическим развитием и может привести к появлению у заимствованной ЛЕ новых значений (Лабезная 1997, 226).

Если причиной появления лексико-семантических вариантов вслед за Л.П. Якубинским считается нарушение языкового автоматизма: один знак – одно значение (Якубинский 1986, 31), то возникновение контактных вариантов образца «галльский vs. немецкий» в немецком литературном языке обусловлено действием языковой конвергенции (сближением) и нарушением единства «один язык – одно языковое пространство» (Кобенко 2014, 80), которое связано, по мнению О.О. Борискиной, с поиском новых языковых обозначений за пределами системы собственного языка, что укрепляет межязыковой параллелизм способов языковой категоризации мира как систематизации вербализованного человеческого опыта (Борискина 2002, 406).

Ю.В. Кобенко выделяет две разновидности контактной вариантности: *конвергентную* и *алломорфную*; конвергентные варианты являются формальными вариантами слов (*promesse – die Promesse*), а алломорфные – семантическими (*mésalliance – das Missbündnis*) (Кобенко 2014, 120).

Для синхронной *алломорфной вариантности*, обозначаемой Т. Шиппан «диастратической гетеронимией» (*diastatische Heteronymie*) (Schippan 1992, 13), характерна семантическая неустойчивость, выступающая залогом сосуществования единиц разного происхождения с совпадающей семантикой в речи носителей ЯР. Синхронная *конвергентная вариантность* отличается неустойчивостью формальных признаков (орфографических, орфоэпических и грамматических норм).

Помимо этого, Д. Герберг отмечает, что устойчивой характеристикой гетеролингвальных вариантов выступают колебания функционально-стилистического номинала (Herberg 2002, 197), подтверждающие наш вывод о синхронной галло-немецкой диглоссии (см. об этом подробнее в п. 2.6), ср. определение стилистической диглоссии Ф. Векслера: «Диглоссия есть употребление средств двух языков в одних и тех же целях, но с разными функциями, т.е. двуязычие в различных слоях языка» (Wexler 1971, 330).

Безусловно, параллельное существование идеографически схожих ЛЕ приводит к колебаниям литературных норм и кодификационных

процессов, характеризующихся в истории немецкого литературного языка крайней неравномерностью (Семенов 1996, 40–44). В результате нормативных колебаний между отдельными заимствованными и автохтонными ЛЕ устанавливаются отношения одинаковой предметно-понятийной и предметно-номинативной отнесенности, которые проявляются синхронно в функциональной эквивалентности конкурирующих диглоссических единиц и позволяют выявить парадигматические связи от смысловой близости и пересечения их лексических значений (*die Kaskade – der Wasserfall*) до семантического тождества (*das Reptil – das Kriechtier*).

Тем не менее ЛЕ, образующие гетеролингвальные варианты в СНЛЯ, имеют достаточно легко выявляемые семантические различия, ср. пару контактных вариантов *desarmieren* vs. *entwaffnen*, в которой галльский синоним функционирует в качестве гипонима в контекстах военной, спортивной и технической тематики, а автохтонный второй имеет гиперонимическое значение (*einen Einbrecher, jemandes Groll entwaffnen*), например:

*Mit einem Aufwandkredit müssen die Militärimmobilien **desarmiert** und entsorgt werden* (LW 2017).

*Ihr kindlicher Charme wirkte **entwaffnend*** (Hermann 2011, 68).

Инклюзивность гиперо-гипонимических отношений на различных уровнях абстракции (Ольшанский, Гусева 2005, 52) способствует в конечном итоге расширению лексической системы ЯР (Кобенко 2017, 20).

Несмотря на очевидный лексический генез галло-немецкой диглоссии, контактные варианты образца «галльский vs. немецкий» обнаруживают уровневую стратификацию в системе СНЛЯ. Таким образом, вслед за А.Н. Руссу в данной работе выделяются три базовых разновидности видоизменения формальной стороны заимствованных галлицизмов в пределах семантического и морфологического тождества слова: 1) фонетическая, 2) морфологическая, 3) орфографическая (Руссу 2014, 64–68).

3.1.1. Фонетическая вариантность галлицизмов

Объектом наблюдения в данном параграфе служат формальные варианты галлицизмов, синхронно фиксируемые ведущими лексикографическими справочниками немецкого языка (*Duden, Wahrig, Langenscheidt, Brockhaus*). Отражение вариантных форм заимствованных единиц в лексикографических справочниках имеет ряд причин, среди которых следует назвать «ведущую кодификационную концепцию сло-

варя, адресованность эрфозпических указаний и развитие принципов функционального подхода к лексикографированию слов иноязычного происхождения в СНЛЯ, который предполагает оценку фонетических явлений не в отдельно произнесённом слове, а в связном контексте и конкретной ситуации общения» (Колесникова 1987, 65–74).

Фонетическая вариативность вызвана наложением двух или более эрфозпических систем в результате языкового контакта, а также создаваемым эффектом чужого, обозначаемым «иноязычным акцентом». Создание эффекта чужого может служить различным целям, однако наиболее частой выступает самоидентификация говорящего с ЯД (например, с целью выделиться на фоне окружающих или соответствия действующему культурному стереотипу). По мнению Г.М. Вишневской, ведущую роль в формировании фонетических вариантов играет произносительная сторона речевой коммуникации (в частности, акустические параметры голосового тона, темпа говорения, тембра, фонетической окрашенности речи) (Вишневская 1997, 165).

Как отмечает Э.Б. Яковлева, процесс становления, общественного признания и распространения немецкого языка с XVIII в. сопровождался стремлением к его унификации и защите, которые поддерживались выдающимися личностями, различными социальными группами и учреждениями; данные стремления, направленные на выравнивание различий, сначала касались письменной речи, а затем постепенно были обращены и на устную. Не последнюю роль при этом играл вопрос о соотношении обоих способов реализации речи. После многочисленных предварительных обсуждений пришли к соглашению взять за основу произносительной нормы относительно единую норму письменного языка, зафиксированную в письменных источниках (Яковлева 2012, 83). Ориентировка на фонетические нормы эпохи *Alamodezeit* с её выраженной галло-немецкой диглоссией, а также исторически обусловленная дисперсия немецкого языка с его многочисленными территориальными вариантами заложили вариантность в основу концепции немецкого нормотворчества.

Существенную роль в генезе описываемого явления играют различия в фонетических системах французского и немецкого языков, которые, как отмечает П. фон Поленц, не имеют никакого значения для морфологической интеграции заимствованного материала (Polenz 2009, 136), однако порождают контексты различной лояльности к ЯД, а с ними и эрфозпические разночтения (Халевина 2009, 197). Примечательно, что лингвоэкологическая составляющая немецкой литературной речи сегодня не только определяет природу эрфозпических

норм, о чём с сожалением пишет Л. Гётце (Götze 2003, 132), но и служит критерием разрешения сложившихся генетических оппозиций образца «галльский vs. немецкий», «англо-американский vs. немецкий» и даже «англо-американский vs. галльский».

Существуют практики классификации фонетических явлений соотносительно семиотической самостоятельности на сегментные (линейные) и суперсегментные (надлинейные, просодические) (Nübling 2010, 4), а также по соотносительности фонетического явления с литературными нормами ЯР на фонематические и собственно фонетические (Schmidt 2004, 179). В данной работе авторы придерживаются тех же диалектических принципов, использовавшихся при составлении типологии ЛЕ ГП в системе СНЛЯ (см. об этом подробнее в п. 2.4).

Типология фонетической вариантности галльских заимствований в системе СНЛЯ представлена следующими группами явлений: акцентной (позиционной), качественной, количественной, системной, функционально-генетической вариантностью.

А. Акцентная вариантность связана со смещением звукового центра (ударения) слова и проявляется в следующих типах варьирования.

1. Позиционная вариантность, восходящей к эмфатическому смещению акцентной позиции в инициальную часть галлицизма, ср.: *der Mignon* [m'i'njō: u 'minjō], *der Feuilleton* [føjə'tō: u 'føjətō], *das Potpourri* ['pɔtɔpɪ u '-ri:]. Как отмечает В. Шмидт, данная тенденция характерна для многосложных слов иноязычного происхождения с немотивированной основой, произнося которые немецкие современники чаще используют типичное для германских языков анафорическое акцентирование во избежание двусмысленности (Schmidt 2004, 179). И.В. Лобанова предлагает обозначать такие варианты ряды «словарно-несловарными», в которых передвижение акцентных позиций вызвано особенностями иноязычного словообразования и распространением фонетической свободы в эпоху *Alamodezeit* (Лобанова 2010, 128).

2. Функционально-дифференцированная акцентная вариантность выражена двумя типами оппозиций: *функционально-стилистической* с противопоставлениями образца «нейтрально-разговорное vs. высокое, устаревшее» (*die Mama* ['ma:ma и *высок., устар.* ma'ma:], *der Papa* ['pa:pa и *высок., устар.* pa'pa:]) и *частотной* (*die Equipage* [ekvi'pa:zə и *реже* eki-]).

Последний пример демонстрирует смежное явление, частично примыкающее к последующей группе фонетических вариантов галльского происхождения, синхронно функционирующих в немецкой литературной речи.

Б. Качественная вариантность связана с колебанием качества отдельных звуков фонетического облика галльских заимствований в результате их воспроизведения в соответствии с произносительными нормами литературного немецкого языка, в силу чего явления, конституирующие данную группу, во многом соотносятся с функционально-генетической вариантностью (группой Д).

1. Оглушение финали в соответствии с немецкой прогрессивной ассимиляцией, ср.: *die / der Serge* [zɛʃ u sɛʒ].

2. Вариантность звонкого и глухого прочтения фонемы [s] в инициальной позиции, например: *das Soufflé / Soufflee* [zu'fle: и su-], *das Souper* [zu'pe: и su-].

3. Вариантность билабиальных пловиков [p] и [b] в инициальной и средней позиции галлицизмов, восходящая к диалектным особенностям немецкого произношения и частично сохранившаяся в южных регионах Германии, к примеру: *die Prünelle / Brünelle, die Butike / Budike*.

4. Вариация качества гласных в пределах оппозиций «закрытая [e] vs. открытая [ɛ]», «закрытая [e] vs. редуцированная [ə]», ср.: *das / der Revers* [re've:ɐ, re'vɛ:ɐ, rə've:ɐ и rə'vɛ:ɐ], *das Faible* [fɛ:bl и fe:bl(ə)], *leger* [le'zɛ:ɐ и le'zɛ:ɐ].

5. Варьирование долготы в интернациональных суффиксах *-it* и *-ik* с условно закрытыми слогами, например: *der Kredit* ['-di:t и '-dit], *die Kritik* ['-ti:k u '-tik].

6. Вариация де/назализированного произнесения гласных перед фонемами [m] и [n] в финалях и в середине слова, ср.: *die Ronde* ['rɔndə и 'rɔdə], *der Pardon* [pa'rɔ̃: и pa'rɔ:ɔn], *der Pompon* [pɔ̃'pɔ̃: и pɔm'pɔ̃:]. Перед фонемой [n] возможна деназализация путём финализации слога назализированной [ŋ], например: *der / das Lampion* [lam'pɔ̃ŋ, lam'pɔ̃:̃: и lam'pɔ̃:ɔn]. В сочетаниях фонемы [e] с сонорными альвеолярными [n] и [m] возможно расподобление звука [e] до назализированного [ã], ср.: *die Pension* [pã'zi:ɔn, pã'si:ɔn, pã'ŋzi:ɔn и pɛn'zi:ɔn], *das Emblem* [ɛm'ble:m и ã'ble:m]. В латинском суффиксе *-ment* расподобление заменяет всю финаль, при этом, как правило, действуют оба варианта прочтения – латинизированный и галлизированный, например: *das Detachement* [detaʃã'mã и detaʃã'mɛnt]. Похожее правило действует и для галльского дифтонга *-ai-* в различных позиционных вариациях, ср.: *der Train* [trɛ:, trɛ:n и tre:n].

7. Вариантность прочтения фонемы [s] перед звуками [t] и [p], выступающая маркером генетической принадлежности слова, ср.: *steril* [ʃt- и st-]. Данный тип вариантности существует со средневерхне-

немецкого периода, в котором развилась позиционная лабиальная сибиляция с [ʃ] перед звуками [p] и [t] (Duden Die Grammatik 2009). Орфоэпические колебания приводятся лексикографическими справочниками, как уже отмечалось ранее, с целью облегчения прочтения заимствованных единиц, о степени освоенности которых рядовым пользователям, как правило, ничего не известно.

8. Дессимиляция [u] в превокальной позиции до неслоговой или лабиодентальной смычной [v], ср.: *die Devaluation* [devalūa'ts jø:n] / *Devalvation* [devalva'tsjo:n]. Прочтение вторым способом известно также как явление релатинизации и может быть отнесено в группу функционально-генетической вариантности.

9. Типична для фонетической системы СНЛЯ вариативность использования увулярного дрожящего сонанта, нёбного фрикатива [r] и вокализированной [ʁ], расширивших, как отмечает С.Н. Халевина (Халевина 2011, 19), систему немецкого консонантизма в результате галлизации, например: *d'accord* [da'kɔ:г и -'kɔ:ʁ].

10. На стыке двух групп – качественной и количественной – существует вариантность, вызванная действием тенденции к смягчению звука [l] – мулированию (фр. *mouiller*), свойственному французскому языку. Колебание наблюдается преимущественно на стыке корня и суффикса с геминированной «l» в интервокальной позиции, например: *der Emailleur* [ema'(l)jø:ʁ], *das / der Brouillon* [bru(l)'jɔ̃], *die Kantille* [kan'ti(l)je:].

В. Вариантные явления количественной группы связаны с изменением количественного состава звукового комплекса симптоматических галлицизмов и эксплицируются в трёх типах явлений:

1) элизии редуцированной [ə] в суффиксе *-age* и в финалях на *-ente*, например: *die Enfleurance* [ãflœ'ra:з(ə)], *die Vagabundage* [vagabun'da:з(ə)], *die Entente* [ã'tã:t(ə)];

2) элизии глухого пловива [t] в финальной позиции, ср.: *das Portrait / Porträt* [por'tre: u por'trɛ:t], *das Dessert* [de'se:ʁ, de'se:ʁ u de'sert];

3) синкопе инициального назализированного слога *en-* [ã], например: *die Ensilage* [ãsi'la:зə] / *Silage* [zi'la:зə].

Г. Системная вариантность связана с разночтениями системных аналогий, к примеру, вспомогательных морфем, заимствованных из разных языков-доноров или в словах общей генетики (галлицизмах) с различной степенью ассимиляции. Показательным можно считать варьирование прочтения галльского суффикса *-ier* в лексических единицах *der Kanonier* [-'ni:ʁ] и *der Bankier* [-'kɛ:ʁ].

Д. Причиной функционально-генетической вариантности, или переозвучивания (нем. *Neulautung*) (Кобенко 2014, 81), выступают явления многократности (наличие нескольких языков-источников, влияние престижных языков и их смена). Переозвучивание характерно для интернационализмов, заимствованных в немецкий язык ранее главным образом из языков романской ветви. Функционально-генетические варианты отличаются от омонимов тождеством слова, что побуждает И.В. Лобанову обозначать такие единицы «квазиомонимами» (Лобанова 2010, 127).

Ввиду совпадения границ слогоделения и общего этимона данные единицы являются фонетическими вариантами одного и того же слова, эволюционировавшего в системах разных языков и оказавшегося в разных фонетических оболочках в составе современного немецкого языка. Синхронно такая вариантность носит характер диглоссии, т.е. англоязычные компоненты данных пар имеют отличную от ассимилировавших ранее единиц функционально-стилистическую закреплённость, к примеру, первый элемент пары вариантов *die Franchise* [frä'ʃi:zə] (фр.) и *das Franchise* ['fræntʃaiz] (англ.) является устаревающим. Однако не исключено развитие полисемии, например, на основе указанных стилистических особенностей (Кобенко 2014, 115).

Синхронно в СНЛЯ преобладает разновидность переозвучивания образца «галльский vs. англо-американский», обусловленная вытеснением из речевого обихода всего галльского престижными англо-американизмами. Заимствованные ранее латинские (романские) основы переозвучиваются на новый (англоязычный) лад зачастую посредством полной замены звукового облика единиц, ср. пары функционально-генетических вариантов: *das Budget* [by'dʒe:] и ['bʌdʒɪt], *der Entrepreneur* [ätrəpre'nø:v] и [entəpre'nø:v], *das Journal* [zur'na:l] и [dʒə:rnəl] (и по такой же аналогии *der Journalist*, *der Journalismus* и т.д.), *die / das Rallye* ['rali и 'rɛli], *der Sergeant* [zɛr'zant и sɛr'zä] и [sa:'dʒənt].

Англизация галлицизмов связана с лояльностью к ЯИ, т.е. языку, из которого единица была заимствована во французский. Так, слова, для которых английский выступает одним из ЯИ, в условиях американизации немецкого языка с 1945 г. читаются преимущественно по-английски, например: *die Jury* [zy'ʒi:] и ['dʒuəri] (англ., фр., лат.)

Безусловно, переозвучивание является поводом для семантического размежевания вариантов и разрушения омонимии, сопровождающихся в немецком языке, как правило, родовой спецификацией, например: *das Service* [sɛr'vi:s] (сервис, прибор) и *der / das Service* ['zø:ɐvɪs и 'sø:vis] (сервис, обслуживание), *die Franchise* [frä'ʃi:zə] и *das Franchise* ['fræntʃaiz].

Давление фонетических норм синхронно престижного международного английского создаёт у пользователей немецкого литературного языка иллюзию того, что для всех прежних заимствований, включая галлицизмы, с разной степенью ассимиляции действительно прочтение в соответствии с произносительными нормами престижного ЯД (английского металекта в ФРГ) (Кобенко 2014, 82).

Итак, в типологической палитре очевиден перевес вариантных явлений качественного типа, что свидетельствует, с одной стороны, о принципиальной незавершённости процессов фонетической ассимиляции ЛЕ ГП, а с другой стороны, об открытости языковой системы ЯР к релевантным для пользователей перестройкам. Наряду с содержательным компонентом звуковая оболочка слова традиционно выступает эволюционно наиболее подвижной стороной языкового знака, оставаясь при этом зачастую, как в случае галльских заимствований на фоне вынужденной (институциональной) ассимиляции (ср. написание: *das Resümé* – до официальной реформы немецкого правописания (до 1996 г.) и *das Resümee* – после окончательного вступления реформы (после 2006 г.)), т.е. фактически принудительной германизации, единственным маркером генетической принадлежности заимствованных галльских единиц в системе СНЛЯ.

3.1.2. Морфологическая вариантность галлицизмов

Морфологическая вариантность связана с колебанием грамматического контура заимствованных единиц галльского происхождения как следствие их ассимиляции в системе немецкого литературного языка (см. об этом также в пп. 2.2.2). А.Н. Руссу подразделяет морфологические варианты в СНЛЯ на словообразовательные и грамматические: условием идентификации первых является тождество морфемной структуры, вторых – тождество грамматического значения (Руссу 2014, 66). Применительно к ЛЕ ГП в системе СНЛЯ словообразовательная вариантность проявляется в следующих явлениях:

а) колебании дистрибуции соединительной морфемы «(e)n» после основ с финалями на -e: *das Marmelade(n)brot*, *der Schabotte(n)hammer*;

б) вариации основного (родового) компонента адъективных гибридных композитов, обозначающих цвета: *champagnerfarben* / *champagnerfarbig*;

в) редкой синонимии финалей заимствованных галльских композитов-экзотизмов: *das Laisser-aller* [lɛsɛ'a'le] / *Laisser-faire* [lɛsɛ'fɛ:r].

На стыке обоих типов, выделяемых А.Н. Руссу, находятся случаи упрощения галльского морфологического контура вследствие тенденции к германизации, ср.: *das Vingt-et-un* [vɛ̃tɛ'ø] / *Vingt-un* [vɛ̃'tø], *der Lambris* [lã'bri:] / *die Lambrie* / *Lamperie*.

Грамматическая вариантность актуализирована следующими типами морфологического варьирования: параллельными вхождениями, суффиксальными колебаниями, добавочной и позиционной вариантностью, родовой дублетностью, конвергентной вариантностью, морфологическим переразложением и вариантностью внутренней формы.

1. Устойчивой типологической разновидностью морфологических вариантов в контексте синхронной контактной вариативности А.А. Парфиненко видит так называемые *параллельные вхождения* из разных ЯИ, приводящие к формированию этимологической дублетности (Парфиненко 2016, 96), ср. морфологические (грамматические) варианты, сосуществующие в системе СНЛЯ с романскими (латинскими) и галльскими финалями: *die Predella* (лат., прагерм.) vs. *die Predelle* (фр., лат.) – предел, цоколь (готического) алтаря; *die Limetta* (итал., араб., перс.) vs. *die Limette* (фр., лат., араб., перс.) – лайм сладкий, лиметта.

2. *Суффиксальные варианты* ЛЕ галльского происхождения в системе СНЛЯ представлены дериватами с вариантными суффиксальными морфемами (*der Voltigeur* / *der Voltigierer*, *morbid* / *morbide*) в трёх грамматических классах ЛЕ: именах существительных, прилагательных и глаголах. У имён существительных галльского происхождения в системе СНЛЯ наблюдаются грамматического колебания по родовому признаку и в пределах одного рода. Устойчивые случаи колебания грамматического контура изучаемых ЛЕ по суффиксальному признаку приведены в табл. 15.

Синонимия галльских суффиксов *-al* и *-ell* вызывает наибольшие сложности дистрибуции и обнаруживает синхронно не только этимологические (*-al* (лат.) vs. *-ell* (фр.)) и функционально-стилистические (см. об этом также в п. 3.3), но и типологические различия (*-al* (интернационализм) vs. *-ell* (галлицизм)), ср.: *nominal* (лат.) vs. *nominell* (псевдогал.) – номинальный.

3. *Добавочная вариантность* распространяется главным образом на адъективные заимствованные основы (*timid* / *timide*) и в редких случаях на основы имён существительных (*die Prinzess* / *Prinzessin*). Примечательной в данном типе явлений является грамматическая вариант-

ность латинских суффиксов *-id / -ide*, *-od / -ode* и *-ad / -ade*. Данное явление во многом обусловлено фонетическими особенностями дистрибуции заимствованных галлицизмов, и в частности имитативными способами озвучивания галльских финалей, когда задачей добавочной фонемы «е» выступает сохранение звонкой [d] в финали слова, которая по правилам фонетики СНЛЯ оглушается (прогрессивная ассимиляция), ср.: *marod / marode*, *timid / timide*, *malad / malade*.

Таблица 15

Формальная вариантность суффиксальных морфем ЛЕ ГП

Сочетание суффиксов	Примеры
1. Суффиксы имён существительных	
а) колебания в пределах одного рода	
суффиксы имён существительных мужского рода	
-eur / -(ier)er	<i>der Ziseleur / Ziselierer</i>
-eur / ist	<i>der Drageur / Dragist</i>
-eur / -or	<i>der Valeur / Valor</i>
-ier / -mann	<i>der Privatier / Privatmann</i>
суффиксы имён существительных женского рода	
-anz / -tion	<i>die Devianz / Deviation</i>
-ade / -age	<i>die Poussade / Poussage</i>
-e / -tion	<i>die Akquise / Akquisition</i>
-euze / -erin	<i>die Masseuze / Masseurin</i>
-ur / -üre	<i>die Kannelur / Kannelüre</i>
б) родовые колебания	
-e / -chen	<i>die Maskotte / das Maskottchen</i>
-e / -el	<i>die Meringe / das Meringel</i>
-tät / -ismus	<i>die Servilität / der Servilismus</i>
2. Суффиксы имён прилагательных	
-al / -ell	<i>nominal / nominell</i>
-är / -ell	<i>temporär / temporell</i>
-är / -isch	<i>illusionär / illusorisch</i>
-är / -(at)iv	<i>imaginär / imaginativ</i>
-esk / -isch	<i>pikaresk / pikarisch</i>
3. Глагольные суффиксы	
-ier / -el	<i>bossieren / bosselieren / bosseln</i>
-ier / -isier	<i>dekartellieren / dekartellisieren</i>

Тем не менее синхронно можно зафиксировать дифференциацию содержательных компонентов таких добавочных вариантов, ср.: *marod* (недомогающий) vs. *marode* (неспособный к марш-броску, небоеспособный; измождённый; аморальный).

Однако чаще всего граница дифференциации проходит по частеречному признаку: суффикс *-id* закрепляется за именами прилагатель-

ными, по-видимому, по образцу латинского *explizit* (Adj.) vs. *explizite* (Adv.), *-ide* – за наречиями, например: *humid* – имя прилагательное, *humide* – наречие. Данные различия имеют в немецком языке также территориальную обусловленность, ср.: *fad* – южнонемецкий, *fade* – стандартный (верхненемецкий).

Помимо указанных случаев грамматических колебаний, можно наблюдать примеры вариантности дистрибуции нулевого суффикса и латинского суффикса *-ment* с галльским прочтением [mã:], к примеру: *vite* [vit:] / *vitement* [-'mã:], а также галльского суффикса *-ell*, ср.: *nature* / *naturell*. К добавочной вариантности в классе имён прилагательных относятся немногочисленные случаи двойной суффиксации галлицизмов, актуализирующих добавочный характер галлизации как надстройки латинизации с параллельной дифференциацией функционально-стилистического характера, например: *inzident* (лат.: случайный, непредвиденный) / *inzidentell* (фр., лат.: случайный, сопутствующий).

4. *Позиционная вариантность* вызвана такими морфосинтаксическими особенностями ЯД, как следование компонентов внутри композитов (*die Mousse au Chocolat* [musofɔkɔ'la] / *Schokoladen-Mousse*) и синтаксической организацией устойчивых сочетаний (*die Idée fixe* / *die fixe Idee*).

5. Особое место среди морфологических вариантов занимают *родовые параллельные формы*, обозначаемые также *дублетами*. Варьирование рода в пределах тождества слова может осуществляться только на морфологическом уровне при совпадении денотата. Особенность родовых вариантов заключается в том, что они наблюдаются главным образом у неодушевлённых имён существительных, так как ЛЕ *der Garçon* [gar'sɔ:] (официант; мальчик; подмастерье) vs. *die Garçonne* (незамужняя девушка, похожая на мальчика) являются разными однокоренными словами, обозначающими разнополовых индивидов (Горбачевич 2009, 139–140).

Е.И. Шендельс относит сосуществующие родовые варианты в системе немецкого литературного языка к колебаниям с разной формой, но совпадающим значением (Шендельс 1982, 133). Дублетность в немецком языке восходит, с одной стороны, к территориальному варьированию, ср. севернонемецкое *die Harke* со средне- и южнонемецким *der Harken* (Paraschkewow 2004, 161), с другой стороны, к практикам избавления от так называемого лютерского *-e* (*der Domestik* / *Domestike* по аналогии с *der Hirt* / *Hirte*) в финалях с соответствующей заменой рода, ср.: *die Scherbe* → *der Scherben*, *die Karre* → *der Karren* (Zehetner 2000, 108).

Отличие родовых вариантов (*das Email* [e'maɪ и e'ma:] / *die Emaille* [e'maljə, e'maɪ и e'ma:]) от случаев колебания грамматического рода заимствованных галлицизмов заключается в том, что в случае дублетности сосуществуют два равноправных формата с конкурентными формообразовательными суффиксами (Горбачевич 2009, 152), а в случае колебания рода имеет место неразрешённость парадигмы склонения, например: *der / das Biskuit*, *der / das Bister*. Это объясняется принадлежностью финалей *-it* и *-er* к парадигмам и мужского, и среднего родов; зачастую уже наличествующее колебание рода служит дифференцирующим признаком главным образом в рядах немецких омографов, ср.: *der Kredit* [-di:t] / *das Kredit* [kre:-], *der Messer* / *das Messer* (Кобенко 2006, 7).

В исследуемом ГП выделено 17 пар родовых дублетов с низким процентным содержанием (табл. 16). Примечательно, что конкурентными единицами во всех случаях выступают имена существительные женского рода с суффиксом *-e*, обнаруживающим формальную схожесть с севернонемецким аналогом.

Таблица 16

Родовая морфологическая вариантность ЛЕ ГП в СНЛЯ

Сочетание родовых признаков	Количество прецедентов в корпусе (ЛЕ)	Процент от общего количества ЛЕ ГП	Примеры
<i>n. u.f.</i>	9	0,23	<i>das Planchet / die Planchette</i>
<i>m. u.f.</i>	6	0,15	<i>der Ruin / die Ruine</i>
<i>m. / n. u.f.</i>	1	0,02	<i>der / das Karamell / die Karamelle</i>

В редких морфологических вариантах зарождается семантическая дифференциация как тенденция к моносемии, ср. дублеты *das Etikett* (этикетка, ярлык, надпись, наклейка) / *die Etiketete* (этикетка, ярлык, наклейка, надпись, знак), *die Tamponade* (медицинская тампонада) / *die Tamponage* [-'na:ʒə] (тампонаж буровой скважины, тампонирующее горных пород), а также функционально-стилистически дифференцированная вариантность, например: *publice* ['publitsə] (устар.) / *publik* (высок.), *temporär* (высок.) / *temporell* (высок., устар.).

6. *Конвергентная морфологическая вариантность* связана с сосуществованием конкурентных слабо- и высокоассимилированных форм галлицизмов, ср. переход галльских основ *contre* → *Konter* / *Kontra*, *danse* → *Tanz* (*die / der Contredanse / Contredance* [kōtrə'dä:s] / *Contretanz* → *der Kontertanz / Kontratanz*).

7. *Морфологическое переразложение* как источник грамматической вариантности служит удобству произнесения заимствованных галлицизмов в немецкой литературной речи, к примеру: *der Flibustier / Flibuster*.

8. В исследуемом галльском корпусе зафиксирован также случай редкой *вариантности внутренней формы* слова под давлением квазимотивирующей основы латинского происхождения «*rund*», ср.: *das Rondell / Rundell*.

Представляют собой пограничные случаи фонетической, морфологической и орфографической вариативности следующие синхронные варианты галльского происхождения: *die Caprice* [ka'pʁis] / *Kaprise* [ka'pʁi:sə] / *Kaprize* [-zə]; *der Caumbour / Caumbourg* [kama'bu:ʁ] / *Kalauer*; *die Ordre* ['ɔrdʁ] / *Order*; *die Usance* [y'sä:s] / *Usanz*; *das Chalu-meau* [ʃaly'mo:] / *die Schalmey*.

В паре морфологических вариантов *das Ameublement / Meublement* вариантность возникла вследствие элизии инициального «а» под действием более раннего заимствования из французского языка «*das Möbel*».

3.1.3. Орфографическая вариантность галлицизмов

Поскольку кодификация предполагает охват неологических (заимствованных) сегментов словарного состава нормативными предписаниями с различной степенью содержания элемента «рекомендации / nereкомендации» (Семенюк 1996, 30), от неё напрямую зависит количество существующих орфографических вариантов. Как пишет И.В. Нечаева, нормативное освоение лексем связано с минимизацией произвольной составляющей орфографической нормы, выбором нормативной орфограммы и устранением или созданием вариантности в течение адаптационного периода (Нечаева 2011, 32). В отличие от предыдущих двух типов синхронной вариантности, колебания орфографических норм является целиком искусственным явлением.

Вариантность как признак кодификации необходима для безболезненного замещения несистемных звеньев способами написания, регулируемые синхронными правилами орфографии, например, для нужд образования.

Так, реформа официального немецкого правописания, вступившего в силу 1 августа 2006 г., предусматривала введение вариантов для ознакомления общественности с грядущими изменениями (Романов 2007, 57–58), а также для соблюдения демократичности нововведений в форме учёта предпочтений пользователей немецкого литературного

языка. Однако многие варианты написания преимущественно слов иноязычного происхождения не смогли разрешиться в пользу какого-то одного и по-прежнему продолжают тиражироваться в немецкой письменной речи. Данное явление связано с неоднозначной реакцией немецкоязычной общественности на вводимые предписания, а также возмущением школьных учителей ФРГ по поводу размытия границ письменных норм, затрудняющих определение правильного варианта написания в школьной практике (Морген 2005, 23).

Как отмечалось ранее, вариантность представляет собой синхронное явление, которое должно быть разрешено путём германизации галльской оболочки заимствованных ЛЕ. Схематично результат данного процесса можно представить как точку В в следующей последовательности превращения явления А в явление В, в основу которой положена шкала переходных явлений В.В. Бабайцевой (1967):

$$A \rightarrow Ab \rightarrow AB \rightarrow aB \rightarrow B,$$

где А – исходное состояние трансформирующегося явления в диахронии, Ab и aB – фазы синхронной вариантности с разной расстановкой ведущих вариантов, AB – галло-немецкая диглоссия, В – германизованное состояние А (Бабайцева 1967, 38).

В качестве примера можно привести германизацию галлицизма «*Sauce*», ещё используемого синхронно в галло-галльских и гибридных композитах (*die Béchamelsauce, die Knoblauchsauce*), в ассимилят «*Soße*».

Безусловно, германизация преследует цель упрощения сложной для немцев галльской графики, поэтому данная тенденция затрагивает как целые слова, так и отдельные графемы, список которых дан в подпараграфе 2.2.3.

Судя по начальной форме заимствованных галльских прилагательных, передаваемых в немецкой графике при помощи суффикса *-ös* (*nervös, amourös*), графема «ö» является более ранней версией написания данного заимствованного суффикса и способом передачи латинской финали *-(i)osus*, как, к примеру, в латинизмах *kariös* (от лат. *cariosus*) и *kontagiös* (от лат. *contagiosus*). Наличие параллельных латинских и галльских форм в системе СНЛЯ свидетельствует в меньшей степени об ассимиляции, нежели о результате заимствования из нескольких престижных ЯД. Так, в паре вариантов «*odios vs. odiös*» начальная форма активно вытесняется из оборота германизированной, ср. также вариантную пару *nebulös vs. nebulos*.

Фонематический характер немецкого правописания, зародившийся в XVII–XVIII вв. для экспликации разницы между краткими и долгими гласными и требующий, чтобы написание слова максимально точно отражало его фонемный состав (Титова 2009, 123; Фадеева 2010, 96), способствует ассимиляции и орфографических норм и, как следствие, существованию вариантов написания галлицизмов с фонематической оппозицией *u* / *ü* в немецкой письменной речи, например: *das Amusement* / *Amüsement*, *die Attitude* / *Attitüde*, *das Buffet* [by'fe:] / *Büfett*, *die Fortune* / *Fortüne*, *die Pendule* [pã'dy:lə] / *Pendüle* [pen'dy:lə и pã'dy:lə].

Синхронно существует пять основных типов орфографической вариантности ЛЕ ГП в системе СНЛЯ: слитное и раздельное написание галлицизмов, слитное написание и через дефис, написание через дефис и раздельное, написание галлицизмов с заглавной и строчной буквы, написание с одной или удвоенной согласной.

1. *Слитное и раздельное написание* галлицизмов обусловлено конкуренцией имитативных и адаптивных способов письменной фиксации галлицизмов, которые либо являются составными ЛЕ в ЯД, либо приобрели в ЯР атрибутивный признак, ср.: *das Justemilieu* / *Juste Milieu* [zʏstimil'jø:], *telquel* / *tel quel*, *graumeliert* / *grau meliert*.

2. *Написание слитно и через дефис* восходит к исконной вариантности в ЯД, например: *das Billetdoux* / *Billet-doux* [bijɛ'du:], *das Rendezvous* / *Rendezvous* [rãde'vu:], *die Demivierge* / *Demi-Vierge* [demi'vjɛrʒ], *das Can-Can* / *Cancan* [kã'kã:], *die Cromagnonrasse* / *Cro-Magnon-Rasse* [kroma'nɔ:-].

Данный тип орфографической вариантности предполагает также разделение генетически гетерогенных участков гибридных композитов, о котором речь шла ранее (*die Caisson-Krankheit*, *das Rambouillet-Schaf* (при сохраняющихся старых вариантах *die Caissonkrankheit* и *das Rambouillettschaf*)), и является самой распространённой разновидностью колебания орфографического контура, так как фактически любое сложное слово в немецком литературном языке, согласно Новым правилам немецкой орфографии 1996–2006 гг., можно написать через дефис для уточнения значения (в особенности при возможных разночтениях), например: *das Druck-Erzeugnis* (печатный продукт) или *das Drucker-Zeugnis* (свидетельство, напечатанное на принтере; подделка) (DR 2017). Зачастую дефис разделяет нежелательную геминацию, не свойственную для немецкой литературной речи, например, удвоенное написание буквы «o», ср.: *das Rokoko-Ornament*.

3. *Написание через дефис и раздельно* связано с образованием сложных слов в системе СНЛЯ и попыткой объединить разрозненные части галльских или гибридных композитов в цельный форматив, ср.: *das Amuse-Bouche / Amuse Bouche* [amyz'buʃ], *das Fil-a-Fil / Fil-a-fil / Fil à fil / Fil-à-fil* [fila'fil].

4. *Написание с заглавной и строчной буквы* вызвано правилом немецкой орфографии писать имена существительные с заглавной буквы. Однако в силу экзотичности составных галльских заимствований, невычленяемости ЛЕ данного класса из сочетаний и действия имитативных способов графической фиксации галлицизмов, сохраняется вариантность написания обоими способами, имитативным и адаптивным, например: *de luxe / de Luxe* [də'lyks], *va banque / Vabanque* [va'bänk и va'baŋk], *Pl. Fines Herbes / Fines herbes* [fin'zərb], *die Force de frappe / Force de Frappe* [fɔrsdə'frap], *die Force majeure / Force Majeure* [fɔrsma'zœ:r].

5. *Написание с одной и двоянной согласной* связано с явлением геминации в системе немецкого правописания (см. об этом подробнее в пп. 2.2.1) и восходит к графической передаче краткости и долготы предыдущих гласных (Фадеева 2011, 168–175). Следовательно, данный тип орфографической вариантности галлицизмов связан с колебанием качества гласных под влиянием различных (квази)мотивирующих основ, ср.: *die Bonbonniere / Bonbonniere* (конфетница) под влиянием «*der / das Bonbon*», *dolieren / dollieren* (шлифовать) под влиянием «*die Dole*» (сточный канал).

3.2. Функционально-стилистические особенности дистрибуции галльских заимствований в современной немецкой литературной речи

На протяжении всего галльского влияния в истории немецкого литературного языка контактирующие французский и немецкий языки ранжировались по качественному признаку (Виноградов, 1990, 617): автохтонному (немецкому) отводилась роль языка низших слоёв общества (католекта; греч. *κάτω* – низкий, низший), а французскому – роль престижного акролекта (греч. *ἄκρος* – верхний) дворян и особ королевской династии. Такая языковая стратификация, по оценке Ю.В. Кобенко, свидетельствует об экзоглоссии, весьма типичной для истории немецкого литературного языка, когда последний функционировал как «язык горизонтали», будучи используемым лишь во внутриэтническом общении, а престижный акролект (латынь, французский и

позднее английский) – как «язык вертикали», обеспечивающий образование, социальный и карьерный рост (буквально продвижение вверх) и социальное размежевание (происхождение) (Кобенко 2014, 8).

В галло-немецкой диглоссии французский язык фактически замещал художественный функциональный стиль (Kiesel 1991, 113), который, по справедливому замечанию М.М. Гухман, представляет наивысшую точку языкового континуума непосредственно благодаря функции совмещения, отбора и комбинирования средств других функционально-стилистических разновидностей немецкого литературного языка; художественный язык может превосходить границы литературного языка, так как в художественное произведение могут быть включены элементы диалекта, городских полудиалектов, жаргонизмы (Гухман, 1970 с. 504).

Многовековой престиж французского языка обусловил функционально-стилистическую стратификацию заимствованных галльских и автохтонных ЛЕ (Шемчук 2013, 215): галлицизмы ассоциируются с достатком, роскошью французского двора, куртуазными романами, помпезной салонной жизнью, театральными вечерами – функционально-дифференцированными единицами немецкого словарного состава, и автохтонные единицы немецкого языка играют роль функционально-недифференцированных (нейтральных) средств (Riesel 1959, 114), ср.: диглосные дублеты *die Imagination* (фр., высок.) vs. *die Einbildungskraft* (нем., нейтр).

Подобное функциональное завышение всего французского, в особенности характерное для третьей волны галльского влияния, приводит к тому, что даже ЛЕ, заимствованные из ЯД с нейтральным стилистическим номиналом, приобретают в ЯР характеристику модных, предпочтительных, ориентированных на высокий ранг в обществе – «статусных заимствований» (Лотте 1982, 58). Знаковым представляется пример Фридриха Великого, пожелавшего оградиться от «черни» (*Pöbel*) и сделавшего французский языком своего окружения, элиты общества (*Hautevolee*).

Воспроизведение галльской лексики посредством заимствования в ЯР допускает более или менее значительные отступления от узальной семантики галлицизмов в ЯД. Новые функциональные особенности связаны с экстралингвистической природой современной немецкой литературной речи (Кобенко 2016, 33). Диглоссическая вариантность, восходящая к стратификации функциональных сфер употребления контактирующих идиомов и их средств, является выражением синхронных установок на макролингвистическом уровне (на уровне язы-

ковой ситуации). Способами разрешения синхронной галло-немецкой диглоссии выступают: смысловое размежевание дублетов в рамках тенденции к моносемии, появление других престижных ЯД или языков-макропосредников в языковой ситуации в ФРГ (английского) и кодификационные (стандартизационные) меры, направленные на нивелировку функционально-стилистических различий между галлицизмами и автохтонными ЛЕ (Воронцова 2017, 38).

Престижность выступает, тем самым, общей особенностью синхронно заимствуемой лексики в системе СНЛЯ. Национальный и исторический колорит французских заимствований (Клюева 2015, 168–169) служит не только средством эвфемизации в немецкой литературной речи (Порохницкая 2010, 112) (ср.: *Er war von den Schnäpsen ziemlich illuminert* (DUW 2015)), но и средством создания эмоционально-экспрессивной окраски речи (Бударина 2014, 23) (ср.: *elefantös, pomprös*).

Модное офранцуживание (*modisches Französeln*) затронуло и словообразовательную сферу. Так, для обозначений малопrestiжных, но востребованных профессий, а также гражданских состояний создаются псевдогаллицизмы(-профессионализмы) с оттенком эвфемизации, ср.: *der Magazineur* (кладовщик, заведующий складом), *der Akquisiteur* (сборщик объявлений для газеты; агент, вербующий клиентов), *der Bankrotteur* (банкрот). Похожее действует и для фемининного суффикса *-euse*, встречающегося, как правило, в отглагольных псевдогаллицизмах (DUW 2015). Таким образом, престижными средствами французского языка создаётся престиж самих занятий или профессий. ЛЕ, образованные апостериорным способом, составляют 24,46% (23 ЛЕ) от выделенных псевдозаимствований в ГП (см. прил. 1).

При составлении галльского корпуса использовалось 10 стилистических помет, приведённых в табл. 17. Серым отмечены функционально-стилистические разновидности или классы функционально-стилистически дифференцированных единиц, превосходящие отметку в 5%.

Таким образом, количество функционально-стилистически дифференцированных средств в заимствованном ГП равно 1 392 ЛЕ, что больше одной трети лексического наполнения ГП в системе СНЛЯ (36,5%).

Преобладание ЛЕ с маркировками «высокий стиль» и «устаревшее слово» (см. рис. 4) в ГП доказывает положение об акролектном характере галльской лексики (15,49%), с одной стороны, и архаизации ГП (13,66%), с другой стороны, и актуализирует синхронные тенденции

функционирования заимствованных ЛЕ ГП в системе СНЛЯ на фоне появления других ЯД (международного английского языка).

Таблица 17

Стилистические пометы в корпусе галльской лексики в составе СНЛЯ

Помета	Значение	Количество ЛЕ в корпусе	Процент в составе корпуса	Примеры
<i>высок.</i>	Высокий стиль	591	15,49	<i>das Parole d'Honneur</i>
<i>жарг.</i>	Жаргонизм	2	0,05	<i>das Soixante-neuf</i>
<i>ирон.</i>	Иронично	42	1,10	<i>die Ménage-à-trois</i>
<i>поэт.</i>	Поэтический стиль	1	0,02	<i>der Azur</i>
<i>пренебр.</i>	Пренебрежительно	155	4,06	<i>die Journalle</i>
<i>разг.</i>	Разговорный стиль	69	1,80	<i>die Fete</i>
<i>устар.</i>	Устаревшее слово	521	13,66	<i>der Thé dansant</i>
<i>фам.</i>	Фамильярно	5	0,13	<i>rasieren</i>
<i>эмоц.</i>	Эмоционально	5	0,13	<i>die Kanaille</i>
<i>эфв.</i>	Эвфемистично	1	0,02	<i>die Masseuse</i>
Итого		1 392	36,50	

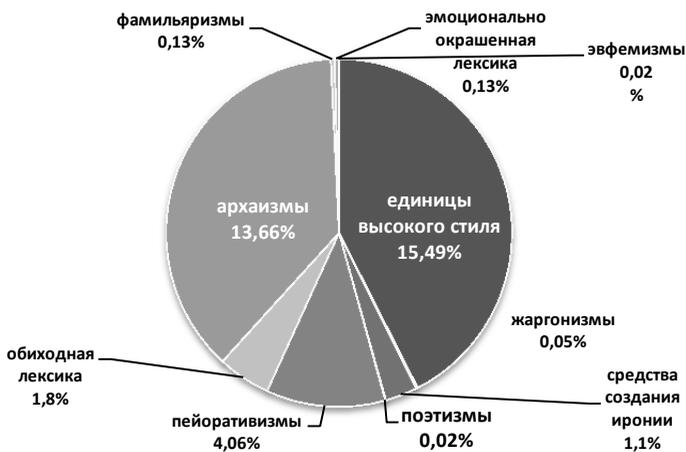

Рис. 4. Соотношение функционально-стилистических разновидностей и классов функционально-стилистически дифференцированных ЛЕ в ГП

Характер синхронного функционирования галльской лексики в немецкой литературной речи можно проиллюстрировать на следую-

щем примере гетеролингвальных синонимов: *das Billett* (фр., устар.) vs. *die Fahrkarte* (нем., общ.) vs. *das Ticket* (англ., престиж.)

3.3. Ортологические особенности функционирования галлицизмов в современной немецкой литературной речи

Ортология (греч. ὀρθός – прямой, правильный) является филологической дисциплиной, изучающей устойчивые речевые отклонения и отступления от литературной нормы. Современная ортология зачастую понимается как часть культуры речи, как контекст рассуждений о правильности словоупотребления, соблюдении норм литературного языка и тесно связана с проблемами кодификации литературных норм на основе анализа закономерностей языкового развития (Ахманова 2004, 381).

Использование галлицизмов в современной немецкой речи предопределяет отклонения от немецких литературных норм разной степени устойчивости. Безусловно, нормативный аспект дистрибуции заимствований остаётся тем проблемным звеном их функционирования, который неразрывно связан с их ассимиляцией в ЯР. Средний индекс ассимиляции ЛЕ ГП свидетельствует о существующих затруднениях галльского словоупотребления, чему способствует также совмещение латинского, галльского и регистров других романских идиомов, генетически не родственных немецкому языку.

Изучение функциональных особенностей ЛЕ ГП в синхронной немецкой литературной речи позволило выделить следующие группы отклонений от норм СНЛЯ: ошибочная дистрибуция паронимических и гетеронимических рядов, ошибочное написание галльских заимствований, принудительное склонение несклоняемых имён прилагательных галльского происхождения и натурализм при переводе галлицизмов на немецкий язык (натуралистическое калькирование; см. об этом также дублетное калькирование в праграфе 2.4).

1. *Ошибочная дистрибуция паронимических и гетеронимических рядов* восходит к гибриднему характеру галлизации, существующей в виде надстройки латинского наследия в СНЛЯ. Наличие нескольких ЯИ и престижных металеков (международный английский), использующих латинский алфавит, затрудняют выбор правильного словарного варианта в немецкой литературной речи (Brinker 2005, 110–112). Зачастую сложности разграничения значений определённых элементов паронимических и гетеронимических оппозиций вызваны частичной схожестью этимонов, а нередко и их полным совпадением. В последнем случае следует исходить из того, что одна и та же (заимствован-

ная) основа различным образом эволюционировала в системах разных языков и, сохранив графическую оболочку, видоизменила звуковой облик и семантическое наполнение, ср.: *punctum* (лат.) → *der Point* [pøẽ:] (фр.: взятка, хваль в карточных играх) vs. *der Point* ['point] (англ.: пункт в котировках акций).

Зафиксированы следующие прецеденты эрративного замещения элементов паронимических и геронимических оппозиций:

а) *подмена галлицизма «die Gravüre» (гравюра) псевдолатинизмом «die Gravur» (гравировка, выгравированная надпись), в особенности при словосложении (ср.: die Kupfergravüre vs. die Kupfergravur), например:*

Böhmisches Henkelglas mit Deckel; Dekor: Eichenlaub-Ranke mit Eichen in Kupfergravur, gekugelter, geschliffener Fuß; Geschenk Beethovens für Franz Gerhard Wegeler (https://www.loc.gov/item/consortium.bh_i2806/);

б) *подмена галлицизма «der Kanonier» (канонир, пушкарь, от итал. cannone – пушка) латинизмом «der Kanonist» (знаток канонического права, от греч. κανών – мерило, правило), восходящая к омонимии паронимов «der Kanon» и «die Kanone» в некоторых падежных формах, к примеру:*

– *Der Krieg wurde von Kanon beherrscht* (LW 2017);

– *Er hatte sich bereits als Kanonist einen Namen gemacht* (LW 2017).

в) *свободное взаимозамещение суффиксальных оппозиций -al (лат.) vs. -ell (фр.), несмотря на их стойкие функционально-стилистические и типологические различия (-al (интернационализм) vs. -ell (галлицизм)) (см. об этом также в пп. 3.1.2); тенденция усугубляется интерферирующим влиянием международного английского языка, в составе которого таких оппозиций нет, а существуют интернационализмы с латинским суффиксом -al, ср. предложение «Dies wird real benötigt» (LW 2017) (по аналогии с англ. «It is really needed») вместо «Dies wird reell benötigt». Следует подчеркнуть, что галльский пароним «reell» использовался в XVIII–XIX вв. в значении «честный, порядочный», ср.: «Ich bin reell im Handel und Wandel» (Raupach 1832, 148).*

Похожее можно наблюдать и с конститuentами паронимического ряда «*individual*» (в нормированном литературном языке только как атрибутивный элемент детерминативных композитов, к примеру: *der Individualbereich*) vs. «*individuell*» (индивидуальный).

2. *Ошибочное написание галльских заимствований* связано с их экзотической графикой в ЯД и, следовательно, немотивированностью (отсутствием проверочных слов) в ЯР, ср.: написание слова

«*voluptuös*» немецкими современниками как «*voluptös*» (https://www.korrekturen.de/beliebte_fehler/volupto-es.shtml).

Новые правила немецкой орфографии предусматривают упрощённую письменную передачу ряда сложных для написания галлицизмов исключительно на фоне лавинообразного количества ошибок в письменных текстах СНЛЯ (DR 2017), например: *die Mayonnaise* → *die Majonäse*, *das Portemonnaie* → *das Portmonee*.

3. *Случаи принудительного склонения несклоняемых имён прилагательных* галльского происхождения множатся в синхронной немецкой речи и типичны для обиходно-разговорной функционально-стилистической разновидности СНЛЯ, ср.: *ein oranges Kleid* (см. об этом также пп. 2.2.2). Германистами фиксируются случаи принудительного склонения галльских имён прилагательных с основами, оканчивающимися на гласную, путём присоединения фонемы -n- в функции эпентезы, например: *Sie trägt ein lilanes Kleid* (Рубанюк 2013, 40).

4. Натурализм при перенесении галлицизмов в немецкую литературную речь с целью создания местного колорита приводит к образованию дублетных калек, которые, как правило, копируют семантику уже имеющихся ЛЕ либо словосочетаний в немецком литературном языке, ср.: «*sein Leben verdienen*» по аналогии с «*gagner sa vie*»; «*es ist nicht der Ort zu...*» по аналогии с «*ce n'est pas ici qu'il faut*», «*einmal mehr*» вместо «*wieder einmal*» по аналогии с французским выражением «*une fois de plus*», образованным по образцу английского «*once more*» (Debrunner 2017).

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что вариантность нормы в условиях заимствования, даже если последнее осуществляетсяokkaзионально, т.е. вне галльского влияния, выступает каналом образования различного рода явлений, могущих восприниматься кодификаторами в качестве отклонений и образующих отдельную эрративную типологию вкраплений галльского происхождения в синхронной немецкой литературной речи.

3.4. Лингвоэкологические предпочтения дистрибуции галльских единиц в текстах с высоким содержанием англо-американской лексики

Несмотря на преимущество, создаваемое для перестройки языковых ресурсов в условиях инвазивного заимствования, галло-немецкая диглоссия представляется избыточным явлением, функция которого не

языковая, а экстралингвистическая, т.е. обусловлена факторами внешнего порядка.

Закономерной реакцией на инвазивное заимствование является требование к ужесточению культуры речи на родном языке, следствием чего становится критическое отношение к иноязычным вкраплениям в немецкой литературной речи, которое свидетельствует о повышении уровня языковой сознательности говорящих и, следовательно, языковой критики, т.е. назревшей необходимости национализации языковой политики.

Как уже отмечалось ранее, существуют два противоположных лингвоэкологических принципа, составляющие её идейную основу: языковая демократия и языковой национализм (см. об этом также в пп. 2.2.1). Демократия реализуется в предпочтении интересов человеческой личности и гражданских прав перед интересами государства и языкового коллектива, а национализм – в предпочтении коллективных и государственных интересов интересам личности и гражданина (Кузнецов 2007). Ю.В. Кобенко так дифференцирует оба лингвоэкологических принципа: «Экспликацией первого является либерализация норм литературного языка как реакция на консерватизм предшествующего этапа языкового развития с целью достижения баланса между текущим и прошлым функционированием ЯР. Основным признаком данного принципа можно считать увлечение его носителей иноязычными вкраплениями, происходящими преимущественно из определённого синхронно престижного ЯД. Экспликацией второго принципа языковой политики выступает усиление элемента рекомендации при кодификации норм немецкого литературного языка, за счёт чего достигается более высокая степень лояльности пользователей к ЯР. Реализация данного принципа обязывает их к более внимательному и осознанному обхождению с гетерогенным языковым материалом, причём предпочтение, естественно, отдаётся автохтонным средствам языка» (Кобенко 2014, 235–238).

П. Кох характеризует деятельность субъектов немецкой языковой политики следующим образом: «Действующие лица языковой истории всякий раз по-новому оказываются перед необходимостью организовывать и, соответственно, реорганизовывать коммуникацию в пределах близости и отдалённости (*zwischen Nähe und Distanz*) определённых лингвоэкологических принципов (Koch 2010, 157). Н.Н. Семенюк подчёркивает, что «периоды относительной строгости сложившихся и кодифицированных норм немецкого литературного языка неизбежно сменяются их относительной либерализацией, а затем и их дальнейшей демократизацией» (Семенюк 1996, 31).

История указанного языка характеризуется регулярной сменой лингвоэкологических ориентиров и тесно связана с особенностями текущей историко-культурной среды и её исторической сюжетной линией (Гухман, Семенюк 1983, 133).

Таким образом, исторический вектор немецкого литературного языка во многом определяется теми или иными лингвоэкологическими предпочтениями, которые положены в основу языковой политики. Лингвоэкология интерпретируется в данной работе, вслед за А.П. Сквородниковым, как «основа языковой политики государства и направление лингвистической теории и практики, которое, с одной стороны, связано с изучением факторов, негативно влияющих на развитие и использование языка, а с другой стороны, с изысканием путей и способов обогащения языка и совершенствования практики речевого общения» (Сквородников 1996, 42–49).

Усиление элемента рекомендации и повышение лояльности к родному языку выступают, тем самым, логическим следствием увлечения немецким языковым коллективом определёнными престижными ЯД. Если в XVII–XVIII вв. националистические идеи регуляции языкового функционирования высказывались в отношении галлицизмов, то в конце XX – начале XXI в. объектами нерекommendации становятся англо-американизмы, наводнившие немецкую литературную речь после 1945 г. (Wolf-Bleiß 2009, 88).

Особенно заметной англизация немецкого литературного языка как новое историческое веяние становится после 1990 г. (Viereck 1984, 940), когда англо-американизмы наводняют целые тематические группы словарного состава немецкого литературного языка, такие как СМИ, экономика, финансы, спорт, свободное время, мода и пр. (Herberg, 2002, 196–197).

Наибольшая плотность содержания англо-американских заимствований отмечается в текстах обиходно-разговорного (68%) и стиля публицистики и прессы (66%), выступающих главными каналами инфильтрации англо-американизмов в немецкий литературный язык (Кобенко 2014, 217). Данные особенности функционирования европейских литературных языков связаны, по мнению Т.Г. Добросклонской, с феноменом глобализации и распространением международного английского как второго общего языка (Добросклонская 2015, 42), а также пропускной функцией немецких СМИ, ведущих политику лояльности ко всему английскому (Ломтева, Борлакова 2014, 238). По справедливому замечанию Ю.М. Шемчук, «модные англо-американские заимствования принято рассматривать как своеобразную демонстрацию «щеголь-

ства» через космополитичность и осведомленность; стремление «повышать» свою речь за счет иностранных слов свидетельствует о том, что их употребление входит в эталон хорошей речи, что всячески пропагандируется СМИ» (Шемчук 2013, 215). Как и в эпоху *Alamodezeit*, нынешние заимствования культивируются, в первую очередь, немецкой элитой и специалистами, работающими за рубежом (Трошина 2005, 141). Концепция преодоления европейских границ недвусмысленно вывела английский язык на первые позиции в Европе, фактически превратив его в язык-первоисточник: только в 2010 г. в Европейском Союзе было переведено 1,86 миллионов страниц, 77% которых были изначально написаны на английском (Кузнецов 2013, 106).

Долгое и безраздельное господство английского языка на европейской и мировой аренах привело к реакции противодействия языковой глобализации и появлению общеевропейского движения за сохранение национальных языков (Елистратов 2006, 25). В Германии можно наблюдать новый виток лояльности к национальному немецкому языку (Schmidlin 2011, 289–292), сопровождающийся отчасти ожесточённой критикой англо-американских заимствований и усилением пуристических настроений (Луколина, Агеева 2015, 104–109), в первую очередь, в рядах немецкоязычных современников старше 60 лет (Кобенко 2014, 21).

Так, в Дортмунде в 1997 г. основан «Союз сохранения немецкого языка» (*Verein zur Wahrung der deutschen Sprache, VWdS*), известный в настоящее время как «Союз немецкого языка» (*Verein deutsche Sprache, VDS*), создание которого можно рассматривать как реакцию на процессы неконтролируемого заимствования англо-американизмов в немецкую литературную речь после 1990 г. Несмотря на существующее мнение о напрасной тревоге исчезновения европейских языков на фоне гегемонии английского языка (ср.: Пискарёва 2013, 82), многие зарубежные германисты высказываются за усиление националистического принципа лингвоэкологии немецкого национального языка (ср.: Zabel 2001, 97; Schäfer 2002, 78; Götze 2003, 133; Schmitz, 2009).

Наибольшие пуристические тенденции синхронно можно наблюдать при редактировании немецких текстов спортивной тематики. Данное явление вызвано драматическим сокращением количества заголовков по теме «спорт» в немецкой рекламной продукции, которое сократилось с 1,28% в 1976 г. до 0,1% в 2001 г., т.е. более чем в 12 раз, по замечанию С. Куппера, ввиду непонимания многими носителями немецкого литературного языка англоязычных вкраплений в заголовках (Kupper 2003, 100–101). Как отмечает Л.Н. Мирошниченко, массо-

вое проникновение англо-американизмов в немецкий литературный язык обусловлено тем, что родиной большинства современных видов спорта являются Великобритания, США, Австралия: *Aerobic, American Football, Aquajogging, Beachsoccer, Beachvolleyball, Boardercross, Bodybuilding, Bowling, Bullriding, Bungee-Jumping, Cooper, Cricket, Curling, Darts, Endurance, Footing, Frisbee, Heliskiing, Hockey, Hurling, Inlinehockey, Jetskiing, Jogging, Mountainbiking, Paintball, Powerlifting, Rollerskating, Rugby, Skateboard, Snowboard, Streetbasket, Wakeboarding, Wrestling* (Мирошниченко 2013, 96–97). Д. Герберг указывает в качестве причины также наличие продолжительное время одногодичного ЯД – английского (Herberg 2002, 196).

В документальном фильме Г. Вётцеля «*Kто спасёт немецкий язык?*» (*Wer rettet die deutsche Sprache*, 2007), посвящённом проблемам интенсивной англоизации современного немецкого языка, приводится пример штутгартской газеты «*Швебише цайтунг*» (*Schwäbische Zeitung*), получившей в 1994 г. престижную премию «*Sprachkulturpreis*» за попытку избегать использования англо-американизмов в течение целого тиража объёмом около 120 страниц. Наибольшие сложности испытывали, по мнению продюсеров фильма, спортивные редакторы, которые должны были найти понятные рядовому пользователю замены англо-американизмам «*der Coach*», «*das Team*», «*das Match*», «*das Foul*», «*das Sparring*». Повышение сознательности использования средств собственного языка не означало, однако, автоматическое переключение на галлицизмы, по замечанию главного редактора газеты П. Криста, а подразумевало полную германизацию текста спортивных новостей.

Тем не менее галлицизмы выступают главными претендентами замены англо-американских вкраплений в силу особого исторического статуса французского в истории немецкого литературного языка и, безусловно, большей степени ассимиляции. К тому же, как пишет В.М. Солнцев, велика роль французского языка в деятельности Международного олимпийского комитета (*Comité national olympique et sportif français*) со штаб-квартирой – в швейцарской Лозанне международных спортивных федераций (в большинстве федераций французский язык является одним из рабочих). В Международном олимпийском комитете установлено, что в случае несоответствия текста Олимпийской хартии на французском и английском языках и любого другого документа организации текст на французском языке имеет преимущество, если не оговорено иное (Солнцев 2015, 140).

Проистекающая отсюда международная конкуренция английского и французского языков сказывается и на дистрибуции галлицизмов в немецкой литературной речи, в которой преимущество отдаётся старым и освоившимся единицам «*das Resümee*» и «*das Sofa*», а не новым обозначениям «*das Abstract*» и «*die Couch*» (Eroms 2006, 473–492). Помимо этого, как пишут Р.З. Мурысов и Н.Х. Нургалиева, немецкие журналисты, получившие образование по классическим канонам, обращаются в работе к французским заимствованиям, так как они придают тексту особый стилистический оттенок. В отличие от заимствований из французского, англицизмы употребляются в тексте преимущественно с целью удовлетворения ожиданий публики. «Французские» же элементы мотивированы в основном желанием казаться благороднее и образованнее» (Мурысов, Нургалиева 2012, 547).

Таким образом, в современной немецкой литературной речи складывается функционально-стилистическая дифференциация англоамериканских и галльских заимствований образца «массовый (английский) vs. возвышенный (галльский)». Английский язык противопоставлен французскому как культура массового потребления – светской изысканности и утонченности.

После самовольного вторжения военной коалиции, возглавляемой США и Великобританией, в Ирак международное отношение к английскому языку заметно ухудшилось (Eroms 2006, 480), в связи с чем А. Буркхардт предлагает список замен интернациональных англицизмов галльскими заимствованиями в немецкой литературной речи, «ибо аморальность не может считаться престижной» (Burkhardt 2013). Список А. Буркхардта включает 33 замены и актуализирован парами образца «галльский vs. английский» широкой тематики, ср.: «*das Comité*» вместо «*das Briefing*», «*d'accord*» вместо «*okay*», «*das Klassement*» вместо «*das Ranking*», «*die Tantieme*» вместо «*die Royalty*» (Burkhardt 2013).

Подобные лингвоэкологические инициативы свидетельствуют в пользу того, что галлизация немецкого литературного языка не иссякла, а лишь находится в латентной фазе. Престиж, тем самым, следует понимать как более конкретную «нишевую» величину, действительную для определённых рамок коммуникации. Французский язык продолжает играть значительную роль в мире в качестве языка мировой дипломатии, международного и межнационального общения (Солнцев 2015, 139), а значит, его влияние на немецкий литературный язык ещё не окончено.

Выводы по третьей главе

1. Синхронная галло-немецкая вариантность (диглоссия) имеет легко выявляемые семантические различия гиперо-гипонимического свойства. Вариантность галльского и немецкого регистров в немецкой литературной речи существует на фонетическом, морфологическом и орфографическом уровнях.

2. Фонетическая вариантность восходит к различиям в фонетических системах французского и немецкого языков и представлена акцентной (позиционной), качественной, количественной, системной и функционально-генетической вариантностью. В типологии вариантных явлений преобладают прецеденты качественного характера.

3. Морфологическая вариантность обусловлена колебанием грамматического контура заимствованных галлицизмов как следствие их ассимиляции в системе немецкого литературного языка и актуализирована следующими типами морфологического варьирования: параллельными вхождениями, суффиксальными колебаниями, добавочной и позиционной вариантностью, родовой дублетностью, конвергентной вариантностью, морфологическим переразложением и вариантностью внутренней формы. Формальная вариантность суффиксальных морфем ЛЕ ГП наряду с родовой дублетностью выступают наиболее частыми случаями морфологического варьирования галлицизмов в системе СНЛЯ.

4. Конкуренция имитативных и адаптивных способов орфографической фиксации заимствованных галлицизмов в немецкой литературной речи обуславливают их орфографическую вариативность, которая синхронно представлены пятью типами варьирования: слитным и раздельным написанием галлицизмов, слитным написанием и через дефис, написанием через дефис и раздельным, написанием галлицизмов с заглавной и строчной буквы, а также с одной или удвоенной согласной. В рамках тенденции к германизации галльского наследия в немецком литературном языке преобладает фонематический характер немецкого правописания, в основе которого заложен принцип точной графической передачи фонем.

5. В ГП преобладают заимствованные ЛЕ с маркировками «высокий стиль» (591 ЛЕ, 15,49%) и «устаревшее слово» (521 ЛЕ, 13,66%), эксплицирующие акролектный характер заимствованной галльской лексики и тенденцию к архаизации лексического наполнения ГП.

6. Нормативный аспект дистрибуции заимствований в немецкой литературной речи тесно связан с их ассимиляцией в ЯР. Синхронно

существуют следующие группы отклонений ЛЕ галльского происхождения от литературных норм СНЛЯ: ошибочная дистрибуция паронимических и гетеронимических рядов, ошибочное написание галльских заимствований, принудительное склонение несклоняемых имён прилагательных галльского происхождения и натурализм при переводе галлицизмов на немецкий язык. В качестве наиболее частотного эрратологического явления в ортологической типологии галлицизмов в современной немецкой литературной речи фигурируют прецеденты подмены элементов гиперонимических и паронимических рядов, пришедших в немецкий литературный язык из разных ЯИ через посредничество французского языка.

7. В условиях интенсивного заимствования англо-американской лексики в СНЛЯ в современной Германии отмечаются предпочтения лингвоэкологических сценариев языкового национализма, направленных на повышение элемента нерекондации дистрибуции англицизмов в немецкой литературной речи. В качестве замены англицизмов некоторыми германистами предлагаются галльские единицы, имеющие положительную репутацию в системе СНЛЯ. В первую очередь галло-английская диглоссия затрагивает тематические сферы спорта и международной политики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе предпринята попытка описания структурно-системных и функционально-динамических особенностей ГП в составе СНЛЯ. К структурно-системным характеристикам относятся этимологические, генетические, оноματοлогические, морфологические, деривационные, фонетические, семантические, таксономические и парадигматические свойства заимствованных галлицизмов. Функционально-динамические особенности включают дистрибутивные, акцентологические, стилистические, ортологические, лингвоэкологические и исторические (диахронические) аспекты дистрибуции галлицизмов в немецкой литературной речи.

Преобладание структурно-системных характеристик над функциональными объясняется сложностью грамматики немецкого языка, его преимущественно синтетическим характером и флективностью.

Существование гетерогенных пластов в составе немецкого литературного языка можно охарактеризовать как *бытие языка в языке*: в СНЛЯ бытует «свой» (усвоенный) французский, подчинённый закономерностям и общим принципам функционирования в системе ЯР. Данное положение доказывается тем, что одни и те же слова эволюционируют в разных языковых системах по-разному: к примеру, галлицизм «*papier mâché*» в русском языке передаётся как «*папье-маше*», а в немецком – «*das Pappmachee*».

Помимо этого, общее количество зафиксированных заимствований галльского происхождения в составе СНЛЯ в количестве 3 813 ЛЕ равно лексическому строю многих малых (индигенных) языков или диалектов (ср.: немецко-платский диалект насчитывает всего 2 400 ЛЕ) и фактически может рассматриваться как относительно самостоятельный лексический пласт, существующий в определённых ономастических рамках (язык моды, светского общения, искусства, дипломатии и т.д.) и обнаруживающий две устойчивые тенденции: дистрибуцию галлицизмов в качестве единиц высокого стиля (акролекта) и архаизацию заимствованных ресурсов.

Поскольку подавляющее большинство заимствованных галлицизмов в системе СНЛЯ происходит из других ЯИ (85,63%), французский язык выступил в истории немецкого литературного языка в роли ЯП, значительным образом обогатившим указанный ЯР. Переосмысление носителями немецкого литературного языка престижа английского

языка, главным образом, после событий войны в Ираке и предпочтение «отрицательным» англо-американизмам «положительных» галлицизмов свидетельствуют о том, что галлизация принципиально не завершена. Несмотря на то что XX в. практически целиком прошёл для немецкого литературного немецкого языка под знаком американизации, заимствование данного периода уступает по интенсивности лишь периоду *Alamodezeit* (XVII–XVIII вв.).

Будучи продуктом более тысячелетнего языкового влияния, ГП в СНЛЯ функционирует синхронно на 53,43% как собственный ресурс немецкого литературного идиома и как надстройка латинского наследия: галльские заимствования дополняют возможности, созданные латинизмами (*disponent* (лат.) → *disponieren* (лат.) → *disponiert* (лат.) → *disponibel* (фр.)), и создают основу для новых образований гибридного характера, например: *die Disponibilität* (лат. → фр. → нем.).

Средний показатель ассимиляции ЛЕ ГП в составе СНЛЯ, определённый путём выделения способностей заимствованных галльских единиц к словосложению, отражает динамический характер развития системы самого ЯР и его конститuentов. Условием определения индекса ассимиляции ЛЕ ГП выступало исключение имён собственных в качестве любых элементов композитов в силу возможного окказионального характера такого словообразования. Безусловно, сочетаемость с онимами свидетельствует об усвоенности тех или иных единиц галльского происхождения в системе СНЛЯ, однако не позволяет делать выводы в отношении системности и регулярности таких образований. Тем не менее анализ лексического наполнения и в особенности его ономастического сегмента показал, что сочетаемость галлицизмов с именами собственными различной генетики достаточно высока.

Генетически ГП складывается более чем на 70% из романских основ, что, однако, не мешает галльскому сегменту взаимодействовать с гетерогенными основами из других ЯИ в словарном составе СНЛЯ.

Исследование природы галльских псевдозаимствований подтверждает выводы многих исследователей о том, что наличие в ГП апостериорных дериватов, составляющих 2,45% его лексического наполнения, сопряжено со словообразовательными механизмами ЯР и не связано с самим процессом заимствования, ср. псевдолатинизмы, псевдогельветизмы, псевдоитальянизмы, псевдоанглицизмы в лексической системе СНЛЯ.

Изучение особенностей гетерогенных пластов лексики в составе немецкого литературного языка доказывает, что принципом его развития является гибридизация собственных ресурсов, выступающая зало-

гом необходимой перестройки системы ЯР в условиях постоянно изменяющейся германской историко-культурной среды.

Перспективы дальнейших изысканий и использования выводов и результатов проведённого исследования могут быть связаны с изучением галльских заимствований XXI в. в традиционных или новых аспектах, явления псевдозаимствования (апостериорной деривации) в системе немецкого литературного языка как на основе галльского, так и других заимствованных пластов (например, итальянского, английского), вопросов гибридизации составов современных литературных языков, тенденций развития и изменения их систем, сопряжённых с проблемами языковой эволюции, в том числе в условиях глобализации.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов Б.А. Немецкий язык [Текст] / Б.А. Абрамов, Н.Н. Семенюк // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. 2-е репр. изд. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 329–330.
- Аккуратова И.Б. Некоторые тенденции в гибридном словосложении современного немецкого языка [Текст] / И.Б. Аккуратова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. № 18–1 (678). С. 7–15.
- Анненкова А.В. К вопросу о заимствовании иностранных слов [Текст] / А.В. Анненкова, О.О. Наумова // Язык для специальных целей: система, функции, среда : сб. науч. статей VI междунар. науч.-практ. конф. (Курск, 14–15 мая 2016 г.). Курск: Изд-во Юго-Западного гос. ун-та, 2016. С. 50–54.
- Аракин В.Д. История английского языка : учеб. пособие [Текст] / В.Д. Аракин. 2-е изд. М.: Физматлит, 2003. 272 с.
- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
- Бабайцева В.В. Переходные конструкции в синтаксисе: конструкции, сочетающие свойства двусоставных и односоставных (безличных именных) предложений [Текст] / В.В. Бабайцева. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. ин-та, 1967. 390 с.
- Бакулина А.С. Иоганн Кристоф Готтшед: жизнь и творчество / А.С. Бакулина // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2006. № 2. С. 41–48.
- Багирова Г.А. Развитие немецкой литературы в период формирования единого национального языка (XVII–XVIII вв.) [Текст] / Г.А. Багирова // Вестник Дагестанского государственного университета. 2013. № 3. С. 72–77.
- Бах А. История немецкого языка [Текст] / А. Бах / пер. с нем. Н.Н. Семенюк. М.: Изд-во иностр. лит., 1956. 344 с.
- Беликов В.И. Социоллингвистика [Текст] / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. М.: Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2001. 439 с.
- Берков В.П. Современные германские языки : учеб. [Текст] / В.П. Берков. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, 2001. 336 с.
- Бец Ю.В. Истоки и особенности антропонимов в немецком языке [Текст] / Ю.В. Бец, В.А. Корскова // Актуальные вопросы науки и практики XXI в. : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Ниж-

- невартовск, 21–22 декабря 2015 г.) / отв. ред. Е.С. Овечкина. Нижневартовск: Наука и практика, 2016. С. 86–90.
- Борискина О.О. Национально-специфическое языковое сознание и заимствованное слово [Текст] / О.О. Борискина // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. С. 406–410.
- Бударина Т.А. Сферы употребления и семантика сложнопричастных соединений современного немецкого языка [Текст] / Т.А. Бударина // Гуманитарные исследования. 2014. № 1(49). С. 19–24.
- Булыгина Т.В. Пражская лингвистическая школа [Текст] / Т.В. Булыгина // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. 2-е репр. изд. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 390–391.
- Вахницкая Н.И. Заимствование как источник создания синонимии неологизмов (на материале словаря неологизмов 90-х годов XX века) [Текст] / Н.И. Вахницкая // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2012. № 2 (18). С. 61–69.
- Веренич Т.К. Деэкзотизация современных заимствований в русском научно-лингвистическом и обыденном языковом сознании [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 22 с.
- Виноградов В.А. Языковая ситуация [Текст] / В.А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. 2-е репр. изд. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 616–617.
- Вишневская Г.М. Билингвизм и его аспекты : учеб. пособие / Г.М. Вишневская. Иваново: Издательство Ивановского государственного университета, 1997. 99 с.
- Волкова Т.И. Тенденции в процессе ассимиляции иноязычной лексики в современном немецком языке [Текст] / Т.И. Волкова // Учёные записки Забайкальского государственного университета. 2014. № 2. С. 75–83.
- Воробьёва Е.А. Историческое становление и развитие немецкого литературного языка [Текст] / Е.А. Воробьёва // Панорама. 2016. № 23. С. 105–111.
- Воронцова Ю.А. Природа языковых норм [Текст] / Ю.А. Воронцова // Актуальные научные исследования в современном мире. 2017. № 1–5 (21). С. 37–41.
- Гарипова Э.Р. Роль и значение заимствований в немецком языке из французского языка в реализации межкультурной коммуникации [Текст] / Э.Р. Гарипова, Т.И. Жаркова // Стратегия устойчивого развития в исследованиях молодых учёных : сб. ст. и докл.

- ХIII междунар. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов и аспирантов (Челябинск, 14 февраля 2017 г.) / под ред. А.А. Якушева и др. М.: Перо, 2017. С. 551–553.
- Гатилова А.К. Изменения в немецком языке в средневерхненемецкий период (1150–1350 гг.) [Текст] / А.К. Гатилова // Вестник Московского государственного областного университета. 2017. № 1. С. 1–7.
- Геранина И.Н. О термине «заимствование» [Текст] / И.Н. Геранина // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2008. № 6 (10). С. 101–103.
- Гестрих А. Краткая история Германии [Текст] / А. Гестрих, У. Дирльмайер, К. Клесманн, Ю. Ройлеке ; пер. с нем. К.В. Тимофеевой. СПб.: Евразия, 2008. 542 с.
- Глизерина Л.М. Культурные миры в средневековом рыцарском романе [Текст] / Л.М. Глизерина // Модернизация системы образования в области международных отношений, иностранных языков, связей с общественностью, документоведения и менеджмента : материалы регион. науч.-практ. конф. по итогам науч.-исслед. работы за 2011 год (Йошкар-Ола, 03 февраля 2012 г.) / под общ. ред. З.Г. Зориной. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского гос. ун-та, 2012. С. 47–51.
- Готлан Ю.А. Французские заимствования в немецкий язык со значением «чистый» [Текст] / Ю.А. Готлан // Язык и культура. 2013. № 4(24). С. 5–13.
- Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма: На материале современного русского языка [Текст] / К.С. Горбачевич / отв. ред. Ф.П. Филин. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 240 с.
- Графкова Т.С. Словообразовательное калькирование заимствованных слов с конфиксом как источник синонимии в немецком языке [Текст] / Т.С. Графкова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. № 3–1. С. 121–128.
- Гринёв-Гриневиц С.В. Терминоведение: учебное пособие [Текст] / С.В. Гринёв-Гриневиц. М.: Академия, 2008. 304 с.
- Груенко С.Е. Французские заимствования области моды в культуре и языке Германии (на примере эпохи Средневековья) / С.Е. Груенко // Омский научный вестник. 2011. № 6(102). С. 130–134.
- Груенко С.Е. Ассимиляция французских заимствований в области моды в культуре и языке Германии [Текст] / С.Е. Груенко // Омский научный вестник. 2014. № 4(131). С. 83–86.
- Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке [Текст] / Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс. М.: Просвещение, 1969. 184 с.

- Гух Ж.К. К интерпретации причастия II как знака завершённости в немецком языке [Текст] / Ж.К. Гух // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7–1 (18). С. 81–84.
- Гухман М.М. Литературный язык [Текст] / М.М. Гухман // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970. С. 502–548.
- Гухман М.М. История немецкого литературного языка IX–XV вв. [Текст] / М.М. Гухман, Н.Н. Семенюк. М.: Наука, 1983. 200 с.
- Дзенс Н.И. Романские заимствования тематической группы «воинский доспех» в немецком языке [Текст] / Н.И. Дзенс, Т.М. Пристинская, Е.В. Шерстюкова, Е.В. Толстолуцкая // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2016. № 14(235). С. 35–38.
- Добросклонская Т.Г. Лингвокультурная глобализация как фактор развития современных языков [Текст] / Т.Г. Добросклонская // Язык и культура в эпоху глобализации : сб. науч. тр. по материалам второй междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 26 марта 2015 г.): в 2 ч. СПб.: Изд-во СПб. гос. экон. ун-та, 2015. Ч. 1. С. 36–44.
- Долгенко А.Н. Глобализмы как проблема интерлингвистики и русистики / А.Н. Долгенко, М.С. Косырева // Вестник Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (106). С. 105–110.
- Дудырева А.А. Семантическая трансформация норманнско-французских заимствований [Текст] / А.А. Дудырева // Вестник педагогического опыта. 2006. № 26. С. 15–16.
- Евтихова И.М. Заимствования в современном немецком языке [Текст] / И.М. Евтихова, А.В. Лебедева // Учёные записки Крымского инженерно-педагогического университета. 2015. № 2. С. 12–15.
- Елистратов В.С. Глобализация и национальный язык [Текст] / В.С. Елистратов // Вестник Московского университета. 2006. № 4. С. 21–28.
- Жирмунский В.М. История немецкого языка [Текст] / В.М. Жирмунский. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во литературы на иностр. яз., 1948. 300 с.
- Жукова Н.С. Явление супплетивизма и гетеронимии в морфологии глагола современного немецкого языка [Текст] / Н.С. Жукова // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 4 (55). С. 58–66.
- Заиченко Е.В. Теоретическая интерпретация причастия второго в современном немецком языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Заиченко. Пятигорск, 2005. 20 с.

- Захватаева К.С. Заимствование как аспект неогенеза [Текст] / К.С. Захватаева // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1(65). С. 118–123.
- Зеленин А.В. Типология лексических заимствований в эмигрантской прессе (1919–1939) [Текст] / А.В. Зеленин // Вопросы языкознания. 2008. № 1. С. 85–120.
- Зимакова Е.С. Исторические тенденции развития немецкого языка [Текст] / Е.С. Зимакова // Наука в современном обществе: закономерности и тенденции развития : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. (Магнитогорск, 08 апреля 2016 г.) : в 2 ч. Уфа: МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2016. Ч. 1. С. 137–140.
- Иванов А.В. Заимствования в терминосистемах фонетики и метрики германских языков (на материале английского и немецкого языков) [Текст] / А.В. Иванов // Когнитивные исследования языка. 2013. № 13. С. 864–874.
- Иванова Д.А. Явление паронимии в немецком языке (на примере прилагательных с суффиксами *-ig* / *-lich*) [Текст] / Д.А. Иванова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7–2. С. 80–83.
- Иванова Т.К. Терминосистема сопоставительного словосложения русского, немецкого и английского языков [Текст] / Т.К. Иванова, Н.В. Аржанцева // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 2 (256). С. 30–37.
- Инжечик А.А. Заимствование в политической терминологии немецкого языка [Текст] / А.А. Инжечик // Омские социально-гуманитарные чтения – 2016 : материалы IX междунар. науч.-практ. конф. (19–21 апреля 2016 г.). Омск: Изд-во Омск. гос. техн. ун-та, 2016. С. 368–373.
- Кабакчи В.В. Лексикография словаря ксенонимов [Текст] / В.В. Кабакчи, К.А. Егорова // Язык и культура в эпоху глобализации : сб. науч. тр. по материалам второй междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 26 марта 2015 г.) : в 2 ч. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2015. Ч. 1. С. 56–63.
- Какзанова Е.М. Интернациональные эпонимы антропонимического содержания [Текст] / Е.М. Какзанова // Язык и культура в эпоху глобализации: сборник научных трудов по материалам второй международной научной конференции (Санкт-Петербург, 26 марта 2015 г.) : в 2 ч. СПб.: Изд-во СПб. гос. эконом. ун-та, 2015. Ч. 1. С. 182–190.

- Канеева А.В. Морфологическая ассимиляция заимствованной терминологии (на примере терминологических единиц, заимствованных из французского языка) [Текст] / А.В. Канеева // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2015. № 2. С. 72–76.
- Каримова М. Заимствования – главный источник омонимизации лексики [Текст] / М. Каримова // Учёные записки Худжанского государственного университета им. академика Б. Гафурова. 2012. № 2 (30). С. 76–82.
- Каплина М.М., Жезлова С.А. К истории языковых и культурных контактов Франции и Германии [Текст] / М.М. Каплина, С.А. Жезлова // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 3(22). С. 192–194.
- Кашеева А.В. Квантитативные и качественные методы исследования в прикладной лингвистике [Текст] / А.В. Кашеева // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 3(049). С. 155–162.
- Клычкова И.Ю. Структура, семантика и прагматика причастий в научно-популярном дискурсе [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.Ю. Клычкова. М., 2013. 25 с.
- Клюева Т.В. О стилистических функциях заимствований в немецкой художественной литературе [Текст] / Т.В. Клюева // Stephanos. 2015. № 3 (11). С. 167–176.
- Княжевич Д.И. К вопросу об интернационализмах французского происхождения в немецком языке (морфологический аспект) [Текст] / Д.И. Княжевич // Многоязычие в образовательном пространстве : сб. ст. Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 2012. С. 33–37.
- Кобенко Ю.В. Deutsche Homonyme : учеб.-метод. пособие [Текст] / Ю.В. Кобенко. Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2006. 81 с.
- Кобенко Ю.В. Языковая ситуация в ФРГ: американизация и экзогlossные тенденции [Текст] / Ю.В. Кобенко. Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2014. 360 с.
- Кобенко Ю.В. Экстралингвистический детерминизм природы псевдозаимствования [Текст] / Ю.В. Кобенко // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. № 1 (11). С. 29–35.
- Кобенко Ю.В. Язык и среда. Опыт систематизации данных междисциплинарных исследований [Текст] / Ю.В. Кобенко. Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2017. 214 с.
- Кожевникова Е.И. Ассимиляция новейших англицизмов во французском узусе и галлицизмов – в английском [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.И. Кожевникова. Пятигорск, 2011. 25 с.

- Кокова А.В. Формирование немецкого газетно-публицистического стиля в XIX столетии (информативная функция) [Текст] / А.В. Кокова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11–1. С. 105–107.
- Колесникова М.С. Фонетические варианты иноязычного слова и их кодификация в современном немецком литературном языке [Текст] / М.С. Колесникова // Вариативность в фонетической системе языка : межвуз. сб. науч. тр. Вологда: Изд-во Вологод. гос. пед. ин-та, 1987. С. 65–74.
- Колесниченко И.И. Источники пополнения сниженной лексики немецкого языка [Текст] / И.И. Колесниченко // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2011. № 1. С. 72–75.
- Коломейцева Е.Б. Понятийный аппарат «чужой» лексики [Текст] / Е.Б. Коломейцева // Гуманитарный вектор. 2013. № 4(36). С. 65–69.
- Кондаков Д.А. Франкофония в XVIII–XIX веках: литературные, исторические и культурные перспективы. Обзор международной конференции (Париж, 29–30 апреля 2011 г.) [Текст] / Д.А. Кондаков // Вестник Полоцкого государственного университета. 2011. № 10. С. 104–108.
- Кондакова М.Ф. Испано-французские языковые контакты: Сферы и динамика проникновения испанских контактных элементов во французский язык [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.В. Кондакова. Екатеринбург, 2003. 22 с.
- Конева Е.А. Паронимия – паронимазия – паронимическая аттракция: трактовка понятий [Текст] / Е.А. Конева // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2016. № 2 (21). С. 39–43.
- Копач О.И. Ономастологический анализ микропонимки / О.И. Копач // Граматычны лад беларускай мовы. Шляхі гістарычнага развіцця і сучасныя тэндэнцыі: матэрыялы міжнароднай канферэнцыі (Мінск, 29–30 кастрычніка 2007 г.). Мінск: Права і эканоміка, 2007. С. 267–270.
- Копырина М.В. Об исторической роли латыни в формировании и развитии французского языка [Текст] / М.В. Копырина // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2013. № 3 (19). С. 15–20.
- Корнилова Л.Е. Восточноазиатские ксенонимы в немецком языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Е. Корнилова. М., 2010. 25 с.
- Костерина Ю.Е. Лингвистические и экстралингвистические особенности англоязычной терминологии физики низкоразмерных систем [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.Е. Костерина. Уфа, 2017. 24 с.

- Косицкая Ф.Л. Французский гастрономический дискурс и его жанровая палитра [Текст] / Ф.Л. Косицкая, И.Е. Зайцева // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (167). С. 25–30.
- Крысин Л.П. Проблема социальной дифференциации языка в современной лингвистике [Текст] / Л.П. Крысин // Социолингвистика вчера и сегодня : сб. науч. тр. М.: Изд-во Ин-та науч. информации по общественным наукам РАН, 2008. С. 72–89.
- Кузнецов А.В. Языковые барьеры в Европейском Союзе [Текст] / А.В. Кузнецов // Человеческое измерение мировой экономики и политики (Мировое развитие. Вып. 9) / под ред. Ф.Г. Войтоловского, Ю.Д. Квашнина, А.В. Кузнецова, Н.В. Тогановой, С.В. Уткина. М.: Изд-во Ин-та мировой экономики и международных отношений РАН, 2013. С. 100–109.
- Кузнецов В.Г. Interférence linguistique: le substrat celtique et le superstrat francique dans la langue française [Текст] / В.Г. Кузнецов // Романское культурное и языковое наследие: история и современность : материалы междунар. науч. конф. (Москва, 21–22 июня 2016 г.) / отв. ред. И.В. Скуратов. М.: Изд-во Моск. гос. обл. ун-та, 2016. С. 63–69.
- Кузьмич Н.Г. Отражение геллвецизмов в немецких словарях [Текст] / Н.Г. Кузьмич // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2014. № 28. С. 119–127.
- Кулькова М.А. Гетерогенные явления в паремиологической системе немецкого языка: системно-функциональный аспект изучения [Текст] / М.А. Кулькова // Филология и культура. 2013. № 1 (31). С. 71–75.
- Лазебная Е.М. Явление вариативности в процессе заимствования / [Текст] Е.М. Лазебная // Явление вариативности в языке: материалы всероссийской конференции (Кемерово, 13–15 декабря 1994 г.). Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 220–226.
- Лаптева Е.А. Медицинские термины не греко-латинского происхождения [Текст] / Е.А. Лаптева // Philology. 2016. № 3 (3). С. 123–125.
- Лобанова Л.П. Немецкая грамматика в условиях языковой глобализации [Текст] / Л.П. Лобанова // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 21. С. 98–105.
- Лобанова И.В. Акцентные нормы современного немецкого языка: проблемы вариантности / И.В. Лобанова // Вестник Костромского государственного университета им Н.А. Некрасова. 2010. № 4. С. 127–131.

- Лобанова И.В. Рекомендации по произношению иностранных слов в немецком орфоэпическом словаре под редакцией Г. Креха [Текст] / И.В. Лобанова // Известия высших учебных заведений. 2013. № 2. С. 117–120.
- Ломтева Т.Н. Язык немецких СМИ как кодифицированная литературная норма в социокультурной динамике [Текст] / Т.Н. Ломтева, Л.Т. Борлакова // Медиа- и межкультурная коммуникация в европейском контексте : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Ставрополь, 15–18 октября 2014 г.). Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказ. федерал. ун-та и Ин-та социально-эконом. и гуманитар. исследований Южного научного центра РАН, 2014. С. 237–239.
- Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов [Текст] / Д.С. Лотте. М.: Наука, 1982. 154 с.
- Луконина А.В. Заимствование и пуризм: ретроспективный анализ [Текст] / А.В. Луконина, А.В. Агеева // Актуальные проблемы романских языков и современные методы их преподавания : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 22–23 октября 2015 г.) / под ред. В.Н. Васильевой. Казань: Вестфалика, 2015. С. 104–109.
- Майорова В.С. Лексическое калькирование в современном немецком языке [Текст] / В.С. Майорова // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. 2009. № 11. С. 69–76.
- Малинина И.И. Влияние латинского языка на развитие европейских языков [Текст] / И.И. Малинина // Вопросы филологических наук. 2011. № 4. С. 47–52.
- Маринова Е.В. Проблема этимологической интерпретации слов-гибридов (на материале современного русского языка) [Текст] / Е.В. Маринова // Вестник Российского университета дружбы народов. 2008. № 4. С. 75–82.
- Маринова Е.В. Современное состояние проблемы «своё vs. чужое» в отечественной лексикографии [Текст] / Е.В. Маринова // Научный диалог. 2012. № 8. С. 59–70.
- Маринова Е.В. Латинское наследие и современные заимствования [Текст] / Е.В. Маринова // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : материалы XIII конгресса Междунар. некоммерческого партнёрства преподавателей рус. яз. и лит. (Гранада, 13–20 сентября 2015 г.). СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 143–147.
- Маринова Е.В. Терминологические обозначения иноязычных слов различных типов и проблема классификации [Текст] / Е.В. Маринова //

- Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 4 (386). С. 117–120.
- Матвеев А.К. Ономастика и ономатология: терминологический этюд / А.К. Матвеев // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 5–10.
- Мирошниченко Л.Н. Факторы заимствования в спортивную терминологию немецкого языка [Текст] / Л.Н. Мирошниченко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2013. № 6 (17). С. 95–100.
- Митрофанова Л.А. Итальянизмы и псевдоитальянизмы тематической группы «национальная кухня» в современном немецком литературном языке [Текст] / Л.А. Митрофанова // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. № 2–4. С. 956–959.
- Морген Н. О современном состоянии Нового немецкого правописания [Текст] / Н. Морген // Вестник Воронежского государственного университета. 2005. № 2. С. 20–29.
- Москалюк Л.И. Заимствования из русского языка в сфере кулинарии в островных немецких диалектах [Текст] / Л.И. Москалюк, Г.С. Москалюк // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. № 3. С. 187–196.
- Москальская О.И. Грамматика немецкого языка (теоретический курс). Морфология : учеб. для вузов [Текст] / О.И. Москальская. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. 394 с.
- Москальская О.И. История немецкого языка : учеб. пособие [Текст] / О.И. Москальская. Л.: Гос. уч.-пед. изд-во министерства просвещения РСФСР. Ленинградское отделение, 1959. 392 с.
- Мурясов Р.З. Заимствования в немецком языке СМИ [Текст] / Р.З. Мурясов, Н.Х. Нургалиева // Вестник Башкирского университета. 2012. № 1 (1). С. 547–548.
- Мухин С.В. Соотношение понятий ассимиляции и натурализации заимствований // Теория и практика лексикологических исследований: Вестник МГЛУ. 2007. № 532. С. 140–149.
- Наумов В.В. Вариативность фонемной структуры иноязычной лексики в современном немецком языке [Текст] / В.В. Наумов // Вариативность в фонетической системе языка : межвуз. сб. науч. тр. Вологда: Изд-во Вологод. гос. пед. ин-та, 1987. С. 50–57.
- Нефёдова Л.А. О функционировании экзотизмов в современном немецком языке [Текст] / Л.А. Нефёдова // Язык в мультикультурном мире : материалы междунар. конф. / отв. ред. О.А. Кострова. Самара: СамГПУ, 1999. С. 107–108.

- Нефёдова Л.А. Псевдозаимствования в современном немецком языке: проблема презентации в толковом словаре [Текст] / Л.А. Нефёдова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 1 (19). С. 121–123.
- Нефёдова Л.А. Явление, обратное калькированию англицизмов, в лексике современного немецкого языка [Текст] / Л.А. Нефёдова // Наука и школа. 2013. № 2. С. 67–70.
- Нечаева И.В. Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований / И.В. Нечаева. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. 168 с.
- Никитченко Е.П. Когнитивная специфика псевдозаимствования как способа образования окказионализмов [Текст] / Е.П. Никитченко // Записки з романно-германської філології. 2016. № 1 (36). С. 116–122.
- Никольский Л.Б. Синхронная социолингвистика (теория и проблемы) [Текст] / Л.Б. Никольский. М.: Наука, 1976. 166 с.
- Новикова С.Ю. Арабские заимствования в немецком языке [Текст] / С.Ю. Новикова, В.В. Степанова, О.Н. Фёдорова // Электронный научный журнал. 2016. № 3 (6). С. 172–175.
- Ольшанский И.Г. Лексикология современного немецкого языка [Текст] / И.Г. Ольшанский, А.Е. Гусева. М.: Академия, 2005. 416 с.
- Овсянникова Е.В. Гибридизация английского языка как проблема перевода [Текст] / Е.В. Овсянникова // Вісник Сумського державного університету. Сер. Філологічні науки. 2004. № 4 (63). С. 93–97.
- Парфиненко А.А. Заимствование иноязычных элементов как фактор развития языковой вариантности (на материале английского и французского языков) [Текст] / А.А. Парфиненко // Вестник Московского государственного областного университета. 2016. № 6. С. 95–100.
- Пискарёва А.А. Развитие многоязычия в европейском Союзе в контексте глобализации [Текст] / А.А. Пискарёва // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 3 (24). С. 79–83.
- Плоцкая Ю.В. К вопросу о галлицизмах в немецкой стоматологической терминологии [Текст] / Ю.В. Плоцкая, Г.Г. Бабалова // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 28 марта 2014 г.). Омск: Изд-во Омской юридической академии, 2014. С. 152–156.
- Полянская Л.П. Особенности лексического состава французского языка [Текст] / Л.П. Полянская // Актуальные проблемы филоло-

- гии и методики преподавания иностранных языков. 2014. № 8. С. 56–63.
- Порохницкая Л.В. Языковые контакты как источник эвфемизмов в языковой системе [Текст] / Л.В. Порохницкая // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. № 24 (603). С. 111–125.
- Резунова М.В. Статус причастия в грамматической системе [Текст] / М.В. Резунова // Научный альманах. 2016. № 3–4 (17). С. 326–330.
- Реформатский А.А. Введение в языкознание [Текст] / А.А. Реформатский / под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
- Родионова О.С. Специфика слоговой и акцентной структуры слов в современном немецком языке [Текст] / О.С. Родионова, Н.В. Абрамова // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 1 (50). С. 295–297.
- Розен Е.В. Немецкая лексика: история и современность [Текст] / Е.В. Розен. М.: Высшая школа, 1991. 97 с.
- Романов А.А. Quo vadis, Deutsch? Разговор с изучающим современный немецкий язык [Текст] / А.А. Романов, О.Н. Морозова, С.Э. Носкова. Тверь: Агросфера, 2007. 222 с.
- Рубанюк Э.В. Функционирование цветообозначений в системе современного немецкого языка (на материале немецких рекламных каталогов) [Текст] / Э.В. Рубанюк // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. 2013. № 1. С. 38–43.
- Рублёва О.Л. Лексикология современного русского языка [Текст] / О.Л. Рублёва. Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2004. 255 с.
- Руссу А.Н. Вариантность слова в немецком обиходно-разговорном языке [Текст] / А.Н. Руссу // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 23 (352). С. 64–69.
- Рящина М.Э. Языковая мода и некоторые словообразовательные модели [Текст] / М.Э. Рящина // Иностранные языки в школе. 2013. № 2 (25). С. 73–77.
- Савченко Г.К. Иноязычные заимствования в немецком языке середины XVIII века (на материале дневников И.Я. Лерхе) [Текст] / Г.К. Савченко // Crede experto: транспорт, общество, образование, язык. 2014. № 2. С. 370–383.
- Семенюк Н.Н. Формирование литературных норм и типы кодификационных процессов [Текст] / Н.Н. Семенюк // Языковая норма: ти-

- пология нормализационных процессов. М.: Изд-во Ин-та языкознания РАН, 1996. С. 23–44.
- Сергеев М.Л. Комментарий к списку «галльских» слов в «Митридате» К. Гесснера (Fol. 20V.) [Текст] / М.Л. Сергеев // Acta Linguistica Petropolitana : тр. Ин-та лингвистич. исследований. 2011. № 1 (7). С. 386–408.
- Синицина Н.Н. Новые заимствования в русском и немецком языках: происхождение и тематическое разнообразие [Текст] / Н.Н. Синицина // Вестник Полоцкого государственного университета. 2014. № 10. С. 108–115.
- Сквородников А.П. Лингвистическая экология: проблемы становления [Текст] / А.П. Сквородников // Филологические науки. 1996. № 2. С. 42–49.
- Солнцев Е.М. Французский язык в современном мире (научно-аналитический обзор) [Текст] / Е.М. Солнцев // Языковая ситуация в Европе начала XXI века: сборник обзоров. М.: Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН, 2015. С. 136–145.
- Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики [Текст] / Ю.С. Степанов. 2-е изд. М.: УРСС, 2001. 312 с.
- Степанова М.Д. Лексикология современного немецкого языка : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. 256 с.
- Стрекалёва Т.В. Морфологическая ассимиляция галлицизмов в современном русском языке [Текст] / Т.В. Стрекалёва // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М.Ф. Решетнёва. 2006. № 1 (8). С. 149–153.
- Сухенко В.Г. «Язык времени» и «время языка» [Текст] / В.Г. Сухенко // Язык и культура в эпоху глобализации : сб. науч. тр. по материалам второй междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 26 марта 2015 г.): в 2 ч. СПб.: Изд-во СПб. гос. эконом. ун-та, 2015. Ч. 1. С. 244–251.
- Талецкая Т.Н. Галлицизмы и их ассимиляция в немецком языке [Текст] / Т.Н. Талецкая, М.А. Костюкевич // Вестник Мозырского государственного педагогического университета им. И.П. Шамякина. 2015. № 1 (45). С. 135–140.
- Темирова Л.Н. Пуристические тенденции в процессе развития немецкого языка [Текст] / Л.Н. Темирова // Филологический журнал. 2011. № 1 (18). С. 68–70.
- Титова Е.А. Изменения в немецкой орфографии как результат экспансии фонематического принципа письма [Текст] / Е.А. Титова //

- Вестник Амурского государственного университета. 2009. № 44. С. 122–124.
- Торов Я.В. Языковая гибридизация как результат культурной диффузии [Текст] / Я.В. Торов // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования : сб. науч. ст. междунар. конф. (Барнаул, 20–24 октября 2015 г.). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. С. 2946–2950.
- Трошина Н.Н. Немецкий язык в эпоху глобализации [Текст] / Н.Н. Трошина, М.Б. Раренко // Человек: образ и сущность. 2005. № 1. С. 131–164.
- Фадеева А.В. Из истории немецкого письменного языка [Текст] / А.В. Фадеева // Вестник Московского государственного областного университета. 2010. № 1. С. 195–199.
- Фадеева А.В. Написание удвоенных согласных в немецкой орфографии [Текст] / А.В. Фадеева // Вестник московского государственного областного университета. 2011. № 5. С. 168–175.
- Фельде О.В. Галлицизмы [Текст] / О.В. Фельде // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник. Электронное издание / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального ун-та, 2014. С. 89–90.
- Филичева Н.И. Немецкий литературный язык [Текст] / Н.И. Филичева. М.: Высшая школа, 1992. 176 с.
- Халевина С.Н. Формирование немецкого литературного языка [Текст] / С.Н. Халевина // Вестник Московского государственного областного университета. 2009. № 1. С. 194–198.
- Халевина С.Н. Динамика немецкой произносительной нормы в историческом аспекте [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.Н. Халевина. М., 2011. 23 с.
- Цыганков А.С. Смысловый генезис слова Ritter в средневерхненемецком языке XII–XIII вв. [Текст] / А.С. Цыганков // Litera. 2015. № 2. С. 59–70.
- Черкасова А.П. Пути заимствования арабской лексики во французский язык. Особенности семантического развития [Текст] / А.П. Черкасова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6–1 (24). С. 211–213.
- Чеснокова И.Д. Семантические изменения в процессе ассимиляции галлицизмов [Текст] / И.Д. Чеснокова // Грани познания. 2014. № 5 (32). С. 100–104.

- Чигашева М.А. Специфика процесса заимствования в немецком языке [Текст] М.А. Чигашева // Филологические науки в МГИМО : сб. науч. тр. М.: Изд-во Моск. гос. ин-та междунар. отношений, 2005. С. 91–99.
- Шемчук Ю.М. Заимствование как проявление гетерогенности и следствие лингвотолерантности [Текст] / Ю.М. Шемчук // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6–1(24). С. 213–215.
- Шендельс Е.И. Практическая грамматика немецкого языка: Для I–III курсов институтов и факультетов иностранных языков : учеб. [Текст] / Е.И. Шендельс. 2-е изд., испр. М. : Высшая школа, 1982. 400 с.
- Шишигин К.А. Гибридизация системы языка (на примере идишских глаголов с префиксом tsu-) [Текст] / К.А. Шишигин // Вестник Кемеровского государственного института культуры. 2014. № 29. С. 111–116.
- Шмелёва Т.В. Ономастика : учеб. пособие [Текст] / Т.В. Шмелёва. Славянск-на-Кубани: Издательский центр филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани, 2013. 161 с.
- Штезель М.Д. История немецкой литературы. От истоков до середины 19 века [Текст] / М.Д. Штезель. М.: Высшая школа, 1974. 344 с.
- Щитова О.Г. Функционально-стилевая миграция заимствований как один из критериев их ассимиляции в языке-реципиенте [Текст] / О.Г. Щитова // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 102–108.
- Юргенс И.Г. Французские заимствования в немецком языке (на примере прилагательных) [Текст] / И.Г. Юргенс // Учёные записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2016. № 2 (6). С. 1–4.
- Яковлева Э.Б. История нормализаторской деятельности немецких фонетистов (Новый орфоэпический словарь немецкого языка: авторы Э.М. Крех, Э. Шток, У. Хиршфельд, Л.К. Андерс, 2009) [Текст] / Э.Б. Яковлева // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2012. № 3–2(94). С. 81–87.
- Якубинский Л.П. Язык и его функционирование / Л.П. Якубинский. М.: Наука, 1986. 206 с.
- Ярцева В.Н. Развитие национального литературного английского языка [Текст] / В.Н. Ярцева. 2-е изд., испр. М.: Наука, 2004. 288 с.
- Bär J.A. Deutsch im Jahr 2000. Eine sprachhistorische Standortbestimmung [Text] / J.A. Bär // Die deutsche Sprache zur Jahrtausendwende. Sprachkultur oder Sprachverfall? Thema: Deutsch. Bd. 1. / Hrsg. von K. Eich-

- hoff-Cyrus, R. Hoberg. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2000. S. 9–34.
- Berner E. Einleitung II – linguistische Perspektiven [Text] / E. Berner // Sprachwandel und Entwicklungstendenzen als Themen im Deutschunterricht: fachliche Grundlagen – Unterrichts Anregungen – Unterrichtsmaterialien / Hrsg. von K.-H. Siehr, E. Berner. Potsdam: Universitätsverlag, 2009. S. 15–24.
- Berschin H. Französische Sprachgeschichte. Lateinische Basis. Interne und externe Geschichte. Sprachliche Gliederung Frankreichs. Mit einer Einführung in die historische Sprachwissenschaft [Text] / H. Berschin, J. Felixberger, H. Goebel. München: Hueber Verlag, 1978. 377 s.
- Braun P. Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache: Sprachvarietäten [Text] / P. Braun. 3., erw. Aufl. Stuttgart, Berlin, Köln: Kohlhammer, 1993. 265 s.
- Brinker K. Linguistische Textanalyse: Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden [Text] / K. Brinker // Grundlagen der Germanistik. Bd. 29. 6. überarb. u. erw. Aufl. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2005. 179 S.
- Brunt R.J. The influence of the French Language on the German Vocabulary (1649–1735) [Text] / R.J. Brunt // Studia linguistica Germanica. Berlin; NY: Walter de Gruyter, 1983. Vol. 18. 557 p.
- Bussmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft [Text] / H. Bussmann. 3. erw. Aufl. Stuttgart: Kröner Verlag, 2007. 783 s.
- Donalies E. Die Wortbildung des Deutschen. Ein Überblick [Text] / E. Donalies. 2., überarb. Aufl. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2005. 207 s.
- Donec P.N. Fremdsprache als Hybridsprache [Text] / P.N. Donec // Гетерогенность и гибридизация как предмет изучения в германистике // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. М.: Языки славянской культуры, 2013. Т. 10. С. 251–256.
- Dornseiff F. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen [Text] / F. Dornseiff. 8. völlig neu bearb. Aufl. Berlin; NY: Walter de Gruyter, 2004. 933 s.
- Eisenberg P. Das Fremdwort im Deutschen [Text] / P. Eisenberg. 2., überarb. Aufl. Berlin; NY: Walter de Gruyter, 2012. 456 s.
- Elsen H. Bibliographie Neologismus mit Lehnwortschatz [Text] / H. Elsen. München: LMU, 2011. 145 s.
- Eroms H.-W. Gallizismen in der Konkurrenz zu Anglizismen [Text] / H.-W. Eroms // Grammatische Untersuchungen. Analysen und Reflexionen / E. Breindl, L. Gunkel, B. Strecker (Hrsg.). Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2006. S. 473–492.

- Ferguson C.A. Diglossia [Text] / C.A. Ferguson // Word. N.Y., 1959. Vol. 15. P. 325–340.
- Földes C. Zur Begrifflichkeit von „Sprachenkontakt“ und „Sprachenmischung“ [Text] / C. Földes // Lasatowicz M.K., Joachimsthaler J. (Hrsg.) Assimilation – Abgrenzung – Austausch. Interkulturalität in Sprache und Literatur: Oppelner Beiträge zur Germanistik, Bd. 1. Frankfurt a.M., Berlin, Bern, Bruxelles, NY, Wien: Peter Lang, 1999. S. 3–35.
- Genzmer H. Die deutsche Sprache: Ursprünge, Entwicklung und Wandel [Text] / H. Genzmer. Wiesbaden: Marix Verlag, 2017. 224 s.
- Götze L. Anglizismen im heutigen Deutsch – Droht der deutschen Sprache der Ausverkauf? [Text] / L. Götze // Deutsch 2000. Fremdwörter – NS-Sprache – Deutschunterricht (Sprache und Kultur) / Hrsg. von G. Erlberg, R. Frank, R. Steffens. Aachen: Shaker Verlag, 2000. S. 21–28.
- Götze L. Entwicklungstendenzen in der deutschen Gegenwartssprache – Normen – Deutsch als Fremdsprache [Text] / L. Götze // DaF. Leipzig, 2003. Nr. 3. S. 131–134.
- Greive A. Französische Sprachlehre und Grammatik in Köln um 1600 [Text] / Greive A. // Das Französische in den deutschsprachigen Ländern. Romanistisches Kolloquium VII / Hrsg. von W. Dahmen, G. Holtus, J. Kramer, M. Metzeltin, O. Winkelmann. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1993. S. 171–180.
- Grzega J. Zu den pseudo-englischen Fremdwörtern im Deutschen (und zum Einfluss des Englischen auf das Deutsche generell) [Text] / J. Grzega // Sprachwissenschaft ohne Fachchinesisch. 7 aktuelle Studien für alle Sprachinteressierten (Sprache und Kultur). Aachen: Shaker, 2001. S. 57–70.
- Grzega J. Lexical-Semantic Variables [Text] / J. Grzega / J.M. Hernández-Campoy, J. C. Conde-Silvestre (eds.) // The Handbook of Historical Sociolinguistics. Chichester: John Wiley & Sons, 2012. 704 p.
- Guchmann M.M. Weg zur deutschen Nationalsprache: Teil 1 [Text] / M.M. Guchmann. Berlin: Akademie-Verlag, 1964. 156 s.
- Hardouin-Fugier E. Les étoffes: dictionnaire historique [Text] / E. Hardouin-Fugier, M. Chavent-Fusaro. Paris: Editions de l'amateur, 1994. 419 p.
- Haubrichs W. Germanisch und Romanisch: b) Deutsch/Niederländisch und Romanisch [Text] / W. Haubrichs, M. Pfister // Lexikon der Romanistischen Linguistik. Bd. VII: Kontakt, Migration und Kunstsprachen. Kontrastivität, Klassifikation und Typologie / Hrsg. von G. Holtus, M. Metzeltin, Ch. Schmitt. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1998. S. 245–266.

- Helfrich U. Sprachliche Galanterie?! Französisch-deutsche Sprachmischung als Kennzeichen der Alamodesprache im 17. Jahrhundert [Text] / U. Helfrich // *Das Gallogermanische in Deutschland* / Hrsg. von K. Kramer, O. Winkelmann. Wilhelmsfeld: Gottfried Ebert Verlag, 1990. S. 77–88.
- Henne H. Innere Mehrsprachigkeit im späten 18. Jahrhundert – Argumente für eine pragmatische Sprachgeschichte [Text] / H. Henne // *Mehrsprachigkeit in der deutschen Aufklärung. Studien zum 18. Jahrhundert*. Bd. 5 / Hrsg. von D. Kimpel. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1985. S. 14–27.
- Herberg D. Neologismen in der deutschen Gegenwartssprache. Probleme ihrer Erfassung und Beschreibung [Text] / D. Herberg // *DaF*. Leipzig, 2002. Nr. 4. S. 195–201.
- Höpel T. Deutschlandbilder – Frankreichbilder 1700–1850: Rezeption und Abgrenzung zweier Kulturen [Text] / T. Höpel. Leipzig: Leipziger Uni Verlag, 2001. 315 s.
- Hutterer C.J. Die germanischen Sprachen. Ihre Geschichte in Grundzügen [Text] / C.J. Hutterer. Hamburg: C.H. Beck Verlag, 1985. 543 s.
- Iluk J. Zum Eindeutschungsprozess französischer Fremdwörter [Text] / J. Iluk // *Germania Wratislaviensia*. Wrocław, 1977. Nr. XXIV. S. 3–12.
- Jones W.J. A lexicon of French borrowings in the German vocabulary (1575–1648) [Text] / W.J. Jones // *Studia linguistica Germanica*. Berlin; NY: Walter de Gruyter, 1976. 707 p.
- Keller R.E. Die deutsche Sprache und ihre historische Entwicklung [Text] / R.E. Keller / Hrsg. von K.-H. Mulagk. Hamburg: Buske Verlag, 1995. 641 s.
- Kibler W.W. An introduction to Old French (Introductions to older languages) [Text] / W.W. Kibler. New York: The Modern Language Association of America, 1984. 366 p.
- Kiefner Th. Glaubensflüchtlinge französischer und provenzalischer Sprache in Deutschland (Hugenotten, Wallonen und Waldenser) [Text] / Th. Kiefner // *Das Französische in den deutschsprachigen Ländern. Romanistisches Kolloquium VII* / Hrsg. von W. Dahmen, G. Holtus, J. Kramer, M. Metzeltin, O. Winkelmann. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1993. S. 39–54.
- Kiesel H. Gesellschaft und Literatur im 18. Jahrhundert. Voraussetzungen und Entstehung des literarischen Markts in Deutschland [Text] / H. Kiesel, P. Münch. München: C.H. Beck Verlag, 1991. 245 s.
- Kirkness A. Sprachreinheit und Sprachreinigung in der Spätaufklärung – Die Fremdwortfrage von Adelung bis Campe, vor allem in der Bildungs-

- und Wissenschaftssprache [Text] / A. Kirkness // Mehrsprachigkeit in der deutschen Aufklärung. Studien zum 18. Jahrhundert. Bd. 5 / Hrsg. von D. Kimpel. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1985. S. 85–104.
- Klein W. Von Reichtum und Armut des deutschen Wortschatzes [Text] / W. Klein // Reichtum und Armut der deutschen Sprache. Erster Bericht zur Lage der deutschen Sprache. Berlin; Boston: Mouton de Gruyter, 2013. S. 15–56.
- Kobenko Ju.V. Feste und unfeste Verbzusammensetzungen in der deutschen Gegenwartssprache: ein Studienbuch [Text] / Ju.V. Kobenko. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2008. 50 с.
- Koch P. Sprachgeschichte zwischen Nähe und Distanz: Latein – Französisch – Deutsch [Text] / P. Koch // Nähe und Distanz im Kontext variationslinguistischer Forschung. Linguistik – Impulse & Tendenzen. Bd. 35 / Hrsg. von V. Ágel, M. Hennig. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 2010. S. 155–206.
- Koszyk K. Vorläufer der Massenpresse: Ökonomie und Publizistik zwischen Reformation und Französischer Revolution. Öffentliche Kommunikation im Zeitalter des Feudalismus [Text] / K. Koszyk. München: Goldmann Wilhelm, 1982. 151 s.
- Kowallik S. Zur Typologie französischer Lehnübersetzungen im Deutschen [Text] / S. Kowallik // Das Französische in den deutschsprachigen Ländern. Romanistisches Kolloquium VII / Hrsg. von W. Dahmen, G. Holtus, J. Kramer, M. Metzeltin, O. Winkelmann. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1993. S. 18–24.
- Kramer J. Zur französischen Sprachpolitik im Rheinland [Text] / J. Kramer // Das Gallogermanische in Deutschland / Hrsg. von K. Kramer, O. Winkelmann. Wilhelmsfeld: Gottfried Egert Verlag, 1990. S. 89–102.
- Kramer J. Das Französische in Deutschland. Eine Einführung [Text] / J. Kramer. Stuttgart: Steiner, 1992. 160 s.
- Kratz B. Deutsch-französischer Lehnwortaustausch [Text] / B. Kratz // Wortgeographie und Gesellschaft / Hrsg. von W. Mitzka. Berlin: Walter de Gruyter, 1968. S. 445–487.
- Kupper S. Anglizismen in deutschen und französischen Werbeanzeigen. Zum Umgang von Deutschen und Franzosen mit Anglizismen [Text] / S. Kupper. Marburg: Tectum Verlag, 2003. 275 s.
- Lamprecht K. Deutsche Geschichte. Bd. 2. [Text] / K. Lamprecht. Paderborn: Salzwasser-Verlag, 2013. 416 s.
- Langner H. Entwicklungstendenzen in der deutschen Sprache der Gegenwart. Überblick über wichtige Erscheinungen und Probleme [Text] / H. Langner // Wissenschaftliche Zeitschrift der PH Potsdam. Potsdam, 1980. Nr. 24(5). S. 673–693.

- Mackensen L. Traktat über Fremdwörter [Text] / L. Mackensen. Heidelberg: Quelle & Meyer, 1972. 124 s.
- Mass E. Die französische Presse im Deutschland des 18. Jahrhunderts. Köln, ein unrepräsentatives Beispiel [Text] / E. Mass // Mehrsprachigkeit in der deutschen Aufklärung. Studien zum 18. Jahrhundert. Bd. 5 / Hrsg. von D. Kimpel. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1985. S. 156–177.
- Menzerath P. Die Architektonik des deutschen Wortschatzes [Text] / P. Menzerath. Bonn: F. Dümmler Verlag, 1954. 131 s.
- Müller-Bollhagen E. Überraschungsfrikadelle mit Chicoréegemüse und Folienkartoffel. Zur Frage „Usuelle oder nichtusuelle Wortbildung?“, untersucht an Substantivkomposita in Kochrezepten [Text] / E. Müller-Bollhagen // Studien zur Deutschen Grammatik. Festschrift für Johannes Erben zum 60. Geburtstag / Hrsg. von E. Koller, E. Moser. Innsbruck: Universitätsverlag, 1985. S. 225–237.
- Munske H.H. Ist das Deutsche eine Mischsprache? Zur Stellung der Fremdwörter im deutschen Sprachsystem [Text] / H.H. Munske // Deutscher Wortschatz. Lexikologische Studien. Festschrift L.E. Schmitt / Hrsg. von H.H. Munske u.a. Berlin, N.Y.: Walter de Gruyter, 1988. S. 46–74.
- Munske H.H. Fremdwörter in deutscher Sprachgeschichte: Integration oder Stigmatisierung [Text] / H.H. Munske // Neues und Fremdes im deutschen Wortschatz. Aktueller lexikalischer Wandel. IDS-Jahrbuch 2000 / Hrsg. von G. Stickel. Berlin, N.Y.: Walter de Gruyter, 2001. S. 7–29.
- Munske H.H. Wortschatzwandel im Deutschen [Text] / H.H. Munske // Lexikologie / Lexicology. Ein internationales Handbuch zur Natur und Struktur von Wörtern und Wortschätzen. Bd. 2. / Hrsg. von D.A. Cruse u.a. Berlin, NY: Walter de Gruyter, 2005. S. 1385–1398.
- Nübling D. Historische Sprachwissenschaft des Deutschen: Eine Einführung in die Prinzipien des Sprachwandels [Text] / D. Nübling, A. Damm, J. Duke, R. Szczepaniak. 3. überarb. Aufl. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2010. 299 s.
- Öhmann E. Der romanische Einfluss auf das Deutsche bis zum Ausgang des Mittelalters [Text] / E. Öhmann // Deutsche Wortgeschichte. Bd. 1. 3. Aufl. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1974. S. 323–396.
- Oksaar E. Das Deutsche im Sprachkontakt [Text] / E. Oksaar // Sprachgeschichte / W. Besch, O. Reichmann, S. Sonderegger (Hrsg.). Bd. 2. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1984. S. 846–854.
- Paraschkewow B. Wörter und Namen gleicher Herkunft und Struktur. Lexikon etymologischer Dubletten im Deutschen: Lexikon Etymologischer Dubletten Im Deutschen / B. Paraschkewow. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2004. 437 s.

- Paye C. „Der französischen Sprache mächtig“: Kommunikation im Spannungsfeld von Sprachen und Kulturen im Königreich Westphalen 1807–1813 [Text] / C. Paye // Pariser Historische Studien. Bd. 100. Oldenbourg: Walter de Gruyter, 2013. 600 s.
- Pfister M. Einführung in die romanische Etymologie [Text] / M. Pfister. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1980. 228 s.
- Pfister M. Germanisch und Romanisch: a) Germanisch-romanische Sprachkontakte [Text] / M. Pfister // Lexikon der Romanistischen Linguistik. B.VII: Kontakt, Migration und Kunstsprachen. Kontrastivität, Klassifikation und Typologie / Hrsg. von G. Holtus, M. Metzeltin, Ch. Schmitt. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1998. S. 231–245.
- Polenz P. von. Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart. Bd. 2. [Text] / P. Polenz. 2. Aufl. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2009. 400 s.
- Poplack Sh. Code Switching: Linguistic [Text] / Sh. Poplack // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences / J.D. Wright (ed.). 2nd ed. Oxford: Elsevier, 2015. P. 918–925.
- Rash F.J. French and Italian lexical influences in German-speaking Switzerland (1550–1650) [Text] / F.J. Rash // Studia linguistica Germanica. Vol. 25. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 1989. 423 p.
- Rettig W. Romanismen in nicht romanischen Sprachen: Gallizismen [Text] / W. Rettig // Romanische Sprachgeschichte/ Hrsg. von G. Ernst, M.-D. Gleßgen, Ch. Schmidt, W. Schweickard. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 2006. Bd. 2. S. 1809–1811.
- Reynaud L. Histoire générale de l'influence française en Allemagne [Text] / L. Reynaud. 3e éd. Paris: B. Franklin, 1971. 570 p.
- Riesel E. Stilistik der deutschen Sprache [Text] / E. Riesel. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1959. 468 s.
- Roelcke Th. Geschichte der deutschen Sprache [Text] / Th. Roelcke. München: Verlag C.H. Beck, 2009. 128 s.
- Sayatz U. Von *Denkmälern* und *Denkmalen*, *Balkons* und *Balkonen*, *Anfängen dieses Jahres* und *diesen Jahres*: Die Vermittlung von System, Norm und Variation in der Schule am Beispiel der Nominalflexion [Text] / U. Sayatz // Sprachwandel und Entwicklungstendenzen als Themen im Deutschunterricht: fachliche Grundlagen – Unterrichts Anregungen – Unterrichtsmaterialien / Hrsg. von K.-H. Siehr, E. Berner. Potsdam: Universitätsverlag, 2009. S. 65–82.
- Schäfer W. Von Handys und Erbex. Zur Diskussion um Anglizismen im heutigen Deutsch [Text] / W. Schäfer // Zeitschrift DAF. 2002. Nr. 2. S. 75–81.

- Schildt J. Gedanken zum Problem Homonymie – Polysemie in synchronischer Sicht [Text] / J. Schildt // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. 1969. Nr. 22. S. 352–359.
- Schippan T. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache: ein Studienbuch [Text] / T. Schippan. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1992. 306 s.
- Schlaefer M. Lexikologie und Lexikographie [Text] / M. Schlaefer. 2. durchges. Aufl. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2008. 199 s.
- Schlösser R. Französisches in Berlin [Text] / R. Schlösser // Das Gallogermanische in Deutschland / Hrsg. von K. Kramer, O. Winkelmann. Wilhelmsheld: Gottfried Egert Verlag, 1990. S. 205–215.
- Schmid H.U. Die 101 wichtigsten Fragen: Deutsche Sprache [Text] / H.U. Schmid. München: Verlag C.H. Beck, 2010. 159 s.
- Schmidt W. Geschichte der deutschen Sprache: Ein Lehrbuch für germanistische Studien / W. Schmidt. 9., verb. Aufl. Stuttgart: Hirzel, 2004. 410 s.
- Schmidlin R. Die Vielfalt des Deutschen, Standard und Variation: Gebrauch, Einschätzung und Kodifizierung einer plurizentrischen Sprache [Text] / R. Schmidlin // Studia linguistica Germanica. Berlin; Boston: Mouton de Gruyter, 2011. Nr. 106. 357 s.
- Schmidt J. Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen [Text] / J. Schmidt. Weimar: Böhlau Verlag, 1872. 76 s.
- Schmitz H.-G. Amideutsch oder deutsch? – Zur Geschichte und Aktualität der Fremdwortfrage [Text] / H.-G. Schmitz // Germanistisches Jahrbuch der GUS „Das Wort“, 2002. S. 135–165.
- Schweikle G. Germanisch-deutsche Sprachgeschichte im Überblick [Text] / G. Schweikle. 5. Aufl. Stuttgart; Weimar: J.B. Metzler, 2002. 283 s.
- Schpak-Dolt N. Einführung in die französische Morphologie [Text] / N. Schpak-Dolt. 4. durchges. u. erg. Aufl. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2016. 176 s.
- Spillner B. Französische Grammatik und französischer Fremdsprachenunterricht im 18. Jahrhundert [Text] / B. Spillner // Mehrsprachigkeit in der deutschen Aufklärung. Studien zum 18. Jahrhundert. Bd. 5 / Hrsg. von D. Kimpel. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1985. S. 133–155.
- Tazi R. Arabismen im Deutschen: lexikalische Transferenzen vom Arabischen ins Deutsche [Text] / R. Tazi // Studia linguistica Germanica. Berlin; NY: Walter de Gruyter, 1998. Nr. 47. 416 s.
- Telling R. Französisch im deutschen Wortschatz: Lehn- und Fremdwörter aus acht Jahrhunderten [Text] / R. Telling. Berlin: Volk und Wissen, 1990. 120 s.

- Thiele J. Die Schichtung französischen Wortgutes im Deutschen. Streifzüge durch die Geschichte der deutschen Sprache [Text] / J. Thiele // Das Französische in den deutschsprachigen Ländern. Romanistisches Kolloquium VII / Hrsg. von W. Dahmen, G. Holtus, J. Kramer, M. Metzeltin, O. Winkelmann. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1993. S. 3–17.
- Viereck W. Das Deutsche im Sprachkontakt: Britisches Englisch und Amerikanisches Englisch-Deutsch [Text] / W. Viereck // Sprachgeschichte. Bd. 1 / Hrsg. von W. Besch, O. Reichmann, S. Sonderegger. Berlin, NY: Walter de Gruyter, 1984. S. 938–948.
- Volland B. Französische Entlehnungen im Deutschen: Transferenz und Integration auf phonologischer, graphematischer, morphologischer und lexikalisch-semantischer Ebene [Text] / B. Volland. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1986. 220 s.
- Wexler F. Diglossia, language standardization and purism. Parameters for a typology of literary languages [Text] / F. Wexler // *Lingua*. 1971. Vol. 27, No. 4. P. 26–39.
- Wilke J. Zeitungssprache und Zeitungslexika im 17. und 18. Jahrhundert [Text] / J. Wilke // Mehrsprachigkeit in der deutschen Aufklärung. Studien zum 18. Jahrhundert. Bd. 5 / Hrsg. von D. Kimpel. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1985. S. 69–84.
- Wirsching A. Deutsche Geschichte im 20. Jahrhundert [Text] / A. Wirsching. München: Verlag C.H. Beck, 2011. 128 s.
- Wolf-Bleiß B. Neologismen – Sprachwandel im Bereich der Lexik [Text] / B. Wolf-Bleiß // Sprachwandel und Entwicklungstendenzen als Themen im Deutschunterricht: fachliche Grundlagen – Unterrichts Anregungen – Unterrichtsmaterialien / Hrsg. von K.-H. Siehr, E. Berner. Potsdam: Universitätsverlag, 2009. S. 83–102.
- Wunderlich H. Deutsch-Französische Begegnungen am Rhein 1700–1789 / *Rencontres franco-allemandes dans l'espace rhénan entre 1700 et 1789* // Beiträge zur Geschichte der Literatur und Kunst des 18. Jahrhunderts. Bd. 12. Colloquium der Deutschen Gesellschaft für die Erforschung des 18. Jahrhunderts und der Societe Francaise d'Etude du XVIIIe Siecle (Stadtmuseum Düsseldorf, 1.–3. Oktober 1992). Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1994. 243 s.
- Young Ch. A History of the German Language through Texts [Text] / Ch. Young, Th. Gloning. NY: Routledge, 2004. 416 p.
- Zabel H. Denglisch – nein danke!: Zur inflationären Verwendung von Anglizismen und Amerikanismen in der deutschen Gegenwartssprache [Text] / H. Zabel. Paderborn: IFB-Verlag, 2001. 296 s.

- Zehetner L. „Griaß enk“ oder „Griaßts eich“. Zum Abbau und Ausbau grammatischer Formen im Bairischen [Text] / L. Zehetner // Vom Sturz der Diphthonge: Beiträge zur 7. Arbeitstagung für bayerisch-österreichische Dialektologie in Regensburg (Regensburg, September 1998) / A. Greule, F.X. Scheuerer, L. Zehetner (Hrsg.). Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2000. S. 105–122.
- Zimmer R. Probleme der Übersetzung formbetonter Sprache: einige Beiträge zur Übersetzungskritik [Text] / R. Zimmer // Beihefte zur Zeitschrift für romanische Philologie. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1981. Bd. 181. 298 s.
- Zöfgen E. Polysemie oder Homonymie? Zur Relevanz und Problematik ihrer Unterscheidung in Lexikographie und Textlinguistik [Text] / E. Zöfgen // Lebendige Romania. Festschrift für H.-W. Klein. Göppinger Akademische Beiträge. Bd. 88. Göppingen, 1976. S. 425–464.
- Zollna I. Das Deutsche im Sprachenkontakt – Französisch und Provenzalisch/Deutsch [Text] / I. Zollna // Sprachgeschichte: ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache. Bd. 4. / Hrsg. von W. Besch, O. Reichmann. 2. neu bearb. u. erw. Aufl. Berlin; NY: Walter de Gruyter, 2004. S. 3192–3202.

Электронные публикации в информационной сети «Интернет»

- Кузнецов С.Н. Языковая политика и языковое планирование [Текст] / С.Н. Кузнецов // Языковая политика. 2007. URL: http://genhis.philol.msu.ru/printer_195.shtml (дата обращения: 22.12.2010).
- Мячинская Э.И. Гибридизация русского письма под влиянием английского языка [Текст] / Э.И. Мячинская. СПб., 2006. URL: <http://philarts.spbu.ru/structure/sub-faculties/engl-filolog/etyudy/gibridizatsiya-russkogo-pisma> (дата обращения: 14.12.2010).
- Burkhardt A. Gallizismen statt Anglizismen? [Текст] / A. Burkhardt. Verein für Sprachpflege e. V., 2013. URL: <http://deutschesprachwelt.de/archiv/sprache-in-der-politik.shtml> (дата обращения: 26.08.2017).
- Debrunner A. Moderne Gallizismen und Anglizismen im Deutschen [Текст] / A. Debrunner. Zürich, 2017. URL: <http://www.e-periodica.ch/cntmng?pid=sps-002:1959:15::50> (дата обращения: 18.08.2017).
- Gesellschaft für die deutsche Sprache. Die Einstellung der Deutschen zu Anglizismen und Fremdsprachen: Ergebnisse der Umfrage 2008. URL: <http://www.gfds.de/presse/pressemit-teilungen/130608-einstellung-der->

- deutschen-zur-sprache/einstellung-der-deutschen-zu-anglizismen-und-fremdsprachen (дата обращения: 13.08.2015).
- Götzke M. Sprachen in Gefahr [Text] / M. Götzke, L. Völkel // Deutsche Welle, 2010. URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,5282703,00.html> (дата обращения: 17.03.2016).
- Haspelmath M. Wörter mit Migrationshintergrund [Text] / M. Haspelmath // Tätigkeitsbericht am Max-Planck-Institut für evolutionäre Anthropologie. 2008. URL: http://www.eva.mpg.de/ger-man/press/MPG_JB/jb2009.pdf (дата обращения: 22.12.2016).
- Hower H.-R. Französische Lehn- und Fremdwörter im Schwedischen [Текст] / H.-R. Hower. Germering, 2016. URL: http://www.verbalissimo.com/main/offers/languages/germanic/swedish/d_swedish_french.htm (дата обращения: 15.08.2017).
- Marki E.-M. Integration französischer Entlehnungen in das deutsche Flexionssystem [Текст] / E.-M. Marki // Temeswarer Beiträge zur Germanistik, 5. Bd. / R. Nubert (coord.). Timișoara: Editura Mirton, 2006. URL: www.diacronia.ro/indexing/details/A13170/pdf (дата обращения: 12.08.2017).
- Pinkernell G. Namen, Titel und Daten der französischen Literatur. Ein chronologisches Repertorium wichtiger Autoren und Werke Teil I: 842 bis ca. 1800 [Text] / G. Pinkernell. – Bergische Universität Wuppertal, 2017. URL: <http://www.pinkernell.de/romanistikstudium/Internet1.htm> (дата обращения: 05.08.2017).
- Poendaeva D.S. Structural characteristic of the German-English hybrids of the information security sphere [Text] / D.S. Poendaeva, Yu.V. Kobenko, E.S. Riabova // MATEC Web of Conferences. Vol. 110. London, 2017. Article number 01065. URL: https://www.matec-conferences.org/articles/mateconf/pdf/2017/24/mateconf_hmt2017_01065.pdf (дата обращения: 12.08.2017).
- Schäfer-Prieß B. Typologie der Gallizismen im Deutschen (17.–20. Jahrhundert) [Text] / B. Schäfer-Prieß. München: LMU, 2010. URL: http://bsp-rom.de/attachments/File/WS_09_HS_Kontakt_10_Deutsch_2_pdf (дата обращения: 21.05.2017).
- Schmitz H.-G. Über die Sprachloyalität der Deutschen [Text] / H.-G. Schmitz // VDS. 2009. URL: <http://vds-ev.de/anglizismenindex/texte/sprachloyalitaet.php> (дата обращения 04.09.2013).
- Stickel G. Memorandum: Politik für die deutsche Sprache [Text] / G. Stickel // IDS. 2001 URL: <http://www.ids-mannheim.de/aktuell/sprachpolitik/me010403.html> (дата обращения: 27.12.2016).

Лексикографическая и справочная литература

- Bussmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft [Text] / H. Bussmann. 3. erw. Aufl. Stuttgart: Kröner Verlag, 2007. 783 s.
- Duden. Das Aussprachewörterbuch: Betonung und Aussprache von über 132.000 Wörtern und Namen. 7. Aufl. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2015. S. 896.
- Duden. Das große Fremdwörterbuch. Herkunft und Bedeutung der Fremdwörter. 4. aktualies. Aufl. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2007. S. 1548.
- Duden. Deutsches Universalwörterbuch. 8., überarb. und erw. Aufl. Mannheim, Zürich, Wien: Dudenverlag, 2015. 2575 s.
- Duden. Die Grammatik: Unentbehrlich für richtiges Deutsch. Bd. 4. 8. Aufl. Mannheim: Bibliographisches Institut, 2009. 1344 s.
- Herders Conversationslexikon. 2. Ausg. Freiburg im Breisgau: Herder'sche Verlagshandlung, 1857. 800 s.
- Lewandowski Th. Linguistisches Wörterbuch: in 3 Bd [Text] / Th. Lewandowski. Heidelberg: Quelle & Meyer, 1990. 438 s.
- Mackensen L. Ursprung der Wörter. Das etymologische Wörterbuch der deutschen Sprache. Über 12.000 Stichwörter. Vollst. überarb. u. aktualis. Neuausg. München: Bassermann, 2013. 461 s.
- Meyers Großes Taschenlexikon in 24 Bänden. 10. Aufl. Leipzig: Bibliographisches Institut, 2006. 8868 s.
- Normann R.von. Lexikon des treffenden Fachworts für die Wirtschaft [Text] / R.von Normann. Köln: Ullstein, 1989. 472 s.
- Paraschkewow B. Wörter und Namen gleicher Herkunft und Struktur. Lexikon etymologischer Dubletten im Deutschen [Text] / B. Paraschkewow. Berlin, NY: Walter de Gruyter, 2004. 472 s.
- Paul H. Deutsches Wörterbuch [Text] / H. Paul. 5. Aufl. Bearb. v. A. Schirmer. Bd. I–II. Halle (Saale): Max Niemeyer Verlag, 1956. 782 s.
- Pfeifer W. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen [Text] / W. Pfeifer. München: Deutscher Taschenbuchverlag, 1997. 1696 s.
- Schülerduden. Wortgeschichte. Herkunft und Entwicklung des deutschen Wortschatzes / Bearb. von Folz J. Mannheim, Wien, Zürich: Bibliographisches Institut, 1987. 334 s.
- Wahrig Fremdwörterlexikon. Mannheim, Leipzig, Wien und Zürich: Bertelsmann Lexikon Institut, 2010. 1056 s.
- Wahrig. Wörterbuch der deutschen Sprache. 6. Aufl. Mannheim: Brockhaus, 2007. 1152 s.

- Большая российская энциклопедия / отв. ред. С.Л. Кравец. М.: Большая российская энциклопедия, 2004. 12526 с.
- Большой немецко-русский словарь: в 3 т. / авт.-сост. Е.И. Лепинг, Н.И. Филичева, М.Я. Цвиллинг и др.; под общ. рук. О.И. Москальской. 11-е изд., стереотип. М.: Рус. яз. ; Медиа, 2008. 760 с.
- Готлиб К.Г.М. Немецко-русский и русско-немецкий словарь «ложных друзей переводчика» [Текст] / К.Г.М. Готлиб. М.: Советская энциклопедия, 1972. 148 с.
- Добровольский Д.О. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка [Текст] / Д.О. Добровольский, Ю.Н. Караулов. М.: Помовский и партнёры, 1994. 120 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е репр. изд. М.: Советская энциклопедия, 1990. 788 с.
- Маринова Е.В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах: словарь-справочник [Текст] / Е.В. Маринова. М.: Флинта: Наука, 2013. 240 с.

Электронные, онлайн-словари и справочники

- Brockhaus in Text und Bild. Elektronische Ausgabe für Office-Bibliothek. Mannheim: Bibliographisches Institut, F.A. Brockhaus, 2003.
- Deutsche Rechtschreibung. Regeln und Wörterverzeichnis. Aktualisierte Fassung des amtlichen Regelwerks entsprechend den Empfehlungen des Rats für deutsche Rechtschreibung 2016. Mannheim, 2017. URL: http://www.rechtschreibrat.com/DOX/rfdr_Regeln_2017.pdf (дата обращения: 10.08.2017).
- Duden. Elektronisches Universalwörterbuch. Dudenverlag, Bibliographisches Institut, F.A. Brockhaus AG, Langenscheidt KG, 2001.
- Duden. Langenscheidt. Benutzerwörterbuch Weinsprache. Dudenverlag, Bibliographisches Institut, F.A. Brockhaus AG, Langenscheidt KG, 2001. Entwickelt von der Hypermediagruppe am Johanneum Research und der TU-Graz.
- Duden. Langenscheidt. Fachwörterbuch Medizin Deutsch-Englisch, Englisch-Deutsch. Dudenverlag, Bibliographisches Institut, F.A. Brockhaus AG, Langenscheidt KG, 2001. Entwickelt von der Hypermediagruppe am Johanneum Research und der TU-Graz.
- DWDS (Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart) // Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften. URL: <http://www.dwds.de/> (дата обращения: 06.03.2017).
- Encyclopædia Britannica. URL: <https://global.britannica.com/>

- Encyclopædia Universalis. URL: <http://www.universalis.fr/encyclopedie> (дата обращения: 13.08.2017).
- Langenscheidt. Online-Wörterbuch Deutsch-Französisch / Französisch-Deutsch. 2017. URL: <https://de.langenscheidt.com/franzoesisch-deutsch> (дата обращения: 18.12.2016).
- Le Grand Robert de la Langue Française. 2008. URL: <http://gr.bvdep.com> (дата обращения: 03.07.2017).
- Linguee: Französisch-Deutsch. 2017. URL: <http://www.linguee.de/franzoesisch-deutsch> (дата обращения: 09.02.2017).
- Stofflexikon: alle Informationen über Stoffe und Textilien. 2003–2017. URL: <http://www.stofflexikon.com> (дата обращения: 19.05.2017).
- Wahrig.digital. Version 4.0. Entw. v. d. Hypermediagruppe am Joanneum Research und der TU-Graz. Mannheim: Neue Medien GmbH, 2007.
- Wissen.de // Fremdwörterlexikon. URL: <http://www.wissen.de/fremdwort/> (дата обращения: 12.08.2017).
- Wortschatz. Universität Leipzig. URL: http://corpora.informa-tik.uni-leipzig.de/de?corpusId=deu_newsrawl_2011 (дата обращения: 28.07.2017).

Список источников примеров

- Beim Teutates! Wie gut kennen Sie sich mit Gallizismen im Deutschen aus?
// Sprachschach: 04.07.2014. URL:
<http://www.sprachschach.de/gallizismen/> (дата обращения:
19.09.2014).
- Bitte, was ist ein Amuse-Gueule? // Welt: 21.08.2007. URL:
<http://www.welt.de/lifestyle/article1123264/Bitte-was-ist-ein-Amuse-Gueule.html> (дата обращения: 09.11.2012).
- Böhmisches Henkelglas mit Deckel; Dekor: Eichenlaub-Ranke mit Eicheln in Kupfergravur, gekugelter, geschliffener Fuß; Geschenk Beethovens für Franz Gerhard Wegeler // Library of Congress. URL: https://www.loc.gov/item/consortium.bh_i2806/ (дата обращения: 12.06.2017).
- Chapeau, Lance! // Handelsblatt: 26.07.2004. URL:
<http://www.handelsblatt.com/archiv/handelsblatt-com-exklusiv-chapeau-lance/2371138.html> (дата обращения: 13.05.2013).
- Dettmer H. Wirtschaftslehre für Hotellerie und Gastronomie: Lehrbuch [Text] / H. Dettmer, Th. Hausmann, L. Schulz, M. Voll, S. Warden. 16. Aufl. Hamburg: Verlag Handwerk und Technik, 2014. 360 s.

- Gallizismen im Deutschen // Französisch lernen online. Der Wegweiser beim Lernen der französischen Sprache. URL: <http://blog.franzoesisch-lernen-online.net/lernen-allgemein/gallizismen-im-deutschen/> (дата обращения: 18.02.2016).
- Gorys E. Das neue Küchenlexikon [Text] / E. Gorys. 11. Aufl. München: DTV-Verlag, 2007. 640 s.
- Gregogna J. Requetes chambre des [Text] / J. Gregogna // Encyclopædia Universalis [en ligne]. URL: <http://www.universalis.fr/encyclopedie/chambre-des-requetes/> (дата обращения: 09.04.2017).
- Hermann P.M. Blutsauger undercover [Text] / P.M. Hermann. Norderstedt: Books on Demand GmbH, 2011. 252 s.
- Kampf gegen Anglizismen: Ramsauer feiert sich als Sprachpfleger // SPIEGEL-online, 2010. URL: www.spiegel.de/politik/deutsch-land/0,1518,736912,00.html (дата обращения 25.11.2015).
- Liste von Gallizismen // Unionpedia. URL: http://de.unionpedia.org/Liste_von_Gallizismen (дата обращения: 24.07.2016).
- Opfer der Leistungs-Guillotine // Münchner Merkur: 06.03.2017. URL: <https://www.pressreader.com/germany/muenchner-merkur/20170306/282205125678511> (дата обращения: 12.06.2017).
- Raupach E. Dramatische Werte komischer Gattung. 2. Teil [Text] / E. Raupach. Hamurg: Bei Hoffmann und Campe, 1832. 422 s.
- Schlich M. Blanchierverfahren im Vergleich: sensorische Aspekte und Nährstoffqualität [Text] / M. Schlich, E. Schlich // Ernährung im Fokus, 2011. Bd. 11 (11/12). S. 554–559.
- Sprachregeln: Der Horror mit den substantivischen Zusammensetzungen // korrektoren.de. Portal für Rechtschreibung. URL: http://www.korrektoren.de/sprachleben/rechtschreibung/der_horror_mit_den_substantivischen_zusammensetzungen.shtml (дата обращения: 09.07.2017).
- Steiner Ch. Kabarettgipfel: Ein Novum für den Freitagabend in ORF eins [Text] / Ch. Steiner // Kleine Zeitung: 10.02.2017. URL: http://www.kleinezeitung.at/kultur/medien/5167533/Kabarettgipfel_Ein-Novum-fuer-den-Freitagabend-in-ORF-eins (дата обращения: 13.06.2017).
- Wörter französischen Ursprungs // Deutsche Welle. URL: www.dw.com/de/wörter-französischen-ursprungs/a-1116125 (дата обращения: 19.12.2016).
- Wörter französischen Ursprungs // Wiki.sah. URL: www.science-at-home.de/wiki/index.php/Kategorie:Fremd-wort_französischen_Ursprungs (дата обращения: 02.10.2016).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ВП – высокопродуктивная буква
ГП – галльский пласт.
ЛЕ – лексическая единица / лексические единицы
НП – низкопродуктивная буква
СНЛЯ – современный немецкий литературный язык
СП – среднепродуктивная буква
ЯД – язык-донор
ЯИ – язык-источник
ЯП – язык-посредник
ЯР – язык-реципиент

Сокращения в названиях справочной литературы

БРЭ – Большая российская энциклопедия
DR – Deutsche Rechtschreibung
DUW – Duden Universalwörterbuch
LW – Linguae Wörterbuch

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Псевдогаллицизмы в лексической системе СНЛЯ (94 ЛЕ)

1. **Abee** [a'be: и 'abə], *т. и п., -s, -s., псевдогал., эвф.* – аборт.
2. **Akquisiteur** [akvisi'tø:v], *т., -s, -e, псевдогал.* – сборщик объявлений для газеты; агент, вербующий клиентов.
3. **Amorette**, *ф., -, -n., псевдогал., арх.* – фигура ангелочка как элемент декора.
4. **Arbitrageur** [-'ʒø:v], *т., -s, -e, псевдогал., фин., юр.* – арбитражёр, арбитражист.
5. **Balletteuse** [balɛ'tø:zə], *ф., -, -n, псевдогал., иск., высок.* – танцовщица балета.
6. **Bankrotteur** [baŋkrø'tø:v], *т., -s, -e, псевдогал.* – банкрот.
7. **Biberette**, *ф., -, -n, псевдогал., текстил.* – шерстяной плюш, имитирующий бобровый мех.
8. **Blamage** [bla'ma:zə], *ф., -, -n, псевдогал.* – позор, срам; провал; некое положение.
9. **Blankett** [blaŋ'ket], *п., -(s), -e, псевдогал.* – *фин.* (чистый, незаполненный) бланк (чека, векселя), бланкетное обязательство; *тех.* подборный нож со вставным лезвием; *гастр.* рагу из белого мяса под белым соусом.
10. **Blockade**, *ф., -, -n, псевдогал.* – блокада.
11. **Chansonette / Chansonnette** [ʃãsɔ̃'netə], *ф., -, -n., псевдогал.* – незатейливая песенка; шансонетка.
12. **Conférencieuse** [kɔ̃ferãs'iø:zə], *ф., -, -n, псевдогал.* – женщина-конферансье.
13. **Crème de la crème** ['krɛ:m də la 'krɛ:m], *ф., - -, - -, псевдогал., высок., ирон.* – представитель «сливок общества».
14. **Dramolett**, *п., -s, -e и -s, псевдогал., иск.* – небольшая пьеса.
15. **elitär**, *Adj., псевдогал.* – элитарный.
16. **Exporteur** [eksprov'tø:v], *т., -s, -e, псевдогал., устар.* – экспортёр.
17. **Fallissement** [falಿಸə'mã:], *п., -s, -s, псевдогал., устар.* – банкротство, приостановка платежей.
18. **Fisimatenten**, *Pl., псевдогал., разг.* – увёртки, пустые разговоры.
19. **Friseur / Frisör** [fri'zø:v], *т., -s, -e, псевдогал.* – парикмахер.
20. **Friseuse / Frisöse** [fri'zø:zə], *ф., -, -n, псевдогал.* – парикмахер (женщина).

21. **Frotté** [frɔ'te:] / **Frottee**, *n.* и *m.*, -(s), -s, *псевдогал., текстил.* – махровая ткань.
22. **Fustage** [fus'ta:ʒə], *f.*, -, -n, *псевдогал.* – пустая тара; стоимость пустой тары.
23. **Futterage** [fütə'ra:ʒə], *f.*, -, *псевдогал., разг.* – еда, провиант.
24. **Garderohier** [gardəro'bie:], *m.*, -s, -s, *псевдогал.* – гардеробщик.
25. **Garderohiere** [gardəro'bie:rə], *f.*, -, -n, *псевдогал.* – гардеробщица.
26. **gattieren**, *v.*, *псевдогал., текстил.* – меланжировать, составлять смеску (сортов хлопка).
27. **generell**, *Adj.*, *псевдогал.* – общий; в общем.
28. **glasieren**, *v.*, *псевдогал., гастр.* – покрывать глазурью.
29. **gradieren**, *v.*, *псевдогал.* – градуировать, классифицировать; *тех.* повышать концентрацию.
30. **Grillette** [gri'letə], *f.*, -, -n, *псевдогал., гастр.* – бифштекс на гриле.
31. **Humoreske**, *f.*, -, -n, *псевдогал., лингв., муз.* – юмореска.
32. **Installateur** [instala'tø:v], *m.*, -s, -e, *псевдогал., тех.* – слесарь-сантехник.
33. **Jalousette** [ʒalu'setə], *f.*, -, -n, *псевдогал.* – оконные жалюзи, жалюзийная штора.
34. **Justage** [jus'ta:ʒə], *f.*, -, -n, *псевдогал., тех.* – настройка.
35. **Kapee**, *псевдогал.*: **schwer von ~ sein**, *ирон.* – туго соображать, быть недалёким.
36. **Kascheur** [kar'ʃø:v], *m.*, -s, -e, *псевдогал.* – бутафор.
37. **Kledage** [kle'da:ʒə] / **Kledasche**, *f.*, -, -n, *мн. ч. редко, псевдогал., пренебр.* – одежда, шмотки.
38. **Kokosette** [-'zɛt], *n.*, -s, *псевдогал., гастр.* – тёртый кокос.
39. **Kommandeuse** [-'dø:zə], *f.*, -s, -e, *псевдогал., ирон.* – командирша; доминантная женщина.
40. **kommerziell**, *Adj.*, *псевдогал.* – коммерческий.
41. **komplizieren (sich)**, *v.*, *псевдогал.* – усложнять(ся).
42. **Konfektionär**, *m.*, -s, -e, *псевдогал.* – производитель готовой одежды.
43. **Konfektioneuse**, *f.*, -, -n, *псевдогал.* – производительница готовой одежды.
44. **Kontrahage** [-'ha:ʒə], *f.*, -, -n, *псевдогал., устар.* – договорённость о дуэли.
45. **Korselett**, *n.*, -s, -s, *псевдогал., текстил.* – облегчённый корсет.
46. **Leckage** [-'ka:ʒə], *f.*, -, -n, *псевдогал., тех.* – пробоина; потеря веса судна из-за пробоины.

47. **Lieferant**, *m.*, *-en*, *-en*, *псевдогал.*, *юр.*, *фин.* – поставщик.
48. **Magazineur** [magazi'nø:v], *m.*, *-s*, *-e*, *псевдогал.* – кладовщик, заведующий складом.
49. **Marquissette** / **Markisette** [-'zɛt], *f.* и *m.*, *-s*, *псевдогал.*, *текстил.* – маркизет (тонкая прозрачная ткань).
50. **Narkotiseur** [-'zø:v], *m.*, *-s*, *-e*, *псевдогал.*, *мед.* – анестезиолог.
51. **nominell**, *Adj.*, *фин.*, *псевдогал.* – номинальный.
52. **Pantolette**, *f.*, *-*, *-n*, *псевдогал.* – лёгкая летняя обувь без задника.
53. **Parfümerie**, *f.*, *-*, *-n*, *псевдогал.* – парфюмерный магазин; парфюмерное производство.
54. **Pikanterie**, *f.*, *-*, *-n*, *псевдогал.*, *высок.* – пикантный намёк, пикантное замечание; пикантная история; *гастр.* – пикантный оттенок вкуса.
55. **polemisieren**, *v.*, *псевдогал.* – вести полемику.
56. **Polier**, *m.*, *-s*, *-e*, *псевдогал.* – бригадир, прораб; десятник, артельный староста.
57. **Posamenterie**, *f.*, *-*, *-n*, *псевдогал.*, *текстил.* – магазин галантерейной фурнитуры.
58. **Posamentier** [-'ti:v], *m.*, *-s*, *-e*, *псевдогал.*, *текстил.* – позументщик.
59. **Poussade** [pu-] / **Poussage** [pu'sa:zə], *f.*, *-*, *-n*, *псевдогал.*, *устар.* – флирт; любовная интрига у молодых людей; *пренебр.* – возлюбленная.
60. **Raffinesse**, *f.*, *-*, *-n*, *псевдогал.*, *высок.* – изысканность, вычурность; *чаще во мн. ч.* тонкость, хитрость.
61. **Rechercheur** [ʁeʃəv'ʃø:v], *m.*, *-s*, *-e*, *псевдогал.* – журналист, проводящий расследование; специалист, осуществляющий поиск.
62. **rentabel**, *Adj.*, *псевдогал.*, *фин.* – выгодный, окупающийся.
63. **rentieren**, **sich**, *v.*, *псевдогал.*, *фин.* – окупаться, приносить доход, быть выгодным.
64. **Requisiteur** [ʁekvizi'tø:v], *m.*, *-s*, *-e*, *псевдогал.*, *иск.* – реквизиитор, бутафор.
65. **Reservage** [ʁəzɛv'va:zə], *f.*, *-*, *-n*, *псевдогал.*, *тех.*, *иск.* – специальный закрепитель (предотвращающий появление пятен на киноплёнке).
66. **Reuessen**, *Pl.*, *псевдогал.*, *устар.* – поминки.
67. **Rommé** / **Rommee** [rø'me: и rø'mɛ], *n.*, *-s*, *-s*, *псевдогал.* – ромме (карточная игра).
68. **Sandalette**, *f.*, *-*, *-n*, *псевдогал.* – босоножка.
69. **schikanös**, *Adj.*, *псевдогал.*, *пренебр.* – придиричивый; изощрённый, каверзный.

70. **Schmierage** [ʃmi'ra:zə], *f.*, -, *-n*, *псевдогал.*, *ирон.* – мазня, писанина.
71. **Schwadronade**, *f.*, -, *-n*, *псевдогал.*, *пренебр.*, *устар.* – хвостовство, бахвальство.
72. **Schwadronneur** [-'nø:v], *m.*, *-s*, *-e*, *псевдогал.*, *пренебр.*, *устар.* – хвастун, бахвал.
73. **sinnieren**, *v.*, *псевдогал.* – размышлять, погружаться в мысли.
74. **Spediteur** [-'tø:v], *m.*, *-s*, *-e* и *-en*, *псевдогал.* – экспедитор.
75. **spektakulös**, *Adj.*, *псевдогал.*, *устар.* – странный, резонансный.
76. **spendabel**, *Adj.*, *псевдогал.*, *разг.* – щедрый, всегда угощающий.
77. **spendieren**, *v.*, *псевдогал.*, *разг.* – угощать; платить за кого-либо.
78. **Spillage** [ʃpi'la:zə и sp-], *f.*, -, *-n*, *псевдогал.*, *фин.* – потеря веса товара вследствие дефекта упаковки.
79. **spintisieren**, *v.*, *псевдогал.*, *пренебр.* – мудрствовать, фантазировать, бредить.
80. **Sprit**, *m.*, *-(e)s*, *-e*, *псевдогал.* – *разг.* топливо, бензин; алкоголь, выпивка; *хим.* этиловый спирт.
81. **Staffage** [sta'fa:zə], *f.*, -, *-n*, *псевдогал.* – бутафория, декорация; фигуры людей, дополняющие композицию.
82. **statiös** [ʃta'tsɪø:s], *Adj.*, *псевдогал.*, *устар.* – статный, пышный, представительный.
83. **Stelage** [-'la:zə], *f.*, -, *-n*, *псевдогал.* – стеллаж; *фин.* стеллаж (сделка с премией).
84. **Stereotypeur** [-'tø:v], *m.*, *-s*, *-e*, *псевдогал.*, *тех.* – стереотипёр.
85. **Stiefelette**, *f.*, -, *-n*, *псевдогал.* – полусапожек.
86. **strapaziös** [ʃtra'pa'tsɪø:s], *Adj.*, *псевдогал.* – напряжённый, затруднительный, утомительный.
87. **Stripteuse** [st- и ʃtrip'tø:zə], *f.*, -, *-n*, *псевдогал.*, *ирон.* – стриптизёрша.
88. **Stukkateur / Stuckateur** [-'tø:v], *m.*, *-s*, *-e*, *псевдогал.* – (маляр-) штукатур.
89. **Suitier** [svi- и sui'tɛ:], *m.*, *-s*, *-s*, *псевдогал.*, *устар.* – балагур, по-веса.
90. **Takelage** [-'la:zə], *f.*, -, *-n*, *псевдогал.* – такелаж, снасти (судна).
91. **totalitär**, *Adj.*, *полит.*, *псевдогал.*, *пренебр.*, *высок.* – тоталитарный.
92. **Tusche**, *f.*, -, *-n*, *псевдогал.* – тушь.
93. **Vulkaniseur** [-'zø:v], *m.*, *-s*, *-e*, *псевдогал.*, *тех.* – вулканизатор.
94. **Welliné** [-'ne:], *n.*, *-(s)*, *-e*, *псевдогал.*, *текстиль.* – толстая хлопчатобумажная фланель с волнистым рисунком; ратин.

Калькированные единицы галльского происхождения
в составе СНЛЯ (68 ЛЕ)

1. **Abgeordnete** (фр. *député*), *subst. Part.*, кальк., *полит.* – депутат, делегат (19 в.).
2. **abrüsten** (фр. *désarmer*), *v.*, кальк. – *воен.* разоружать (армию); *тех.* разбирать (строительные леса) (19 в.).
3. **Abteil** (фр. *compartiment*), *n.*, *-s, -e*, кальк., *тех.* – купе (19 в.).
4. **anziehend** (фр. *interessant*), *Adj.*, кальк. – привлекательный, заманчивый (18 в.).
5. **auf der Höhe sein** (фр. *être à la hauteur*), *фраз.*, кальк. – быть на высоте (18 в.).
6. **Ausdruck** (фр. *expression*), *m.*, *-s, -drücke*, кальк. – выражение (18 в.).
7. **beobachten** (фр. *observer*), *v.*, кальк. – наблюдать, рассматривать (18 в.).
8. **Briefwechsel** (фр. *échange de lettres*), *m.*, *-s, -*, кальк. – переписка (18 в.).
9. **Brüderlichkeit** (фр. *fraternité*), *f.*, *-*, кальк., *полит., ист., высок.* – братство (один из трёх лозунгов Французской революции) (18 в.).
10. **Bürgertum** (фр. *bourgeoisie*), *n.*, *-s*, кальк., *ист., соц., полит.* – бюргерство; буржуазия (19 в.).
11. **Dreibund** (фр. *triple-alliance*), *m.*, *-es*, кальк., *полит., ист.* – Тройственный союз (военно-политический блок Германии, Австро-Венгрии и Италии в 1882 г.) (19 в.).
12. **Eilbote** (фр. *courier*), *m.*, *-n, -n*, кальк. – курьер (18 в.).
13. **einstimmig** (фр. *unanime*), *Adj.*, кальк., *полит.* – единогласный, единодушный (18 в.).
14. **Emporkömmling** (фр. *parvenu*), *m.*, *-s, -e*, кальк., *пренебр.* – выходец из низов; карьерист; выскочка (18 в.).
15. **Ente** (фр. *canard*), *f.*, *-*, *-n*, кальк., *жарг.* – ложное сообщение, «утка», фейк (19 в.).
16. **enttäuschen** (фр. *detromper*), *v.*, кальк. – разочаровывать (19 в.).
17. **Fallbeil** (фр. *guillotine*), *f.*, *-*, *-n*, кальк., *тех., мед., полит.* – гильотина, поперечно-резательная машина (19 в.).
18. **Fernglas** (фр. *longue-vue*), *n.*, *-es, -gläser*, кальк., *воен.* – (полевой) бинокль (18 в.).
19. **Flugblatt** (фр. *feuille volante*), *n.*, *-(e)s, -blätter*, кальк., *полит.* – листовка, прокламация (18 в.).
20. **folgeschwer** (фр. *gros de conséquences*), *Adj.*, кальк. – чреватый последствиями; роковой (18 в.).

21. **folgerichtig** (фр. *consequent*), *Adj.*, кальк. – последовательный, логичный (18 в.).
22. **Fortschritt** (фр. *progrès*), *m.*, *-(e)s, -e*, кальк. – успех, прогресс (18 в.).
23. **Fräulein** (фр. *mamselle, demoiselle*), *n.*, *-s, -*, кальк. – фрейлейн (обращение к незамужней девушке); сударыня; барышня (12 в.).
24. **Freigeist** (фр. *esprit libre*), *m.*, *-es, -er*, кальк., *высок.* – вольнодумец (17 в.).
25. **Freiheit** (фр. *liberté*), *f.*, *-*, *-en*, кальк. – свобода (один из трёх лозунгов Французской революции) (18 в.).
26. **frenetischer Beifall** (фр. *applaudissements frénétiques*), *фраз.*, кальк. – бурные овации (18 в.).
27. **Gefallsucht** (фр. *coquetterie*), *f.*, *-*, кальк., *пренебр.* – кокетство, желание импонировать (18 в.).
28. **Geistesabwesenheit** (фр. *absence d'esprit*), *f.*, *-*, кальк. – рассеянность (19 в.).
29. **Geistesgegenwart** (фр. *présence d'esprit*), *f.*, *-*, кальк. – присутствие духа (18 в.).
30. **geistreich** (фр. *spirituel*), *Adj.*, кальк. – умный, остроумный; *ирон.* многозначительный (о выражении лица) (17 в.).
31. **Geschäftsmann** (фр. *homme d'affaires*), *m.*, *-(e)s, -leute*, кальк., *фин.* – бизнесмен, деловой человек (18 в.).
32. **Geschäftsträger** (фр. *charge d'affaires*), *m.*, *-s, -*, кальк., *полит., фин., юр.* – поверенный в делах, уполномоченный (18 в.).
33. **Gleichheit** (фр. *égalité*), *f.*, *-*, кальк., *полит.* – равенство (один из трёх лозунгов Французской революции) (18 в.).
34. **Handstreich** (фр. *coup de main*), *m.*, *-(e)s, -e*, кальк., *воен.* – внезапный налёт, рейд (19 в.).
35. **Hellseher** (фр. *clairvoyant*), *m.*, *-s, -*, кальк. – провидец, ясновидящий (18 в.).
36. **Hochverrat** (фр. *haute trahison*), *m.*, *-(e)s, -räte*, кальк., *юр., полит.* – государственная измена (18 в.).
37. **höfisch** (фр. *courtois, corteis*), *Adj.*, кальк., *ист.* – придворный, куртуазный (11 в.).
38. **Justizmord** (фр. *meurtre juridique*), *m.*, *-(e)s, -e*, кальк., *юр.* – судебное убийство (вынесение смертного приговора невиновному) (18 в.).
39. **Kampfplatz** (фр. *champ de bataille*), *m.*, *-es, -plätze*, кальк. – *воен.* поле битвы; *полит.* арена борьбы (15 в.).
40. **Kehrreim** (фр. *refrain*), *m.*, *-(e)s, -e*, кальк., *иск., муз.* – припев, рефрен (18 в.).

41. **Klapphut** (фр. *chapeau claque*), *т.*, *-(e)s*, *-hüte*, *кальк.*, *текстил.*, *устар.* – шапокляк, цилиндр (19 в.).
42. **Königtum** (фр. *royaute*), *п.*, *-s*, *-tümer*, *кальк.*, *ист.* – королевство, владения короля (18 в.).
43. **Leidenschaft** (фр. *passion*), *ф.*, *-*, *-en*, *кальк.* – страсть, пристрастие; (у)влечение (17 в.).
44. **mehrfach** (фр. *multiple*), *Adj.*, *кальк.* – многократный; *разг.* неоднократный (19 в.).
45. **Missheirat** (фр. *mésalliance*), *ф.*, *-*, *-en*, *кальк.*, *устар.* – неравный брак, мезальянс (18 в.).
46. **mutterseelenallein** (фр. *moi tout seul*), *Adj.*, *кальк.*, *эмоц.* – один-одинёшенек, один как перст (19 в.).
47. **Nebenbuhler** (фр. *rival*), *т.*, *-s*, *-*, *кальк.* – любовник; *зоол.* соперник; *пренебр.* конкурент (17 в.).
48. **öffentliche Meinung** (фр. *opinion publique*), *фраз.*, *кальк.* – общественное мнение (18 в.).
49. **Redensart** (фр. *façon de parler*), *ф.*, *-*, *-en*, *кальк.*, *лингв.* – выражение, клише, речевой оборот (17 в.).
50. **Regenschirm** (фр. *parapluie*), *т.*, *-(e)s*, *-e*, *кальк.* – зонт (18 в.).
51. **Ritter** (фр. *chevalier*), *т.*, *-s*, *-*, *кальк.*, *ист.* – рыцарь; кавалер ордена; всадник (12 в.).
52. **Rundreise** (фр. *tournee*), *ф.*, *-*, *-n*, *кальк.* – экскурсионная поездка (19 в.).
53. **Schäferstunde** (фр. *heure du berger*), *ф.*, *-*, *-n* / **Schäferstündchen**, *п.*, *-s*, *-*, *кальк.*, *ирон.* – (тайное) любовное свидание (18 в.).
54. **Schaffner** (фр. *receveur*), *т.*, *-s*, *-*, *кальк.* – кондуктор, контролёр (в транспорте) (18 в.).
55. **Schaumwein** (фр. *vin mousseux*), *т.*, *-(e)s*, *-e*, *кальк.*, *гастр.* – игристое (шипучее) вино (18 в.).
56. **Schöngeist** (фр. *bel esprit*), *т.*, *-es*, *-er*, *кальк.*, *пренебр.* – эстет (17 в.).
57. **Selbstsucht** (фр. *egoism*), *ф.*, *-*, *кальк.*, *пренебр.* – эгоизм, эгоцентризм (18 в.).
58. **Siebenmeilenstiefel** (фр. *les bottes de sept lieues*), *Pl.*, *кальк.*, *иск.* – «семимильные сапоги», сапоги скороходы (в сказке Шарля Пьеро «Мальчик с пальчик») (18 в.).
59. **Staatsbürger** (фр. *citoyen*), *т.*, *-s*, *-*, *кальк.* – гражданин, подданный (18 в.).
60. **Stelldichein** (фр. *rendez-vous*), *п.*, *-(s)*, *-(s)*, *кальк.*, *устар.* – рандеву, (тайная) встреча двух возлюбленных (19 в.).
61. **Stimmenmehrheit** (фр. *majorité des voix*), *ф.*, *-*, *-en*, *кальк.*, *полит.* – большинство голосов (18 в.).

62. **Tageblatt** (фр. *journal*), *n.*, *-(e)s*, *-blätter*, кальк., устар. – ежедневная газета (19 в.).
63. **Tagesordnung** (фр. *ordre du jour*), *f.*, *-*, *-en*, кальк. – повестка дня (18 в.).
64. **Tölpel** (фр. *vilain*), *m.*, *-s*, *-*, кальк., пренебр. – дурень, деревенщина (11 в.).
65. **Unstern** (фр. *désastre*), *m.*, *(e)s*, кальк., высок. – несчастливая звезда; злой рок (16 в.).
66. **Unternehmer** (фр. *entrepreneur*), *m.*, *-s*, *-*, фин., кальк. – предприниматель (18 в.).
67. **Vorhut** (фр. *avant-garde*), *f.*, *-*, *-en*, кальк., воен. – головной отряд (17 в.).
68. **Waffenstillstand** (фр. *armistice*), *m.*, *-es*, *-stände*, кальк., воен., полит. – перемирие, прекращение огня, режим тишины (17 в.).

Фразео-паремиологические (калькированные)

единицы галльского происхождения в составе СНЛЯ (18 ЛЕ)

1. **à la bonne heure** [alabɔ'nœ:r], *фраз.* – bravo! так держать! (17 в.).
2. **à tout prix** [atu'pri:], *фраз., высок.* (лат.) – любой ценой (16 в.).
3. **Après nous le déluge!** [apʁɛnɥl(ə)de'ly:ʒ(ə)], *фраз.* – «После нас хоть потоп!» (изречение маркизы де Помпадур после Битвы при Росбахе) (18 в.).
4. **auf der Höhe sein** (фр. *être à la hauteur*), *фраз., кальк.* – быть на высоте (18 в.).
5. **C'est la vie** [sela'vi], *фраз.* – «Такова жизнь!» (крылатое изречение) (18 в.).
6. **Cherchez la femme** [ʃɛʁʃela'fam], *фраз., высок., ирон.* – «Ищите женщину!» (афоризм А. Дюма) (19 в.).
7. **Comme ci, comme ça** [kɔm'sikɔm'sa], *фраз., устар.* – так себе, по-немножку (18 в.).
8. **comme il faut** [kɔmil'fo:], *фраз., устар.* – как полагается; образцово, примерно (18 в.).
9. **Dieu et mon droit** [djø e mɔ̃ 'drwa], *фраз.* – «Бог и моё право» (девиз английской монархии со времён Генриха V) (15 в.).
10. **faute de mieux** [fɔtdə'mjœ:], *фраз., устар.* – за неимением лучшего (18 в.).
11. **frenetischer Beifall** (фр. *applaudissements frénétiques*), *фраз., кальк., высок.* – бурные овации (18 в.).
12. **L'art pour l'art** [larpɥr'lar], *фраз.* – «Искусство ради искусства» (изречение Теофиля Готье) (19 в.).
13. **Le roi est mort, vive le roi** [lɔʁwaɛ 'mɔ:r – vi:v lɔ'rwa], *фраз.* – «Король умер. Да здравствует король!» (фраза, произнесённая впервые во время коронации Карла VII) (15 в.).
14. **Liberté, Égalité, Fraternité** [liber'lte, egalite, fraterni'te], *фраз., полит., ист., высок.* (лат.) – «Свобода, равенство и братство!» (лозунг Французской революции 1789 г.) (18 в.).
15. **noblesse oblige** [nobleso'bli:ʒ], *высок., ирон., фраз.* – положение обязывает (18 в.).
16. **öffentliche Meinung** (фр. *opinion publique*), *фраз., кальк.* – общественное мнение (18 в.).
17. **Rien ne va plus** [ʁjɛ̃nva'ply], *фраз.* – все, конец; больше ничего нельзя сделать (фраза крупье в рулетке, когда ставки исчерпаны) (18 в.).
18. **tête-à-tête** [te:ta'te:t], *Adv., фраз., устар.* (лат.) – тет-а-тет, с глазу на глаз (18 в.).

**Ономастическая лексика галльского происхождения
в составе современного немецкого литературного языка (96 ЛЕ)**

1. Культуронимы (21 ЛЕ):

1) *der Gaullismus* [gɔ'li:mus] – голлизм; в честь французского политика Шарля де Голля (Charles de Gaulle);

2) *das Louis-quatorze* [lũika'tɔrz] – большой стиль (стиль Людовика XIV, направление в искусстве);

3) *das Louis-quinze* [lũi'kɛ:z] – французское барокко; либертинаж (в литературе) (стиль Людовика XV);

4) *das Louis-seize* [lũi'sɛ:z] – французский дореволюционный классицизм (стиль Людовика XVI);

5) *die Marseillaise* [marse'jɛ:zə] – французский национальный гимн; по названию города Марселя (Marseille), где песня была исполнена впервые.

Группа обозначений танцев французского происхождения или известных благодаря распространению французского языка:

6) *der Can-Can / Cancan* [kã'kã:] – канкан (танец);

7) *die Bourrée* [bu're:] – бур(р)е (старинный французский народный танец);

8) *der Cotillon / Kotillon* ['kɔtiljɔ̃ и kɔtil'jɔ̃:] – котильон (танец);

9) *die Courante* [ku'rã:t(ə)] – куранта (старинный французский танец);

10) *die Ecosaise / Ekossaise* [ekɔ'sɛ:zə] – шоттиш (шотландский танец);

11) *die Espagnole* [ɛspan'jo:lə] – эспаньола (испанский танец);

12) *die Gaillarde* [ga'jardə] – гальярда (французский танец);

13) *die Gavotte* – гавот (французский танец);

14) *die Gigue* [zi:g] – жига (старый английский танец);

15) *die Loure* [lu:v] – лур (французский медленный танец);

16) *das Menuett* – менуэт (старинный французский танец);

17) *die Musette* [my'zɛt] – мюзет (медленный танец);

18) *der Pas de deux* [padə'dø:] – па-де-де (танец вдвоём в балете);

19) *die Pavane* – павана (торжественный медленный танец);

20) *die Polonaise / Polonäse* – полонез (танец);

21) *die Sarabande* – сарабанда (испанский танец).

2. Хремотонимы (обозначения объектов материальной культуры) (6):

22) *die Fayence* [fa'jã:s] – фаянс; по названию итальянского города Фаэнца (Faenza);

23) *die Fontange* [fɔ'tã:zə] – фонтанж (дамская высокая причёска эпохи Людовика XIV); по фамилии мадемуазель де Фонтанж (Mademoiselle de Fontanges), возлюбленной Людовика XIV;

24) *der Henriquate* [ãri'katrə] – бородка клином (как у Генриха IV);

25) *die Mansarde* – мансарда; по фамилии французского зодчего Жюля Ардуэн-Мансара (Jules Hardouin-Mansart);

26) *der Pompadour* [-'du:v] – дамская сумочка, ридикюль; по фамилии маркизы де Помпадур (Жанны-Антуанетты Пуассон) (Madame de Pompadour, Jeanne-Antoinette Poisson);

27) *die Récamière* [reka'mje:] – рекамье (диван-кушетка); по фамилии французской писательницы Жюли Рекамье (Julie Récamier).

3. Энклимони́мы (обозначения криминальных сводок) (1 ЛЕ):

28) *der Pitaval* – собрание хроник и отчётов по самым громким уголовным процессам; по фамилии французского правоведа Франсуа Гайо де Питавала (François Gayot de Pitaval).

4. Ойконимы (обозначения пространства обитания человека) (4 ЛЕ):

29) *die Cromagnonrasse / Cro-Magnon-Rasse* [kroma'ɲð:-] – кроманьонцы; по названию скального грота Кро-Маньон (Cro-Magnon) на юго-западе Франции;

30) *das Magdalénien* [-le'ɲjẽ:] – мадленская культура, культура Мадлен (культура позднего палеолита); по названию пещеры Ла-Мадлен (la Magdeleine) во Франции;

31) *das Moustérien* [muste'riẽ:] – мустьерская культура (эпоха); по названию пещеры Ле-Мустье (Le Moustier) на юго-западе Франции;

32) *das Solutréen* [zolytre'ẽ:] – солютрейская культура (культура середины позднего палеолита); по стоянке Солютре (Solutré) на востоке Франции.

5. Оронимы (обозначения особенностей рельефа) (1 ЛЕ):

33) *der Sérac* [ze'ɾak u se-] – серак (ледяной пик); название ледяного пика было перенесено с обозначения сывороточного сыра (от фр. *séré* – творог, сыворожка) швейцарским геологом Орасом Бенедиктом де Соссюр (Horace-Bénédict de Saussure).

6. Фитонимы (10 ЛЕ):

34) *die Clementine / Klementine* – клементин (гибрид мандарина и апельсина); по фамилии французского трапписта Пере Клемана (Père Clément);

35) *die Gaillardia* [ga'jardja] – гайлардия; в честь французского ботаника Гайара де Шантоно (Gaillard de Charentonneau);

36) *der Kalvill / die Kalville* – кальвиль (столовый сорт ароматных, кисловатых яблок); по названию французского местечка Калевиль (Calleville) на севере Франции;

37) *die Lobelie* [lo'be:liə] – лобелия; по фамилии фламандского ботаника Матиаса де Лобеля (Mathias de l'Obel);

38) *die Magnolie* – магнолия; по фамилии французского ботаника Пьера Маньоля (Pierre Magnol);

39) *die Montbretie* [mɔ̃'bre:tsiə] – монбретия; по фамилии французского ботаника Антуана Франсуа Эрнеста Кокбера де Монбре (Antoine François Ernest Coquebert de Montbret);

40) *der Rambour / Rambur* – рамбур (сорт зелёных французских яблок); по названию французской общины Рамбур (Rambures);

41) *die Reineclaudе / Reneclode / Reneklode* – ренклюд (сорт сливы); существуют две версии онимизации галльского обозначения данного сорта слив: первая версия исходит из того, что фитоним является результатом словосложения аппелятива «*Reine*» (королева) и имени «*Claude*» (Клод Французская (*Claude de France*), дочь короля Людовика XII и жена короля Франциска I); согласно второй версии – продуктом словосложения имени и фамилии французского ботаника Рене Клода (René Claude) (Gorys 2007);

42) *die Robinie* – робиния (дерево семейства бобовых); по фамилии французского ботаника Жана Робена (Jean Robin);

43) *der / die Topinambur* – топинамбур, подсолнечник клубненосный; по названию племени мексиканских индейцев.

7. Зоонимы (1 ЛЕ):

44) *das Rambouillettschaf* [rãbu'je:-] – рамбулье (порода тонкорунных овец); по названию французского города Рамбулье (Rambouillet).

8. Антропонимы (9 ЛЕ):

45) *der Harlekin* ['harleki:n] – арлекин; от итальянского (*h*)*ellechin(n)o* – «чертёнок» и староанглийского *Herla Cyng* – «военачальник, король войск»;

46) *die Pierrette* ['piɛ-] – Пьеретта (один из персонажей французского народного ярмарочного театра);

47) *der Pierrot* [piɛ'ʁo:] – Пьеро (один из персонажей французского народного ярмарочного театра).

Имена суггестивные (суггестивы, имена «говорящие»):

48) *der Belami* [bɛla'mi:] – любитель женщин, повеса, донжуан; по имени персонажа романа одноимённого Ги де Мопассана (*Guy de Maupassant*);

49) *der Don Quichotte* [dɔki'ʃɔt u dʃ-] / *Don Quixote* / *Don Quijote* [dɔŋki'xɔtə] – оторванный от жизни мечтатель; по имени знаковой фигуры романа Мигеля де Сервантеса (*Miguel de Cervantes*);

50) *der Louis* ['lu:i] – ветреник; сутенёр; предположительно по имени французских королей династии Людовиков в XVII–XVIII вв.

51) *der Robinson* – Робинзон, отшельник; по фамилии персонажа романа Даниэля Дефо (*Daniel Defoe*);

52) *der Seladon* [zɛla'dɔ:] – sentimentalный любовник; изнывающий от любви; по имени персонажа в романе «Астрея» (*L'Astrée*) французского писателя Оноре д'Юрфе (*Honoré d'Urfé*);

53) *der Tartüff* – Тартюф, обманщик, лицемер, притворщик; по имени главного персонажа одноимённой комедии Жана-Батиста Поклена Мольера (*Jean-Baptiste Poquelin Molière*).

9. Абстрактные понятия (7 ЛЕ):

54) *der Chauvinismus* – шовинизм; по фамилии персонажа Никола Шовена (*Nicolas Chauvin*) комедии братьев Коньяр (*Cogniard*);

55) *gargantuesk* – обильный, гигантский (о блюдах); от имени персонажа Гаргантюа сатирического романа Франсуа Рабле (*François Rabelais*);

56) *die Marotte* – причуда, чудачество, каприз; по имени христианского божества Марии;

57) *die Rodomontade* – родомонтада (фанфаронство, хвастовство); по имени мавра Родомонта в произведениях итальянского поэта Маттео Марии Боярдо (*Matteo Maria Boiardo*);

58) *der Sadismus* – садизм; по фамилии французского писателя Маркиза де Сада (*Marquis de Sade*);

59) *die Silhouette* [zi'lüetə] – силуэт, контур; по фамилии французского изобретателя, министра Этьена де Силуэтта (*Étienne de Silhouette*);

60) *die Tartüfferie* – лицемерие, притворство; по имени главного персонажа одноимённой комедии Жана-Батиста Поклена Мольера (*Jean-Baptiste Poquelin Molière*).

10. Уфасмонимы (обозначения тканей и реалий ткацкого дела) (6 ЛЕ):

61) *der Batist* – батист; по имени фламандского ткача Батиста Камбрийского (Ba(p)tiste de Cambrai);

62) *die / der Cretonne / Kretonne* [kre'tɔn] – кретон; по названию старинной французской общины Кретон (Créton) на северо-западе Франции;

63) *der Gobelin* [gɔbəl'ɛ: u gɔ'blɛ:] – гобелен; по фамилии династии Гобелен (Gobelin) в Париже;

64) *die Guilloche* [gi'ʃɔf u gil'ʃɔf] – гильош, техника гильоширования; по фамилии французского инженера Николя Гильо (Nicolas Guillot);

65) *der Jacquard* [za'ka:r] – жаккард; по фамилии французского шелкоткача Жозефа-Мари Жаккара (Joseph-Marie Jacquard);

66) *der Tüll* – тюль; по названию города Тюль (Tulle) на юго-западе Франции.

11. Гастронимы (17 ЛЕ):

67) *der Armagnac* [arman'jak] – арманьяк (сорт дорогого французского коньяка); по названию местечка Арте-д'Арманьяк на юго-западе Франции (Arthez-d'Armagnac);

68) *der Bordeaux* [bɔr'do:] – бордо (сорт красного вина); по названию французского города Бордо (Bordeaux);

69) *der Camembert* ['kamäbe:v и 'kaməbe:v] – камембер (сорт французского сыра); по названию французской общины в департаменте Орн на севере Франции;

70) *der Champagner* [ʃam'panjɛr и ʃã-] – шампанское; по названию провинции Шампань (la Champagne) на северо-востоке Франции;

71) *die Chartreuse* [ʃar'trø:z(ə)] – пудинг из мяса и овощей; по названию женского монастыря картезианского ордена в исторической области Дофине на юго-востоке Франции;

72) *der Chartreuse* [ʃar'trø:z(ə)] – шартрèз (сорт ликёра); по названию женского монастыря картезианского ордена в исторической области Дофине на юго-востоке Франции;

73) *das Chateaubriand* [ʃatɔbri'ã:] – шатобриан (стейк); по фамилии французского писателя, политика и дипломата Франсуа Рене де Шатобриана (François-René de Chateaubriand);

74) *der Cognac* ['kɔnjak] – коньяк; по названию французского города Коньяк (Cognac);

75) *die Julienne* [zy'ljɛn] – жульен; в честь французского женского имени Жульен;

76) *der Kir royal* [kiŋrwajal] – шампанское со смородиновым ликёром; по фамилии мэра города Дижона (Dijon) Феликса Кира (Félix Kir);

77) *der Languedocwein* [lãg'døk] – лангедок (сорт французского вина); по названию исторической области Лангедок (Languedoc, Lengadòc) на юге Франции;

78) *der Muscadet* [myska'de] – вино марки Мюскаде; по названию винодельческой области в департаменте Атлантическая Луара на западе Франции;

79) *die Praline* [pra'li:nə] – шоколад с начинкой; по фамилии французского герцога Сезар де Шуазель, графа дю Плесси-Прален (César de Choiseul du Plessis-Praslin), повар которого изобрёл пралине;

80) *der Roquefort* [røk'fõ:r u 'røkfõ:r] – рокфор (сорт козьего сыра); по названию французской деревни Рокфор-сюр-Сулзон (Roquefort-sur-Soulzon);

81) *die Sauce béarnaise* [sosbeaʁ'ne:z] – беарнский соус; по названию французской местности Беарн (Béarn);

82) *die Sauce bordelaise* [sɔsbõrdə'lɛ:z] – бордосский соус; по названию города Бордо на юго-западе Франции (Bordeaux);

83) *der Sauternes* [so'tɛrn] – сотерн (сорт французского вина); по названию французской области Сотерн (Sauternes).

12. Эпонимы (13 ЛЕ):

84) *das / die Bain-Marie* [bɛma'ri:] – паровая баня (для подогрева и приготовления пищи); по имени Марии Пророчицы (Марии Еврейки, Maria die Jüdin);

85) *das Bajonett* [bajɔ'net] – штык; по названию города Байонны (Bayonne) на юго-западе Франции, где был изготовлен первый штык;

86) *der Couéismus* [kue'ismus] – расслабление методом аутоуггестии; по фамилии французского аптекаря Эмиля Куэ (Émile Coué);

87) *galvanisieren* – гальванизировать, наносить гальваническое покрытие; по фамилии итальянского естествоиспытателя и медика Луиджи Гальвани (Luigi Galvani);

88) *das Coulomb* [ku'lõ:] – кулон (единица измерения электрического разряда); по фамилии французского физика Шарля Огюстена де Кулона (Charles Augustin de Coulomb);

89) *die Guillotine* [gɥiljɔ'ti:nə] – гильотина; по фамилии французского врача Жозефа Игнаса Гильотена (Joseph Ignace Guillotin);

90) *das Curie* ['kyri:] – кюри (единица измерения радиоактивности); по фамилии польско-французской учёной-экспериментатора Марии Кюри (Marie Curie);

91) *die Garamond* [gara'mɔ̃:] – гарамон (разновидность типографского шрифта); в честь французского гравировщика-изобретателя Клода Гарамона (Claude Garamond);

92) *der Lamarckismus* – ламаркизм; по фамилии французского учёного-естествоиспытателя Жана Баптиста де Ламарка (Jean-Baptiste de Lamarck);

93) *das Nicotin / Nikotin* – никотин; по фамилии французского учёного Жана Нико (Jean Nikot);

94) *die Pasteurisation* [pastø-] – пастеризация; по фамилии французского химика Луи Пастера (Louis Pasteur);

95) *das Poise* ['pɔ̃:z(ə)] – пуаз, единица измерения вязкости; по фамилии французского физика и врача Жана Луи Мари Пуазёйля (Jean Léonard Marie Poiseuille);

96) *das Reaumur* ['re:omɥ:ʁ] – реомюр (единица измерения температуры); по фамилии французского физика Рене Антуана Реомюра (René-Antoine Ferchault de Réaumur).

**Парадигматические ряды заимствованных галлицизмов
в составе современного немецкого литературного языка (599 ЛЕ)**

1. Ряды омонимов (134 ЛЕ).

А. Омонимия ЛЕ внутри ГП.

Двучленные оппозиции (70 ЛЕ):

- 1) ¹*die Bande* (банда, шайка, клика; актёрская труппа (бродячая); артель, бригада рабочих) vs. ²*die Bande* (манежа, бортик),
- 2) ¹*die Bellevue* [bɛl'vy:] (бельведер: распространённое название замков, летних вилл, гостиниц) vs. ²*das Bellevue* [bɛl'vy:] (обозначение замка или гаштета с красивым видом),
- 3) ¹*die Bombage* (вздутие, вспучивание; бомбаж консервных банок) vs. ²*der Bombage* (причёска рокабилли),
- 4) ¹*das Bouclé / Buklee* (букле) vs. ²*der Bouclé / Buklee* (пряжа из букле; ковёр из букле),
- 5) ¹*die Chanson* [ʃã'sõ] (жанровая эпическая песня; любовные куплеты) vs. ²*das Chanson* [ʃã'sõ] (шансон),
- 6) ¹*die Charge* [ʃarʒə] (должность, чин, звание) vs. ²*die Charge* [ʃarʒə] (студенческая корпорация),
- 7) ¹*der Chartreuse* [ʃar'trø:z(ə)] (ликёр Шартрёз) vs. ²*die Chartreuse* [ʃar'trø:z(ə)] (пудинг из мяса и овощей),
- 8) ¹*die Crêpe / Krepp* (блинчик по-бретонски) vs. ²*der Crêpe / Krepp* (креп),
- 9) ¹*der Detacheur* [de'taʃø:v] (разрыхлитель) vs. ²*der Detacheur* [de'taʃø:v] (специалист по выведению пятен, работник химчистки),
- 10) ¹*detachieren* [-'ʃi:rən] (измельчать; отправлять отряд на задание) vs. ²*detachieren* [-'ʃi:rən] (выводить пятна с ткани),
- 11) ¹*die Duchesse* [dyʃɛs] (герцогиня во Франции) vs. ²*die Duchesse* [dyʃɛs] (прочная атласная ткань),
- 12) ¹*die Fasson* (фасон; модель, покрой) vs. ²*das Fasson* (отворот, лацкан),
- 13) ¹*der Foulard* (фуляр – сорт шёлковой ткани) vs. ²*das Foulard* (шейный платок из фуляра, шаль),
- 14) ¹*der Frappé / Frappee* (фраппе – ткань с тиснёным узором) vs. ²*das Frappé / Frappee* (коктейль фраппе),
- 15) ¹*der Fries* (фриз) vs. ²*der Fries* (драп, кастор, бобрик),
- 16) ¹*das Genie* [ze-] (гениальность; гений, гениальный человек) vs. ²*die Genie* [ze-] (отряд сапёров),

- 17) ¹*die Grenadine* (гранатовый сок) vs. ²*die Grenadine* (гренадин: сильнокручёный шёлк для основы),
- 18) ¹*der / die Jade* (жад, нефрит) vs. ²*die Jade* (река Яде, приток Северного моря),
- 19) ¹*der Kaffee* ['ka:fe и ka'fe:] (кофе) vs. ²*das Kaffee* [ka'fe:] (кафе),
- 20) ¹*der / das Kalkül* (вычисление; исчисление; счёт; смета) vs. ²*der Kalkül* (калькуляция),
- 21) ¹*der Kornett* (корнет, прапорщик) vs. ²*das Kornett* (корнет, рожок),
- 22) ¹*das Laisser-passer* (пускание всего на самотёк) vs. ²*das Laisser-passer* (пропуск; удостоверение личности),
- 23) ¹*der / das Marocain* (марокен – шёлковая ткань с тафтовым переплетением) vs. ²*der / das Marocain* (сафьян),
- 24) ¹*massieren* (сосредоточивать; массированно атаковать) vs. ²*massieren* (массировать, разминать)
- 25) ¹*das Militär* (армия, вооружённые силы, военные) vs. ²*der Militär* (военный, военнотрудовой),
- 26) ¹*das Millefleurs* (рисунок в цветочек) vs. ²*der Millefleurs* (мильфлёр – шпалерная ткань),
- 27) ¹*der Onkel* (дядя; знакомый взрослый мужского пола) vs. ²*der Onkel* (палец на ноге),
- 28) ¹*der / das Parasol* (зонт) vs. ²*der Parasol* (гриб-зонтик),
- 29) ¹*passe* [pas] (о числах от 19 до 36 в рулетке) vs. ²*passé / passee* [pa'se:] (вышедший из моды, ушедший в прошлое, неактуальный),
- 30) ¹*der Pik* (пик, остроконечная вершина) vs. ²*das Pique / Pik* (пики. карточная масть),
- 31) ¹*der / das Piqué / Pikee* (пике – сорт ткани) vs. ²*das Piqué / Pikee* (пике – обозначение монокристаллических алмазов со структурными примесями),
- 32) ¹*das / der Queue* [kø:] (бильярдный кий) vs. ²*die Queue* [kø:] (очередь, вереница; конец колонны),
- 33) ¹*der Schick* (шик, элегантность) vs. ²*der Schick* (жевательный табак),
- 34) ¹*schicken* (жевать табак) vs. ²*schicken* (посылать, отправлять),
- 35) ¹*der Türkis* (бирюза) vs. ²*das Türkis* (бирюзовая краска).

Трёхчленные оппозиции (6):

- 1) ¹*die Orange* [ɔ'gã:з(ə) и ɔ'gãŋз(ə)] (апельсин) vs. ²*orange* [ɔ'gã:з(ə) и ɔ'gãŋз(ə)] (оранжевый) vs. ³*das Orange* [ɔ'gã:з(ə) и ɔ'gãŋз(ə)] (краска оранжевого цвета),

2) ¹*seladon* [zela'dõ:] (бледно-зелёный) vs. ²*der Seladon* [zela'dõ:] (сентиментальный любовник; изнывающий от любви) vs. ³*das Seladon* [zela'dõ:] (саладон – тип керамической глазури).

Б. Омонимия ЛЕ ГП с другими ЛЕ СНЛЯ.

Двучленные оппозиции (32 ЛЕ):

1) ¹*die Barde* (ломтик жира, которым обкладывают нежирное мясо перед запеканием) vs. ²*der Barde* (исполнитель, бард),

2) ¹*der Dom* (кафедральный собор) vs. ²*der Dom* (брахиантиклиналь, геологический купол; шлем перегонного куба),

3) ¹*die Fronde* (фронда, политическая оппозиция) vs. ²*die Fronde* (крепостное рабство),

4) ¹*die Guerilla* [ge'gilja] (партизанский отряд) vs. ²*der Guerilla* [ge'gilja] (боец партизанского отряда),

5) ¹*das Kabel* (кабель; канат, цепь якоря) vs. ²*die Kabel* (доля прибыли, выигрыш),

6) ¹*kosten* (стоить, иметь цену) vs. ²*kosten* (пробовать),

7) ¹*die Kaper* (каперс) vs. ²*der Kaper* (капер, пиратское судно),

8) ¹*die Mine* (рудник, шахта; графитный стержень; мина – взрывное устройство) vs. ²*die Mine* (мина – древнегреческая мера),

9) ¹*die Parte* (некролог) vs. ²*die Parte* (квартирант, съёмщик жилья),

10) ¹*die Politesse* (политес, вежливость, учтивость) vs. ²*die Politesse* (политесса – помощница полиции, осуществляющая надзор за паркующимися автомобилями),

11) ¹*die Pose* (поза) vs. ²*die Pose* (поплавок),

12) ¹*die Rappe* (гребень; рашпиль) vs. ²*der Rappe* (скакун),

13) ¹*die Rotte* (толпа, шайка; звено самолётов, кораблей; стая кабанов, волков; ремонтная бригада) vs. ²*die Rotte* (ржа, гниль),

14) ¹*der Schock* (шок; потрясение) vs. ²*das Schock* (60 штук),

15) ¹*der Spektakel* (шумиха, гам; скандал) vs. ²*das Spektakel* (спектакль),

16) ¹*tuschen* (рисовать тушью, подводить тушью ресницы) vs. ²*tuschen* (заставить замолчать, утихомирить).

Трёхчленные оппозиции (12 ЛЕ):

1) ¹*die Kote* (нивелирная отметка, отметка высоты) vs. ²*die Kote* (изба) vs. ³*die Kote* (юрта),

2) ¹*parieren* (останавливать, замедлять лошадь) vs. ²*parieren* (парировать) vs. ³*parieren* (слушаться, повиноваться),

3) ¹*das Regal* (полка) vs. ²*das Regal* (переносный малый орган) vs. ³*das Regal* (регалия),

4) ¹*das / der Revers* (отворот, лацкан пиджака) vs. ²*der Revers* (реверс, обратная сторона монеты или медали, орёл) vs. ³*der Revers* (реверс – письменное обязательство о возмещении убытков).

Омографы (6 ЛЕ):

1) ¹*das Gros* [grɔ:] (главная часть; главные силы, большая часть, основная группа) vs. ²*das Gros* [grɔs] (гросс: 12 дюжин, старая мера счёта),

2) ¹*das Komplet* [kɔm'ple: и kɔ'ple:] (комплектный женский костюм) vs. ²*die Komplet* (повечерие, вечерная молитва духовных лиц),

3) ¹*das Rentier* [ren'ti:ɛ:] (рантье; пенсионер) vs. ²*das Rentier* (северный олень).

Омофоны (8 ЛЕ):

1) ¹*die Levee* [lə've:ɪ] (набор рекрутов) vs. ²*das Lever* [lə've:] (утренний приём у знатных особ),

2) ¹*der Pass* (паспорт; перевал) vs. ²*passé* [pas] (о числах от 19 до 36 в рулетке),

3) ¹*das Tourné* [tur'ne:] (раскрытый козырь в карточных играх) vs. ²*die Tournee* (турне, гастроли артистов),

4) ¹*der Tambour* ['tambu:v] (барабанщик; барабан купола) vs. ²*der Tambur* (вышивальным барабан).

2. Ряды паронимов (58 ЛЕ).

Двучленные оппозиции (52 ЛЕ):

1) ¹*das Appartement* [apartɛtəmã] (апартамент, роскошная квартира или номер в гостинице из нескольких комнат с ванной) vs. ²*das Apartment* [ə'pa:tmənt] (городская квартира),

2) ¹*die Arabeske* (арабеска; стилизованный растительный орнамент; вычурность; завиток) vs. ²*die Arabesque* (арабеск в балете),

3) ¹*die Charte* [ʃartɛ] (основной закон, устав) vs. ²*die Charta* ['karta] (хартия),

4) ¹*die Constituante* [kɔsti'tyã:t] / *Konstituante* [kɔsti'tüantɔ] (конституанта; учредительское собрание; национальное законодательное собрание) vs. ²*die Konstituente* (составляющая, компонент),

5) ¹*das Departement* [departɛtəmã] (департамент, ведомство) vs. ²*das Department* [dɛ'pa:tmənt] (отдел в канцелярии; кафедра в вузе; административный участок; администрация),

- 6) ¹*der Dividend* (делимое, числитель дроби) vs. ²*die Dividende* (дивиденд, доход),
- 7) ¹*das Falliment* (неплатёжеспособность) vs. ²*das Fallissement* (банкротство),
- 8) ¹*der Franc* [frã:] (французский, бельгийский и люксембургский франк) vs. ²*der Franken* (швейцарский франк),
- 9) ¹*der Garçon* [gar'sõ:] (официант; мальчик; подмастерье) vs. ²*die Garçonne* [gar'sõn] (незамужняя девушка, похожая на мальчика),
- 10) ¹*der Instrukteur* (инструктор) vs. ²*der Instruktor* (наставник, учитель),
- 11) ¹*der Konduktor* (электрический проводник) vs. ²*der Kondukteur* (кондуктор в общественном транспорте),
- 12) ¹*der Kontroller* (контролёр электродвигателя) vs. ²*der Kontrolleur* (транспортный контролёр),
- 13) ¹*der Kredit* [-'di:t и -'dit] (кредит, займ) vs. ²*das Kredit* (кредит),
- 14) ¹*das Limit* (лимит) vs. ²*die Limite* (ценовая граница),
- 15) ¹*der Legionar* (легионер, солдат легиона) vs. ²*der Legionär* (солдат Французского Иностранного легиона; легионер: игрок, выступающий за иностранную команду),
- 16) ¹*die Madam* (хозяйка, сударыня) vs. ²*die Madame* [ma'dam] (мадам: обращение к женщине),
- 17) ¹*das Memoire* [me'mõ'a:v] (меморандум) vs. ²*Pl. Memoiren* [me'mõ'a:rən] (мемуары, воспоминания),
- 18) ¹*der Naturalismus* (натурализм – направление в искусстве и философии) vs. ²*der Naturismus* (нудизм – культ обнажённого тела),
- 19) ¹*das / die Nocturne* [nok'tyʁn] (ноктюрн; всенощная) vs. ²*das Notturno* (ноктюрн),
- 20) ¹*der Partikulier* [partiky'li:e:] (пантё) vs. ²*der Partikulier* [-li:v] (частный владелец судна),
- 21) ¹*die Praline* [pra'li:nə] (шоколад с начинкой) vs. ²*das Praliné / Pralinee* (пралине),
- 22) ¹*das Prélude* [pre'ly:d] (музыкальная фантазия) vs. ²*das Präludium* (прелюдия),
- 23) ¹*der Restaurateur* [restõra'tõ:v] (ресторатор, хозяин ресторана, гаштета) vs. ²*der Restaurator* (реставратор),
- 24) ¹*Sire* [si:r] (сир – обращение к великородным особам) vs. ²*der Sir* [sə:] (сэр – обращение к мужчине в англосаксонских странах; дворянский титул в Великобритании),
- 25) ¹*der Term* (терм; элемент) vs. ²*der Terme* (межевой камень, пограничный знак),

26) ¹*der Trupp* (взвод, отряд, команда бойцов) vs. ²*die Truppe* ['trʊpə] (воинская часть; подразделение; группа бродячих артистов).

Трёхчленные оппозиции (6 ЛЕ):

27) ¹*der Ottoman* (оттоман – репсовая ткань) vs. ²*die Ottomane* (тахта, оттоманка) vs. ³*der Ottomane* (осман),

28) ¹*travers* (в поперечную полоску) vs. ²*der Travers* [tra've:ʁ] (траверз) vs. ³*die Traverse* (поперечная подвесная балка; дамба; траверса; уход в сторону от удара или укола в фехтовании).

3. Ряды гетеронимов (18 ЛЕ):

1) *die Fiche* [fi:ʃ] (фр., лат.: игровая фишка) vs. *das / der Fiche* (англ.: микрокарта),

2) *das Grain* [grɛ̃:] (фр., лат.: грейн – шёлковая ткань двухуточного репсового переплетения) vs. *der Grain* [grein] (англ.: гран – старинная мера веса),

3) *der / das Habit* [ha'bi:t, ha'bit u 'habit] (фр., лат. – платье, одеяние; облачение) vs. *das / der Habit* ['hæbit] (привычка),

4) *das Office* (фр.: помещение для подготовки блюд к сервировке в ресторане) vs. *das Office* (англ.: офис, бюро),

5) *der Pik* (фр., нидерл.: пик, горная вершина) vs. *der Peak* [pi:k] (англ.: максимум; вершина кривой),

6) *der Point* [pɔ̃:] (фр.: взятка, хваль в карточных играх) vs. *der Point* ['point] (англ.: пункт в котировках акций),

7) *der Salon* [sa'lɔ̃:, sa'lɔŋ u sa'lo:n] (фр., итал.: салон, гостиная; кают-компания) vs. *der Saloon* [sə'lu:n] (англ.: салун, трактир),

8) *das Service* [sɛr'vi:s] (фр.: сервиз, столовый прибор vs. *der Service* ['sɛ:rvis] (англ.: сервис, обслуживание),

9) *das Valet* (лат.: прощание) vs. *der Valet* (фр.: валет в карточных играх).

4. Ряды синонимов (389ЛЕ).

А. Галло-немецкая синонимия (383 ЛЕ).

Двучленные ряды (310 ЛЕ):

1) *die (Abend)robe* – *das (Abend)kleid*,

2) *das Adieu* – *das Lebewohl*,

3) *das Ameublement* – *das Meublement*,

4) *die Annonce* – *die Anzeige*,

5) *die Ambassade* – *die Botschaft*,

6) *der Ambassadeur* – *der Botschafter*,

- 7) *die Agonie – der Todeskampf,*
- 8) *der Adressant – der Sender,*
- 9) *der Adressat – der Empfänger,*
- 10) *à la longue – über kurz oder lang,*
- 11) *die Balletteuse – die Balletttänzerin,*
- 12) *der Bankier – der Banker,*
- 13) *die Bombarde – das Mörserschiff,*
- 14) *die Bougie – die Dehnsonde,*
- 15) *die Bouillon – die Brühe,*
- 16) *die Brillantine – die Haarpomade,*
- 17) *die Budike – der Viktualienkeller,*
- 18) *der Camion – der Lastkraftwagen (LKW),*
- 19) *der Camionneur – der Spediteur,*
- 20) *die Camouflage – Tarnkleidung,*
- 21) *der Champion – der Weltmeister,*
- 22) *das Championat – die Weltmeisterschaft,*
- 23) *die Chantage – die Erpressung,*
- 24) *der Chauffeur – der Fahrer,*
- 25) *der Chef de Cuisine – der Küchenchef,*
- 26) *die Cloche – der Glockenhut,*
- 27) *das Communiqué – die Pressemitteilung,*
- 28) *das Coupé – das Abteil,*
- 29) *der Cousin – der Vetter,*
- 30) *die Couvade – das Männerkindbett,*
- 31) *das Couvert (Kuvert) – der (Brief-)umschlag,*
- 32) *das Defilee – der Vorbeimarsch,*
- 33) *die Demission – der Rücktritt,*
- 34) *das Dessous – die Reizwäsche,*
- 35) *die Dublette – das Doppelstück,*
- 36) *demilitarisieren – entmilitarisieren,*
- 37) *die Demimonde – die Halbwelt,*
- 38) *desarmieren – entwaffnen,*
- 39) *die Détente(politik) – die Entspannungspolitik,*
- 40) *das / die Eau de Cologne – das Kölnischwasser,*
- 41) *das / die Eau de Javel – das Javelwasser,*
- 42) *egal – gleichgültig,*
- 43) *die Enfilade – die Zimmerflucht,*
- 44) *enflammeren – entflammen,*
- 45) *der Ennui – die Langeweile,*
- 46) *das Enroulement – die Wicklung,*

- 47) *der Entrepreneur – der Unternehmer,*
- 48) *entreprenieren – unternehmen,*
- 49) *die Eskader – das Geschwader,*
- 50) *exkusabel – verzeihlich,*
- 51) *exkusieren – entschuldigen,*
- 52) *der Fauteuil – der Sessel,*
- 53) *der Fendant – der Gutedel,*
- 54) *die Frikadelle – das Fleischklößchen,*
- 55) *der Financier – der Finanzier,*
- 56) *die Fontäne – der Springbrunnen,*
- 57) *fragmentär – fragmentarisch,*
- 58) *die Gaillardia – die Kokardenblume,*
- 59) *die Garderobiere – die Garderobenfrau,*
- 60) *Gigots, Pl. – Keulenärmel, Pl.,*
- 61) *grillieren – grillen,*
- 62) *die Guillotine – das Fallbeil,*
- 63) *der Hautelisse-Stuhl – der Hochwebstuhl,*
- 64) *die Hautevolee – die Highsociety,*
- 65) *der Homme de Lettres – der Schriftsteller,*
- 66) *die Humiliation – die Demütigung,*
- 67) *der Hypokrit – der Heuchler,*
- 68) *die Idée fixe – die fixe Idee,*
- 69) *illusionär – illusorisch,*
- 70) *imaginär – imaginativ,*
- 71) *die Imaginationskraft – die Einbildungskraft,*
- 72) *die Jovialität – die Leutseligkeit,*
- 73) *die Jupe – der (Unter)Rock,*
- 74) *der Kolporteur – der Hausierer,*
- 75) *kolportieren – hausieren,*
- 76) *der Kondukteur – der Schaffner,*
- 77) *die Konterrevolution – die Gegenrevolution,*
- 78) *die Korrespondenz – der Briefwechsel,*
- 79) *libertin – zügellos,*
- 80) *die Lorgnette – die Stielbrille,*
- 81) *das Lorgnon – das Monokel,*
- 82) *die Lukarne – die Dachgaube,*
- 83) *der Magot – der Berberaffe,*
- 84) *der Maskaron – der Fratzenkopf,*
- 85) *das / der Mannequin – die Schaufensterpuppe,*
- 86) *der / das Maroquin – der Saffian,*

- 87) die *Ménage-à-trois* – die Dreieckbeziehung,
 88) die *Mettage* – der Umbruch,
 89) der *Mineur* – der Pioniersoldat,
 90) *nature* – *naturell*,
 91) der *Nigger* – der Neger,
 92) das / die *Nocturne* – das Nachtstück,
 93) der *Parvenü* – der Emporkömmling,
 94) die *Pairie* – die Pairswürde,
 95) das *Palais* – der Palast,
 96) das *Pamphlet* – die Schmähschrift,
 97) die *Parte* – der Partezettel,
 98) die *Parterreakrobatik* – das Bodenturnen,
 99) der *Passepoil* – die Paspel,
 100) *passespoilieren* – *paspelieren*,
 101) der *Pâtissier* – der Konditor,
 102) die *Perfidie* – die Perfidität,
 103) der *Permanentmagnet* – der Dauermagnet,
 104) der *Perron* – der Bahnsteig,
 105) die *Personifikation* – die *Prosopopöie*,
 106) die *Petitesse* – die Geringfügigkeit,
 107) die *Philatelie* – die Briefmarkenkunde,
 108) der *Philatelist* – der Briefmarkensammler,
 109) der *Pik* – der Piz,
 110) die *Pike* – der Speiß,
 111) *pincé* – *pizzicato*,
 112) das *Pissoir* – das Urinal,
 113) die *Planche* – die Fechtbahn,
 114) die *Planchette* – das Miederstäbchen,
 115) das *Pleinair* – die Freilichtmalerei,
 116) das *Plumeau* – das Federbett,
 117) der *Plüschbar* – der Teddybär,
 118) der *Poissonnier* – der Fischkoch,
 119) die *Police* – der Versicherungsschein,
 120) der *Pompon* – der Bommel,
 121) die *Porte-chaise* – die Sänfte,
 122) das *Portemonnaie* – die Geldbörse,
 123) der *Poseur* – der Blender,
 124) das *Potaufeu* – der Eintopf,
 125) die *Primage* – das Primgeld,
 126) die *Raffinage* – die Veredelung,

- 127) *rapid(e)* – schnell,
- 128) *der / das Rebus* – das Bilderrätsel,
- 129) *der Refrain* – der Kehrreim,
- 130) *das Renkontre* – der Zusammenstoß,
- 131) *der Renegat* – der Abtrünnige,
- 132) *die Renonce* – die Fehlfarbe,
- 133) *der Repräsentant* – der Vertreter,
- 134) *repräsentabel* – repräsentativ,
- 135) *das Reptil* – das Kriechtier,
- 136) *reputabel* – reputierlich,
- 137) *das Ressentiment* – die Abneigung,
- 138) *der Roué* – der Lebemann,
- 139) *roulieren* – rollieren,
- 140) *die Scharlatanerie* – der Scharlatanismus,
- 141) *die Schärpe* – die Armbinde,
- 142) *die Silhouette* – der Schattenriss,
- 143) *similär* – ähnlich,
- 144) *das Soixante-neuf* – das Sixty-nine,
- 145) *spektakulär* – aufsehenerregend,
- 146) *das Staket* – der Lattenzaun,
- 147) *der Support* – der Werkzeugschlitten,
- 148) *die Tapisserie* – die Bildwirkerei,
- 149) *das Teleskop* – das Fernglas,
- 150) *temporär* – temporell,
- 151) *die Tjost* – das Lanzenstechen,
- 152) *die T(o)urnüre* – der Reifrock,
- 153) *das Tourniquet* – die Karusselltür,
- 154) *die Transhumanz* – die Wanderweidewirtschaft,
- 155) *das Travée* – das Säulenjoch.

Трёхчленные ряды (44 ЛЕ):

- 1) *das Accessoire* – das Zubehör – das Beiwerk,
- 2) *die Balance* – das Gleichgewicht – das Äquilibrium,
- 3) *das Billett* – die Fahrkarte – das Ticket,
- 4) *der Cidre* – der Zider – der Apfelschaumwein,
- 5) *der Clou* – der Glanzpunkt – der Kernpunkt,
- 6) *die Contredanse* – der Kontertanz – Contretanz,
- 7) *die Foie gras* – die Gänsestopfleber – die Entenstopfleber,
- 8) *das Enjambement* – der Zeilensprung – der Verssprung,
- 9) *die Granadille* – Grenadille – die Passionsfrucht,

- 10) *der Mousseron – Musseron – der Knoblauchschwindling,*
- 11) *die Pagaie – das Petschel – das Paddel,*
- 12) *der Parasol(pilz) – der Gemeine Riesenschirmling – der Riesenschirmpilz,*
- 13) *das Pincenez – der Kneifer – der Zwicker,*
- 14) *das Portepee – der Faustriemen – das Schlagband,*
- 15) *der Pompadour – der / das Ridikül – die Handtasche,*
- 16) *der Potschamber – der Nachtopf – das Nachtgeschirr,*
- 17) *der Privatier – der Proprietär – der Eigentümer,*
- 18) *die Rokambole – die Perlzwiebel – der Schlangenknolauch,*
- 19) *die Savonnette – die Sprungdeckel(taschen)uhr – die Kapseluhr,*
- 20) *der / das Service – das Geschirrset – das Servierbesteck,*
- 21) *das Trottoir – der Bürgersteig – der Gehsteig,*
- 22) *der Voyeur – der Voyeurist – der Spanner.*

Четырѣхчленные ряды (16 ЛЕ):

- 1) *der / das Brouillon – die Kladde – das Schmierheft – die Strazze,*
- 2) *der Merlan – der Weißling – der Wittling – der Gadden,*
- 3) *der Panasch – der Federbusch – der Helmbusch – die Helmzier,*
- 4) *der Postill(i)on – das Große (Gelbe) Posthörnchen – der Wander-
gelbling – der Orangerote Kleefalter.*

Многочленные ряды (13 ЛЕ):

- 1) *die Reineclaude / die Reneclode / die Reneklode – die Ringlotte – die
Ringelotte / das Ringlo – die Echte Edelpflaume – die Edel-Rund-Pflaume,*
- 2) *die Schalotte – die Eschalotte – die Edelpflaume – die Aska-
lonzwiebel – der Eschlauch.*

Б. Галло-галльская синонимия (6 ЛЕ).

- 1) *das Cafѣ-concert – das Cafѣ-chantant,*
- 2) *das Florett – das Rapier,*
- 3) *sans cérémonie – sans façon.*

Научное издание

**КОБЕНКО Юрий Викторович
МЕРЕМКУЛОВА Татьяна Игоревна**

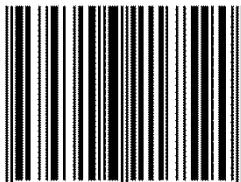
**ГАЛЛЬСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ:
СТРУКТУРНО-СИСТЕМНЫЕ
И ФУНКЦИОНАЛЬНО-ДИНАМИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ**

Редактор Н.А. Афанасьева
Компьютерная верстка А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 30.10.2018 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Печ. л. 12. Усл. печ. л. 11,2. Тираж 500 экз. Заказ № 3144.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-94621-759-0

9 785946 217590